

история / география / этнография

Владимир Мономах,
князь-мифотворец

Дмитрий Боровков

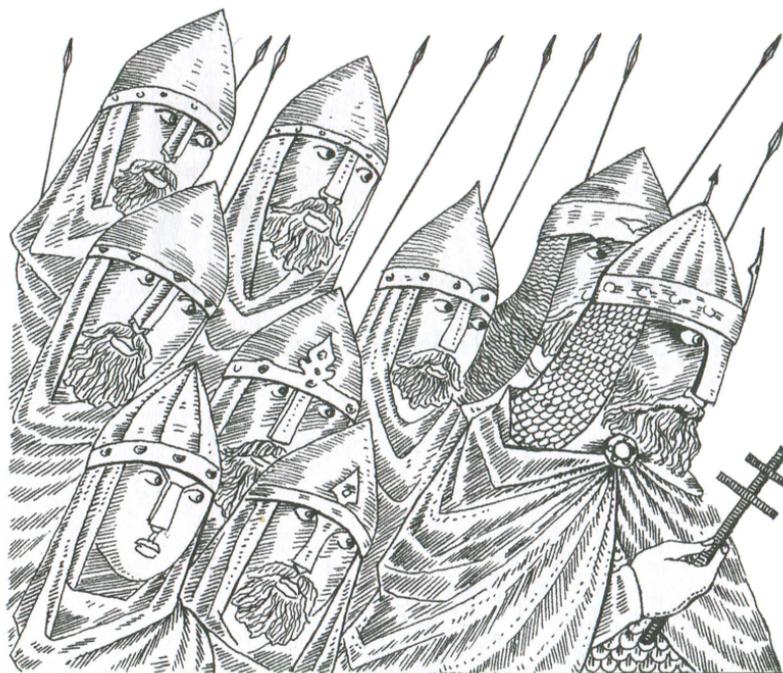
Владимир Мономах, князь-мифотворец

Дмитрий Боровков

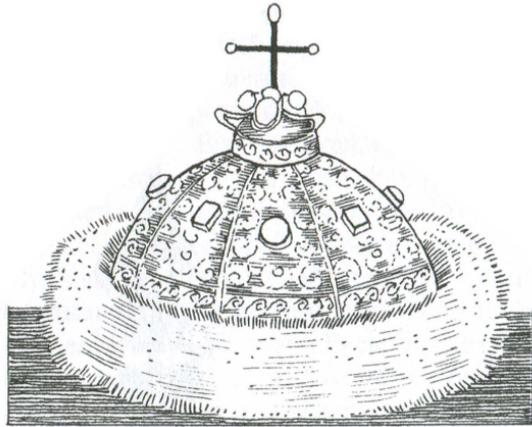

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дмитрий Боровков

Владимир Мономах,
князь-мифотворец

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(47).027
ББК 63.3(2)4
Б83

Серия **By Kali**
Vytautas & Kali

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-276-9

© Д. Боровков, 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Владимир Мономах (1053—1125) является одной из самых известных и одновременно одной из самых противоречивых фигур русской истории. Его уникальность среди других представителей рода Рюриковичей заключается в том, что он был одним из немногих связанных родственными узами с византийской аристократией; первым и единственным (за исключением Ивана Грозного) правителем средневековой Руси, чья деятельность известна нам не только по летописям, но и по «документам личного происхождения»: «Поучению к детям», автобиографическому перечню «путей и трудов», описывающему военные походы князя с тринадцати до шестидесяти четырех лет, и письму к двоюродному брату Олегу Святославичу, написанному осенью 1096 г. (далее в тексте все три произведения, принадлежащие перу Мономаха и сохранившиеся в тексте Лаврентьев-

ской летописи 1377 г., именуется «Поучением»). Казалось бы — раз деятельность Владимира Мономаха документирована гораздо лучше, чем деятельность других русских князей, оценка его личности должна быть более объективной, чем во всех остальных случаях, однако достаточно привести несколько характеристик, данных Владимиру Мономаху крупнейшими отечественными историками, чтобы убедиться в том, что это далеко не так.

Например, С. М. Соловьёв (1820—1879) считал, что «Мономах принадлежит к тем великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества, которые своею высокою личностию умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму», однако представлял его своеобразным «князем-консерватором», отмечая, что «Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества; это было лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям»¹.

Н. И. Костомаров (1817—1885) писал, что «между древними князьями до татарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волею, выдававшийся здравым умом посреди всей братии князей русских», около имени которого «вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и первой четверти XII века» и который «может по справедливости быть назван человеком своего времени». Однако тот же автор отмечал, что, «рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил»².

Согласно М. С. Грушевскому (1866—1934), «Мономах дорожил общественным мнением и старался облекать свои дей-

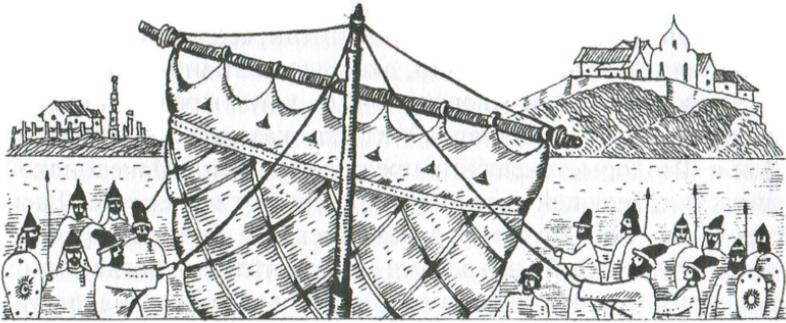
ствия в благовидную форму», однако «можно указать несколько фактов, которые не совсем согласуются с традиционным обликом его». В представлении исследователя он «обладал ясным практическим умом, отличался необычайной энергией и деятельностью, замечательным тактом; нельзя заподозреть искренность его набожности, его любви к Русской земле; несомненно, он не был злым, лукавым человеком, но в то же время собственная выгода неизменно фигурирует в его деятельности и ею обуславливаются его поступки»; в то же время «Мономах не был чудом века, как называют его некоторые, а лишь одним из замечательнейших его представителей...»³.

По словам Б. А. Рыбакова (1908—2001), «Владимир Мономах тем и представляет для нас интерес, что всю свою неукротимую энергию, ум и несомненный талант полководца употребил на сплочение рассыпавшихся частей Руси и организацию отпора половцам». При этом, по мнению исследователя, «Мономах, несомненно, был честолюбив и не гнушался никакими средствами для достижения высшей власти. Кроме того, как мы можем судить по его литературным произведениям, он был лицемерен и умел демагогически представить свои поступки в выгодном свете как современникам, так и потомкам»⁴.

Но существуют и иные характеристики князя. Например, Д. С. Лихачёв (1906—1999) писал, что Владимир Мономах, «конечно, представитель новой идеологии, оправдывавшей новый, провозглашенный на Любечском съезде принцип — “каждо да держит отчину свою”, признавший факт раздробления Руси», который «во всех случаях подавал свой голос за упорядочение государственной жизни Руси на основе нового принципа и стремился предотвратить идейной пропагандой те княжеские раздоры, которые в новых условиях могли только усилиться», так что «призыв к единению против общих врагов — половцев, к прекращению раздоров между князьями не был в его устах призывом к старому порядку»⁵.

Перечень исследовательских оценок Владимира Мономаха и интерпретаций тех или иных аспектов его политической деятельности (наиболее интересные из них приведены ниже) можно продолжать долго. Чтобы лучше понять причины таких противоречий, мы обратимся к источникам, главными из которых являются «Повесть временных лет» и входящее в ее состав «Поучение» Мономаха.

Для удобства читателей цитирование фрагментов из «Повести временных лет» осуществлено в книге по переводу Д. С. Лихачёва; фрагментов из «Киево-Печерского патерика» и «Сказания о князьях Владимирских» — по переводу Л. А. Дмитриева; фрагментов из «Сказания о чудесах» — по переводу Н. И. Милютенко; фрагментов «Послания» Спиридона-Саввы — по переводу А. Ю. Карпова; фрагментов из посланий митрополита Никифора — по переводам С. М. Полянского; фрагментов из анналов Ламперта Герсфельдского — по переводу А. В. Назаренко. Цитирование фрагментов «Поучения» Владимира Мономаха осуществлено по переводу Д. С. Лихачёва (в этом случае приводится ссылка на текст, опубликованный в первом томе «Памятников литературы Древней Руси». М., 1978), за исключением фрагментов, относящихся к автобиографическому перечню «путей и трудов», которые переведены автором настоящих строк (в этом случае ссылка дается на текст, опубликованный в первом томе «Полного собрания русских летописей». М., 2001), равно как и фрагменты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, следующие за текстом «Повести временных лет», а также фрагменты «Устава Владимира Всеволодовича».

«В лето 6561 (1052/53 по сентябрьскому стилю) у Всеволода родился сын и нарек имя ему Владимир, от царицы грекини — такими словами сообщает о рождении нашего героя «Повесть временных лет» — летописный свод, формирование которого завершилось вскоре после вступления Мономаха на киевский стол. Упоминание о подобном факте — довольно редкий случай в истории древнерусского летописания. До этого момента «Повесть временных лет» сообщает только даты рождения пяти князей — Владимира, Изяслава, Святослава, Всеволода и Вячеслава Ярославичей. Синодальный список Новгородской первой летописи прибавляет к этому упоминание о рождении Святополка Изяславича, двоюродного брата Мономаха, который родился в 6558 (1049/50) г. и был старше него примерно на три года. Появление на страницах летописей информации о датах рождения князей свидетельствует о том, что она могла быть зафиксирована летописной традицией еще при их жизни. Впрочем, князь, ставший автором первого в древнерусской литературной традиции автобиографического произведения, предоставляет дополнительную информацию о себе: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василий,

русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею, Мономахи...»⁶. Эти два свидетельства дают основание предполагать, что Владимир Мономах по материнской линии приходился родственником византийскому императору Константину IX Мономаху.

Род Мономахов не принадлежал к императорскому дому, хотя был связан со многими аристократическими фамилиями Византийской империи. Константин, его последний представитель по мужской линии, оказался на троне вскоре после государственного переворота 1042 г., когда в результате свержения императора Михаила V власть оказалась в руках сестер Зои и Феодоры, последних представительниц Македонской династии, ведущей свое происхождение от императора Василия I (867—886), которые, оказавшись не в состоянии руководить государственными делами самостоятельно, после долгих поисков соправителя остановили свой выбор на кандидатуре Мономаха. На следующий год после его воцарения под стенами Константинополя появился русский флот под командованием новгородского князя Владимира Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого.

О причинах экспедиции в «Повести временных лет» ничего не сообщается, однако современник этих событий, византийский историк Михаил Пселл, глухо писал о том, что подготовка этого нападения началась на Руси заблаговременно, едва ли не со времени вступления на престол в 1034 г. императора Михаила IV, но приготовления были окончены только после вступления на престол Константина IX, когда «варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными»⁷. По утверждению позднего автора Иоанна Скилицы, непосредственным поводом для экспедиции послужило убийство на торговой площади в Константинополе «знатного скифа»: хотя византийский император, ради сохранения мира, готов был урегулировать возникшее недоразумение дипломатическим путем, его инициатива была надменно отвергнута «катархонтом» росов Владимиром⁸. В то же время слова Михаила Пселла позволяют предполагать, что в действительности напряжение в отношениях между двумя странами нарастало давно, а инцидент на торговой площади, о котором сообщает Скилица, мог служить лишь прикрыти-

ем для похода с целью получить контрибуцию с византийского правительства.

По свидетельству «Повести временных лет», на пути к столице империи русский флот сделал остановку в устье Дуная: по мнению Г. Г. Литаврина, именно здесь послы Константина Мономаха вели переговоры с Владимиром Ярославичем о компенсации за гибель в столице «знатного скифа»⁹, в результате которых получили от новгородского князя «надменный ответ». В чем именно он заключался — не известно, но, когда летом 1043 г. Владимир оказался в акватории Мраморного моря, в непосредственной близости от Константинополя, в качестве гарантии сохранения мира было выдвинуто требование об уплате не компенсации за одного убитого, а крупной контрибуции для всего русского войска, которое, по утверждению Скилицы, было отвергнуто византийской стороной даже перед угрозой сражения, когда обе стороны, уже приготовившись к бою, выжидали удобный момент, чтобы напасть друг на друга.

Византийцы решились напасть на русский флот только под вечер и сумели одолеть его частью благодаря «греческому огню», частью благодаря произошедшей во время сражения буре. Упоминание об этом стихийном бедствии есть и в «Повести временных лет», где говорится, что князь Владимир, чье судно утонуло, сумел спастись на корабле воеводы Ивана Творимирича; от бури пострадали и другие корабли, люди с которых, числом до 6000 человек, вынуждены были сойти на берег; их возглавил воевода Вышата. Остаткам «русской армады», по-видимому, удалось избежать окружения; хотя император снарядил за ними погоню, кораблям Владимира Ярославича удалось отбить это нападение и возвратиться на Русь; сухопутному корпусу повезло меньше: русские воины были взяты в плен, доставлены в Константинополь и ослеплены (по утверждениям арабских авторов им также отрубали правые руки). Вышата вернулся на Русь после того, как около 1046 г. был заключен мир с империей.

Вероятно, вскоре состоялся и брак одного из младших сыновей Ярослава, Всеволода Ярославича, с родственницей византийского императора. Современник Мономаха, киевский митрополит Никифор I (1104—1121), в одном из своих посланий князю (так называемое Послание о посте), подчеркивая

его положение в качестве «доблестного главы нашего и всей христолюбивой земли», отмечает, что в нем Бог смешал «царскую и княжескую кровь»¹⁰. В «Тверском сборнике», в основе которого, как считается, лежит «Ростовский свод 1534 г.», говорилось, что замужем за Всеволодом была «дочь греческого царя Константина Мономаха» (аналогичное утверждение было воспроизведено позднее в Густынской летописи, а также в синодике основанного Всеволодом Выдубицкого монастыря)¹¹. Высказывались предположения о том, что она могла носить имя Марии¹² или Анастасии¹³.

Однако брак Константина IX с императрицей Зоей, благодаря которому он получил право на престол, был бездетным. Так как до этого Мономах был женат еще два раза, можно предположить, что он мог иметь дочь от одного из предшествующих браков. Михаил Пселл упоминает, что вторым браком Константин был женат на племяннице эпарха (губернатора) Константинополя Романа Аргиропула, который в ноябре 1028 г. стал императором под именем Романа III. По мнению Г. Г. Литаврина и В. Л. Янина, отвергнувших возможность брака Всеволода Ярославича с одной из родственниц императора по другим линиям рода Мономахов, замуж за русского князя могла быть выдана именно дочь Константина Мономаха от второго брака¹⁴.

Строго говоря, даже в этом случае она не могла считаться «порфирородной» представительницей императорской династии — то есть «царицей» (в отличие от Анны, дочери императора Романа II, выданной замуж за Владимира Святославича и также именуемой «царицей» в «Повести временных лет»), так как в момент ее рождения Константин Мономах был частным лицом, а его жена не принадлежала непосредственно к Македонской династии, хотя приходилась правнучкой императору Роману I Лакапину, который в 920 г. сумел стать тестем и соправителем императора Константина VII Багрянородного¹⁵.

Сам Роман Аргиропул получил корону благодаря не этим родственным связям, а браку с Зоей, устроенному перед самой смертью ее отца — императора Константина VIII — последнего потомка Василия I по мужской линии. Возможно, матерью Владимира Мономаха могла быть внебрачная дочь Константина от Марии Склирены, племянницы его второй жены, ко-

торая сопровождала его в ссылку на остров Митилену, куда его отправил второй муж императрицы Зои император Михаил IV Пафлагонянин (1034—1041). После того как Константин сам стал императором, Мария Склирена получила статус его официальной фаворитки, вместе с почетным титулом севасты. Несмотря на то что подобный акт вызвал возмущение в Константинополе, Мария Склирена вплоть до своей смерти оставалась рядом с императором.

Если мать Владимира Мономаха родилась от этой внебрачной связи, ее происхождение в действительности было менее почетным, чем представляется на первый взгляд, однако для древнерусских книжников могло быть важным не столько происхождение «царицы грекини», сколько сам факт матримониального союза одного из русских князей с родом царствовавшего в тот момент византийского монарха.

В «Поучении» Мономах упоминает, что княжеским (славянским) и крестильным (греческим) именем его нарек дед Ярослав, и это имянаречение не оставляет никаких сомнений в том, сколь важное значение придавал браку Всеволода киевский князь, назвавший внука теми же именами, которые носил его отец Владимир Святославич, также получивший в крещении имя Василия. Известно, что внук Ярослава использовал крестильное имя, равно как и родовое византийское имя своей матери, официально: например, на печати № 13082, найденной в 1960 г. на «Рюриковом» Городище, он фигурировал под именем «Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха»¹⁶.

Вскоре после рождения Владимира Мономаха, в феврале 6562 г. (1053/54 г. по сентябрьскому стилю), Ярослав скончался. Как сообщается в «Повести временных лет», еще при жизни он дал наставление сыновьям: «“Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам

вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск”. И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: “Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают”. И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ...»¹⁷.

Принципы наследования «стольных городов», сформулированные в этом летописном рассказе, известны в исторической литературе под названием «ряда Ярослава», однако сомнения в их достоверности высказал еще С. М. Соловьёв, связавший появление рассказа с политической обстановкой конца XI в.¹⁸ М. С. Грушевский осторожно писал, что это учение соответствует политическим идеалам современного князю общества и что «оно могло быть вложено в уста Ярослава любым современным книжником, однако, с другой стороны, невозможно указать в нем ничего, что противилось бы положению или желаниям Ярослава»¹⁹.

Со времени А. А. Шахматова этот текст считался результатом работы составителя «Первого Печерского свода» Никола²⁰, ставшей реакцией на междукняжеский конфликт 1073 г., в результате которого Изяслав Ярославич был вынужден оставить киевское княжение и уйти в Польшу. Позднее Л. В. Черепнин не без оснований попытался связать его появление в летописной традиции с составлением в конце XI в. «Начального свода», который предшествовал появлению «Повести временных лет»²¹. В пользу этого предположения свидетельствует отмеченное А. Н. Насоновым текстуальное и сюжетное сходство статьи 1054 г. со статьей 1093 г., рассказывающей о кончине Всеволода Ярославича — отца Владимира Мономаха²².

Данную в «Повести временных лет» репрезентацию событий 1054 г. можно охарактеризовать не только как составленную «задним числом», но и в некоторой степени отражающую интересы Владимира Мономаха. В этом легко убедиться, стоит только обратить внимание на то, что в «Чтении о житии и погублении святых мучеников Бориса и Глеба», составленном агиографом Киево-Печерского монастыря Нестором, где также упоминается о кончине Ярослава, организация его похорон приписывается не Всеволоду, а Изяславу Ярославичу: «Христолюбивый Ярослав княжил многие годы в правоверии, а сыновей своих по землям поставил. И построил великую церковь — Святую Софию и много других церквей, которые и доныне стоят. После недолгой болезни предал душу в руки Божии, поручив престол свой старшему сыну своему Изяславу. А он, обрядив тело отца, положил его в мраморную раку и поставил в притворе церкви Святой Софии»²³. Таким образом, налицо расхождение между источниками, которое продиктовано определенными политическими тенденциями. Но насколько можно доверять этой репрезентации событий, появившейся, по всей видимости, при сыне Изяслава — Святополке, бывшем предшественником Мономаха на киевском столе?

Старшие сыновья Ярослава при его жизни находились на княжении в разных волостях, что подтверждают и «Чтение», и «Повесть временных лет», однако информация о месте княжения Изяслава Ярославича в Лаврентьевском и сходных с ним списках, которые отражают первую редакцию «Повести...», завершённую к 1116 г., пропущена. Очень часто в историографии встречается упоминание о том, что перед смертью отца Изяслав княжил в Новгороде, который получил после смерти в октябре 1052 г. старшего брата Владимира Ярославича, что в силу расстояния между городами исключает его участие в погребальной церемонии в Киеве.

Однако подобное представление, восходящее к мнению С. М. Соловьёва²⁴, достаточно спорно, так как эта информация впервые появляется в позднем памятнике новгородской летописной традиции XV в. — Софийской I летописи младшего извода, — тогда как в предшествующих ей Новгородской I летописи младшего извода и Софийской I летописи старшего извода в этом месте присутствует лакуна, как

и в Лаврентьевском списке. Более того, сохранившиеся летописные списки новгородских князей не упоминают о княжени в Новгороде Изяслава Ярославича при жизни отца (зато имеется известие, что он появился там уже в качестве киевского князя в 1054/55 г. для того, чтобы поставить посадника Остромира, — причем эта информация содержится даже в тех летописях, которые сообщают, что прежде в городе княжил сам Изяслав, хотя в этом случае становится непонятно, зачем ему приходилось совершать для этого визит в Новгород, когда он мог назначить Остромира посадником сразу при своем отъезде из Новгорода в Киев).

Интересно, что в Ипатьевском списке «Повести временных лет», который отражает более поздний ее вариант, появившийся в 1117/18 г., местом княжения Изяслава назван Туров. У этой гипотезы в историографии гораздо меньше сторонников, однако нам она представляется более предпочтительной, поскольку еще М. П. Погодин показал, что именно Туров являлся наследственным владением потомства Изяслава²⁵. В апреле 1093 г. сын Изяслава Святополк добрался из Тулова в Киев на одиннадцатый день после смерти своего дяди Всеволода Ярославича, а ведь стоит учесть, что в этот же промежуток времени надо вписать и тот путь, который проделал от Киева до Тулова гонец, отправленный Владимиром Мономахом.

Если предположить, что Изяслав Ярославич отправился из Тулова в Киев, как только получил известие о болезни отца, скончавшегося 20 февраля 1054 г. (по дате Ипатьевской летописи и граффити на стене Софийского собора) или 19 февраля 1054 г. (первая суббота Великого поста, день св. Феодора Тирона, указанный в Лаврентьевской летописи), можно допустить, что он вполне мог прибыть в Киев к моменту его захоронения в храме Св. Софии, как сообщает в «Чтении» Нестор, в то время как остававшийся при отце Всеволод мог руководить транспортировкой его останков из Вышгорода, находившегося в 8 километрах севернее Киева.

Согласно «завещанию» Ярослава, в том виде, как его приводит «Повесть временных лет», каждый из его сыновей получил по княжеству со «стольным городом». По мнению В. О. Ключевского, в своем разделе Ярослав якобы руководствовался «двойным соображением» и распределил части Русской земли, с одной стороны, согласно порядку старшинства своих сыно-

вей, а с другой — согласно экономическому значению этих волостей, однако еще при жизни Ключевского эта гипотеза была оспорена А. Е. Пресняковым²⁶. Разумеется, говорить о реальном экономическом значении каждой из этих волостей при отсутствии надежных фактических данных не представляется возможным, хотя нельзя не упомянуть одну из новаций этого раздела, отмеченную А. Н. Насоновым, который обратил внимание на тот факт, что Ярослав первым наделил своих сыновей «стольными городами» в Среднем Поднепровье, находившемся под единоличной властью киевского князя (за исключением кратковременного периода с 1024 по 1036 г., когда по условиям Городецкого соглашения 1026 г. Ярослав, потерпевший поражение в битве при Листвене, был вынужден разделить территорию Поднепровья со своим братом Мстиславом, который сел княжить в Чернигове)²⁷.

Однако владения старших Ярославичей не ограничивались поднепровскими городами, расположенными на трансконтинентальном торговом пути «из Варяг в Греки» (то есть из Скандинавии в Византию), и прилегающими к ним волостями, а включали также периферийные территории, освоение которых началось еще в X в. Так, Комиссионный список Новгородской I летописи под 989 г. сообщает, что Изяслав получил Новгород и многие иные города; Святослав взял «всю страну восточную» до Муром, а Всеволоду достались Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Разумеется, к этому достаточно позднему известию, не имеющему аналогов в древнейших списках «Повести временных лет» и явно вставленному в летописный текст «задним числом», следует подходить с осторожностью, учитывая тот факт, что территориальный состав периферийных владений Ярославичей периодически менялся, но принадлежность Северо-Восточной Руси к юрисдикции переяславского князя в 60-х гг. XI в. не вызывает сомнений, так как именно здесь мы впервые встречаем юного Владимира Мономаха.

В отличие от Киева и Чернигова, которые были древними племенными центрами полян и северян, сложившимися, по всей видимости, в VIII–X столетиях, Переяславль был новым городским центром, вероятно возникшим в ходе градостроительной деятельности Владимира Святославича, предпринятой с целью укрепления южных рубежей. В «Повести времен-

ных лет» под 992 г. сохранилось предание, рассказывающее об обстоятельствах основания города: «Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: “Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года”. И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: “Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?”. И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тузить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж, и сказал ему: “Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками”. Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: “Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?” И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить быка; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: “Можешь с ним бороться”. На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: “Где же муж? Вот наш готов!” Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадо-

вался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот»²⁸. Разумеется, предание об основании Переяславля, отдельные элементы которого представляют собой эпические топосы, внесено в «Повесть временных лет» задним числом, так же как и большая часть рассказа о «ряде Ярослава», однако, приведенная в летописи дата основания города в целом подтверждается данными археологии, согласно которым Переяславль начал формироваться в конце X в.²⁹, скорее всего, как южный форпост против печенегов.

Переяславский князь находился в менее выгодном положении, чем князья, сидевшие в Киеве и Чернигове, из-за постоянных столкновений с кочевниками, упоминания о которых появляются в «Повести временных лет» уже под 1054/55 г.: «В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли».

Впрочем, как можно думать, мир на южных рубежах Руси оказался недолговечным: уже под 1060 г. летопись сообщает о большом походе «на лодьях и конях» против торков, в котором помимо трех старших Ярославичей принял участие и их двоюродный племянник — полоцкий князь Всеслав Брячиславич. Эта междукняжеская коалиция сумела нанести торкам столь сильное поражение, что после него они перестали представлять самостоятельную политическую силу и постепенно превратились в «федератов» на службе киевских князей. Гораздо труднее было справиться с половцами, которые под предводительством хана Искала 2 февраля 1061 г. нанесли сильное поражение Всеволоду Ярославичу и опустошили его княжество — «то было первое зло от поганных и безбожных врагов», — говорится в летописи. В таких условиях прошло детство Владимира Мономаха, которому в будущем предстояло вести тяжелую борьбу против половцев. Всю полноту силы кочевников-половцев русским князьям пришлось испытать на себе в сентябре 1068 г., когда они совершили большое нашествие на Южную Русь.

К тому времени союз Ярославичей с полоцким князем распался: отношения испортились в середине 1060-х гг.: о том, что Всеслав начал войну, в «Повести временных лет» говорится под 6573 г. (1065/66 г. мартовским). Памятник новгородско-

го летописания XV в. — Новгородская IV летопись под этим же годом уточняет, что «Всеслав был у Пскова и бил укрепления стенобитными орудиями»³⁰. Тем не менее можно предполагать, что осадой Пскова дело не ограничилось, поскольку в списке новгородских князей, включенном в Новгородскую I летопись младшего извода, сохранилась информация о том, что княживший в Новгороде князь Мстислав Изяславич бежал, потерпев поражение в битве на реке Черехе³¹, которая протекает как раз по территории Псковской области.

Год сражения в летописи не указан, но можно предполагать, что поражение Мстислава Изяславича совпало с военной экспедицией Всеслава Полоцкого: после бегства Мстислава Всеслав пошел на оставшийся без защиты Новгород. О масштабах постигшей город катастрофы мы знаем из сообщения Новгородской IV летописи: Всеслав занял и сжег Новгород до Неревского конца и, «взяв все у Святой Софии, и паникадила, и колокола, отступил»³². Расплата не заставила себя долго ждать. Зимой 1066/67 г., по свидетельству «Повести временных лет», Ярославичи, «собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе». Братья же «взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: “Приди к нам, не сотворим тебе зла”. Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав первым вошел в шатер, схватили тут Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями». Это решение, как показали дальнейшие события, оказалось для киевского князя роковым.

В «Повести временных лет» сохранилось предельно лаконичное описание первого акта трагедии, которая разыгралась на реке Альте в 1068 г.: «Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на

друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы». Позднее к этим скупым строкам был добавлен куда более пространный комментарий, известный в исторической литературе как «Рассуждение о казнях Божьих», составитель которого постарался объяснить разгром русских войск на Альте как результат отступничества Русской земли от христианских канонов.

Однако куда больший интерес представляет первоначальный текст летописной статьи, касающийся событий, которые произошли в Киеве. Его автор, бывший, по-видимому, очевидцем произошедшего, рассказывает следующее: «Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: “Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще раз сразимся с ними”. Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча, и пришли на двор Коснячков, и, не найдя его, стали у двора Брючислава, и сказали: “Пойдем освободим дружину свою из темницы”». Данное предложение является одним из наиболее дискуссионных фрагментов летописного рассказа. С одной стороны, не вполне ясно, чего именно добивались восставшие от Коснячка. Так, в историографии распространено мнение, что люди искали воеводу «не с добрыми намерениями»³³ и даже разграбили его двор³⁴, однако летопись не содержит столь красочных подробностей, которые в действительности являются догадками ученых.

С другой стороны, является загадкой, что именно за «дружину» мятежники собрались освободить из темницы. Ход событий свидетельствует в пользу того, что отношения князя с горожанами оставляли желать лучшего, так что речь здесь могла идти о какой-то части городского населения (может быть, об участниках ополчения), которая по приказанию Изяслава была заключена под стражу, хотя об открытом конфликте между ними ничего не известно.

Восставшие разделились на две группы: одна пошла к темнице, а другая — по мосту на княжеский двор. «Изяслав в это время на сених совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туку, брат Чудина,

Изяславу: “Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава”. И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: “Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подождав его обманом к оконцу, пронзят мечом”. И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу»³⁵ — в противном случае старший и младший Ярославичи рисковали поменяться местами с Всеславом.

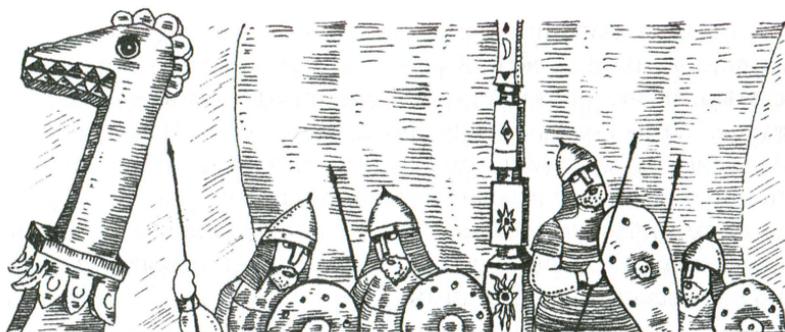
Финал этого дня также имеет различные историографические интерпретации. По мнению Б. А. Рыбакова, акт «прославления» полоцкого князя подчеркивал экстраординарный характер его вокняжения, условием которого являлась защита киевлян от половцев, так как стандартная церемония предусматривала интронизацию («посажение на стол») нового князя в храме Святой Софии³⁶. А. П. Толочко предположил, что церемония интронизации на княжьем дворе имела вполне законный характер и только к концу XI в. она стала проходить в церкви³⁷. Более развернутое объяснение этому факту дал И. Я. Фроянов, посчитавший, что «во время бедствий в общественном сознании Руси оживали, а точнее сказать, срабатывали языческие традиции, определявшие поведение людей, стремящихся вернуть благополучие общине», которые в данном случае использовали древний ритуал вокняжения правителя, сопровождавшийся расхищением имущества его предшественника³⁸.

Киевские события 15 сентября 1068 г. стали первым известным случаем социально-политического конфликта княжеской власти и городского населения в Южной Руси, который в XIX в. характеризовался как «революция» Н. И. Хлебниковым, а в XX в. — М. С. Грушевским и М. Н. Покровским³⁹. На первый взгляд подобное определение следовало бы рассматривать как модернизацию событий, но, поскольку их результатом стали изменения на киевском столе, занятом ставленником восставших горожан, его можно признать соответствующим ситуации, хотя вряд ли стоит уподоблять «сен-

тябрьскую революцию» 1068 г. революциям Нового времени, следствием которых являлась более или менее радикальная трансформация социально-политического строя.

В данном случае вслед за И. Я. Фрояновым здесь можно видеть революцию в масштабах городской общины⁴⁰, спонтанно выступившей против правящего князя и противопоставившей ему альтернативного лидера, которого могли считать способным к организации сопротивления половцам. Составитель «рассуждения о крестной силе», завершавшего летописную статью 1068 г., объяснил «революционные» события в Киеве так: «...Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной»⁴¹.

Драматические события 1068 г., приведшие к временной смене власти в Киеве, послужили прелюдией к появлению на политической сцене Владимира Мономаха.

«... Первый раз к Ростову я пошел, сквозь вятичей послал меня отец, а сам пошел к Курску», — писал Владимир Мономах в автобиографической части своего «Почтения»⁴². Так как здесь же он уточнял, что участвовал в походах с тринадцатилетнего возраста, еще в XIX в. возникла дискуссия о том, к кому году следует отнести этот поход: например, М. П. Погодин, взяв за точку отсчета летописную дату рождения Владимира, склонялся к мысли, что его следует датировать 1066 г., а С. М. Соловьёв связывал его с событиями 1068 г.⁴³ Впоследствии одна часть исследователей приняла датировку Погодина⁴⁴, а другая — датировку Соловьёва⁴⁵.

Оригинальный вариант решения дилеммы, который, как кажется, способен сблизить две эти точки зрения, предложил С. В. Цыб; согласно его хронологическим реконструкциям, события, описанные в «Повести временных лет» под 1068 г., в первоначальном летописном тексте располагались под 1066 г., а затем, в процессе его редактирования, произошло смешение различных календарных стилей, вследствие чего киевские события были перенесены из 1066 под 1068 г.⁴⁶

Но не менее сложным является еще один вопрос: был ли Ростов первым «стольным городом» Владимира Мономаха,

как можно прочесть в некоторых работах⁴⁷, или просто промежуточной остановкой между двумя военными походами? Сам по себе процитированный фрагмент не может дать ответа на этот вопрос, поэтому нам придется обратить внимание на события, упомянутые вслед за ним.

Далее в «Поучении» Мономаха говорится: «...и потом во второй раз пошел к Смоленску со Ставком, с Гордятичем, тот потом и отошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску, из Смоленска же я пошел к Владимиру». Таким образом, появляется новая «информация к размышлению», центральным пунктом в которой оказывается свидетельство о походе Изяслава Ярославича к Берестью — городу Туровской земли, примыкавшей к границе с Польшей.

Судя по данным летописи, оказаться в Берестье Изяслав мог либо осенью 1068 г. (во время первого бегства в Польшу), либо весной 1073 г. (во время второго бегства в Польшу). Но в 1073 г. бегство из Киева было вызвано выступлением Святослава и Всеволода против Изяслава, а в 1068 г. Изяслав и Всеволод, напротив, вместе бежали из Киева от восставших киевлян, поэтому тот факт, что сопровождавший Мономаха Ставко Гордятич (в котором еще Н. М. Ивакин в начале XX в. видел приближенного Всеволода Ярославича⁴⁸) в конце концов оказался спутником Изяслава Ярославича, сопровождавшим его к границе, выглядит вполне логично именно в контексте ситуации 1068 г. Не менее показательно и упоминание Мономаха о том, что целью второго его похода был именно Смоленск.

После того как на княжении в этом городе скончались два младших сына Ярослава — Вячеслав и Игорь (в 1057 и 1060 гг. соответственно), Смоленск не имел собственного князя и являлся лакомым куском для Всеслава Полоцкого, так как располагался на пересечении важных торговых путей. В 1068 г. полоцкий князь сидел в Киеве — как показали дальнейшие события, он не очень дорожил киевским столом, но вполне мог стремиться установить контроль над Смоленском, к которому проявлял интерес и позже.

Переворот в Киеве не привел к немедленному признанию власти Всеслава в других городских центрах Руси — это предположение позволяет объяснить причину как первого, так и второго похода Мономаха. Всеволод Ярославич мог отправить сына в Ростов для того, чтобы тот собрал войска для отпора

Всеславу, ибо трудно представить, чтобы юный князь совершал праздную поездку по отцовским владениям, которую представил в автобиографии как начало «своих трудов», тем более что в действительности мероприятие было рискованным, так как путь Владимира пролегал «сквозь вятичей» — о столкновениях с их предводителями известно из его «Поучения». В Ростове Мономах, видимо, не задержался и двинулся в Смоленск. Текст «Поучения» позволяет предполагать, что Мономах руководил этой экспедицией вместе со Ставком Гордятичем⁴⁹, однако в пути планы несколько изменились: Ставко отправился вслед за князем Изяславом, а князь продолжил путь к Смоленску.

Впрочем, в Смоленске, как и затем во Владимире-Волыньском, Мономах оставался недолго. В «Поучении» говорится, что «той же зимой послали меня к Берестью братья, на пожарище, где пожгли, и я поддерживал спокойствие в городе» (или, как написано в оригинале, «блюд город тих») ⁵⁰. Этот фрагмент вызывает не меньше вопросов, чем предшествующий: почему Берестье было сожжено и зачем «братья» — то есть «старшим» князьям — потребовалось направлять туда Мономаха?

В свое время И. М. Ивакин, относивший события, описанные в этом фрагменте, к 1073/74 г., попробовал разрешить дилемму с помощью предположения о том, что Берестье было сожжено поляками («ляхами»), которые таким образом отомстили за изгнание Изяслава Ярославича из Киева⁵¹. Конъектура текста, предложенная Ивакиным, получила широкое распространение. Избыточность ее продемонстрировал А. А. Гиппиус, однако альтернативная трактовка событий, предложенная им и предполагающая, что город был сожжен самими князьями, которые затем «послали юного Мономаха охранять устроенное ими пожарище»⁵², не кажется убедительной, равно как и предположение о том, что беспорядки в Берестье были спровоцированы известием о восстании в Киеве.

Киевское восстание стало следствием внешней угрозы и неспособности Изяслава Ярославича организовать оборону города от половцев, совершавших опустошения в «Русской земле». Пограничному Берестью вряд ли была опасна эта угроза, так как на западных рубежах следовало опасаться не половцев, а поляков, но поскольку представление о польской угрозе оказывается, по сути дела, историографическим мифом, то предположение о внешней угрозе, равно как и представление

о «цепной реакции», спровоцировавшей вслед за Киевом выступления в других местах, не выдерживают критики.

По нашему мнению, причиной беспорядков в Берестье могло стать столкновение между княжеским окружением и местными жителями, которое и привело к пожару в городе. Так как Изяслав Ярославич спешил в Польшу, где правил его племянник князь Болеслав II Смелый (1058—1079), стабилизировать положение был призван находившийся в то время на Волыни Владимир Мономах. По всей видимости, это было первое место его княжения. Согласно «Поучению», оттуда он «пошел в Переяславль, к отцу, а после Великого дня — из Переяславля во Владимир, в Сутейске мир творить с поляками».

В данном случае, если речь идет о событиях весны 1069 г., Владимир, вероятно, отправился к отцу в Переяславль на праздник Пасхи с докладом о положении дел в Берестье, после чего был отправлен во Владимир-Волынский. В это время к границам Руси приближалось польское войско во главе с Болеславом II, который сопровождал своего дядю Изяслава, и обстановка в мятежном Киеве, судя по рассказу летописца, помещенному под 1069 г., была весьма напряженной: «Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: “Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю”».

Угроза подействовала, и князья согласились выступить посредниками в переговорах мятежных горожан с Изяславом: «И сказал им Святослав: “Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной”». Младшие Ярославичи действительно послали к Изяславу со словами: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола».

По предположению С. М. Соловьёва, это посольство мог возглавлять Владимир Мономах⁵³, который заключил с по-

ляками договор в Сутейске, видимо регулировавший условия пребывания польского контингента в Русской земле. Однако усилия Святослава и Всеволода увенчались успехом лишь отчасти: по словам летописца, Изяслав пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а впереди послал своего сына Мстислава; придя в Киев, Мстислав «перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом 70 человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия». После того как оппозиция была разгромлена, Изяслав вступил в Киев и был принят киевлянами 2 мая 1069 г. Польские войска были расквартированы в русских городах, однако вскоре началось истребление поляков, и Болеслав II был вынужден вернуться в Польшу. Упрочив свое положение в Киеве, Изяслав выступил против Всеслава и изгнал его из Полоцка, на некоторое время установив контроль над городом через посредство своих сыновей-наместников — сначала Мстислава, а затем Святополка. Однако, несмотря на все усилия, положение Изяслава на Руси в геополитическом плане было уже не тем, что прежде.

В отсутствие Изяслава его брат Святослав сумел установить контроль над Новгородом, посадив на вакантный новгородский стол своего сына Глеба, который до этого княжил в Тмуторокани. Аналогичным путем, видимо, приумножил свои владения и Всеволод, так как в «Поучении» Мономах сообщает, что после заключения Сутейского договора вернулся «на лето» во Владимир. О принадлежности Владимира-Волынского с того момента, как в 1057 г. старшие братья «вывели» оттуда в Смоленск Игоря Ярославича, в источниках сведений нет, но, по общему мнению исследователей, до 1068 г. Волынь могла входить в состав владений Изяслава⁵⁴. Возможно, Изяслав передал Владимир под власть Всеволода, а Новгород под власть Святослава именно по Сутейскому «пакту», но подобное решение должно было резко сократить его политические возможности. С. М. Соловьёв и М. С. Грушевский полагали, что стратегический паритет поддерживался за счет оккупации Изяславом Полоцка⁵⁵, однако это приобретение оказалось недолговечным, поскольку уже в 1071 г. Полоцк вернул себе Всеслав Брячиславич.

Отношения между братьями постепенно ухудшались. После того как Изяслав дискредитировал себя неспособностью организовать сопротивление половцам, Святослав явно стал неформальным лидером в междукняжеском союзе Ярослави-

чей, который исследователи называют «триумvirатом». Лицезрению Святослава немало способствовало то, что осенью 1068 г. он с трехтысячным войском сумел организовать отпор 12-тысячной орде половцев у Сновска, а весной 1069 г. взял на себя роль посредника между Изяславом и киевлянами.

Как полагает А. В. Назаренко, черниговский князь заключил союз с германским королем Генрихом IV (1056—1106), направленный против Изяслава и его польского союзника, и около 1070 г. женился на его двоюродной племяннице Оде Штаденской, а затем подключил к этой коалиции младшего брата Всеволода, устроив через союзного Генриху IV датского короля Свена II брак между Владимиром Мономахом и жившей при датском дворе англосаксонской принцессой Гидой — дочерью короля Гарольда Годвинсона, погибшего в 1066 г. в битве при Гастингсе⁵⁶. Действительно, в «Книге о саксонской войне», составленной в 1080-х гг. и принадлежащей перу некоего Бруно, сообщается, что Генрих IV отправил одного из своих приближенных послом к «королю Руси», а «Саксонский анналист» середины XII столетия относит это событие к 1068 г., добавляя, что послом был пфальцграф Фридрих Саксонский — брат бременского архиепископа Адальберта⁵⁷, — однако до последнего времени считалось, что «русским королем», которому было отправлено это посольство, был не Святослав, а Изяслав Ярославич⁵⁸.

Информация о браке Владимира Мономаха и Гиды зафиксирована в «Деяниях данов» Саксона Грамматика, по свидетельству которого сыновья Гарольда вместе с сестрой переселились в Данию, где король Свен «...девушку за короля ругенов Вальдемара, который сам именуется своими Ярославом, замуж отдал»⁵⁹. Автор, как и составители большинства исландских «королевских» саг, где также приводится аналогичная информация, смешивает здесь Владимира Мономаха с его дедом Ярославом⁶⁰, также хорошо известным в скандинавских источниках, но его свидетельство не становится от этого менее ценным. Точная дата описанного события неизвестна: инициатор этого брака король Свен скончался между 1074 и 1076 г., но в 1076 г. у Мономаха и Гиды уже родился старший сын Мстислав, значит, брак между ними мог быть заключен в первой половине 1070-х гг. В конце 1060-х гг. произошли изменения и в семье Всеволода Ярославича: по-

сле смерти первой жены, матери Владимира Мономаха, он женился вторично — от этого брака в 1070 г. родился сын Ростислав, унаследовавший позднее Переяславское княжество. В том же году Всеволод основал под Киевом, в Выдубичах, монастырь Св. Михаила, где в начале XII в. игумен Сильвестр составил «Повесть временных лет».

В это же время киевский князь Изяслав изыскивал меры к тому, чтобы упрочить свое пошатнувшееся положение. В мае 1072 г. он стал инициатором перезахоронения в Вышгороде останков Бориса и Глеба — младших братьев Ярослава, погибших в ходе междукняжеской борьбы 1015–1019 гг. и впоследствии прославившихся как чудотворцы. По сохранившимся описаниям церемонии в ней принимали участие только представители старшего поколения князей, и об участии князей младших нам ничего не известно, хотя это не может быть полностью исключено, учитывая значение формирующегося бори-соглебского культа для княжеского рода в целом и для Владимира Мономаха в частности. Составители летописи, «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба» и так называемого «Сказания чудес», рассказывая об этом событии, попытались создать иллюзию идиллии в отношениях между Ярославичами, однако уже через несколько месяцев она оказалась разрушенной.

Как сообщается в «Повести временных лет» под 1073 г., «воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что “Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит”. И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что “этим поляки найду воинов”. Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божью»⁶¹.

Упоминание «отцовского завещания», то есть «ряда Ярослава», указывает на то, что статья подверглась позднейшему редактированию, чтобы установить логическую связь с летописной статьей 1054 г., появление основного текста которой, вслед

за Л. В. Черепниным, мы склонны связывать с «Начальным сводом». В статье 1073 г. говорится, что столкновение между Ярославичами было вызвано переговорами Изяслава со своим недавним противником Всеславом, в рамках которых якобы планировалось заключение династического брака между княжескими линиями Киева и Полоцка. Некоторые исследователи были склонны скептически относиться к этой информации⁶², однако в Ипатьевской летописи под 6666 (1157/58) г. сохранилось свидетельство о том, что брак между Ефросиньей, дочерью Ярополка Изяславича (умершей 3 января 1158 г. в возрасте 84 лет), и сыном Всеслава Глебом (княжившим в Минске с 1101 по 1118 г.) все же состоялся⁶³, но, судя по возрасту Ефросиньи, он мог быть заключен не ранее 1090-х гг., что также приводит нас ко времени составления «Начального свода», в котором информация о переговорах между киевским и полоцким князьями могла быть ретроспективно зафиксирована под 1073 г.

Факт подобных переговоров, под каким бы предлогом они ни велись, мог представлять угрозу как раз для черниговского князя. Дело в том, что в октябре 1069 г. новгородский князь Глеб Святославич нанес под Вожином поражение войскам Всеслава, для которого одной из сфер экспансии являлись территории, подчинявшиеся Новгороду. В то время присутствие Глеба в Новгороде отвечало интересам Изяслава Ярославича, находившегося в состоянии войны с Всеславом, но предотвратить возвращение Всеслава в Полоцк не удалось, а усиление позиций Святослава могло заставить его налаживать контакт с недавним противником, тем более что прежнее «яблоко раздора», новгородские земли, находилось теперь под контролем черниговского князя. Реконструкция подобного рода позволяет объяснить, почему в летописной репрезентации событий 1073 г. ключевая роль отводится именно Святославу Ярославичу, в то время как Всеволод Ярославич представлен пассивным участником событий.

Вряд ли это можно объяснить только политической тенденциозностью летописцев, стремившихся «задним числом» обелить перед лицом потомства отца Владимира Мономаха⁶⁴. Если учесть, что существующая репрезентация событий 1073 г. могла появиться в «Начальном своде», то предположение о целенаправленном искажении роли Всеволода мало правдоподобно, учитывая то, что «Начальный свод» составлялся

в княжение Святополка Изяславича. Зато все становится на свои места, если принять во внимание, что сближение Изяслава и Всеслава прежде всего угрожало интересам Святослава Ярославича в Новгороде и могло подтолкнуть его к активным действиям, которые летописец, с целью осуждения, квалифицировал как стремление к «большей власти».

Выступление Святослава и Всеволода, по всей видимости, не являлось неожиданностью для Изяслава, который сумел собрать свое имущество и беспрепятственно покинул город, не скрывая своего намерения обратиться за помощью к полякам. 22 марта 1073 г. Святослав и Всеволод заняли Киев. Исследователи не раз обращали внимание на то, что летопись упоминает об их совместном вокняжении «на столе в Берестове» (при том, что княжеский стол в то время считался неделимым). Д. М. Котышев полагает, что речь идет о совместной интронизации Святослава и Всеволода и распределении между ними прерогатив киевского князя. По мнению М. Б. Свердлова, во время переговоров в Берестове братья решили, что в Киеве будет править Святослав, поскольку традиции соправительства еще не сложилось⁶⁵, но в летописи никакого упоминания о переговорах между князьями нет.

Здесь следует обратить внимание на то, что в статье 1073 г. говорится сначала о вокняжении двух братьев в Берестове, а затем — о вокняжении в Киеве одного Святослава. Из этого можно сделать вывод, что, вокняжившись в Берестове, Святослав и Всеволод образовали нечто вроде «временного правительства», принявшего на себя управление городом, которое еще в конце XIX в. в работах М. С. Грушевского и В. Г. Ляско-ронского получило название «дуумвират»⁶⁶. Видимо, в этот период власть могла находиться в руках двух князей одновременно, поскольку между уходом Изяслава из Киева и его окончательным изгнанием с территории Руси прошло некоторое время. Не исключено, что изначально Святослав и Всеволод добивались не изгнания Изяслава, а лишь разрыва его отношений с Всеславом Полоцким как гарантии сохранения политической стабильности.

Из «Жития» Феодосия Печерского, составленного Нестором после «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба», известно, что сначала братья изгнали Изяслава из стольного города, а затем и «из той области»⁶⁷, после чего, вероятно, и со-

стоялось единоличное вокняжение Святослава в Киеве. Трудно сказать, существовали ли между младшими Ярославичами какие-нибудь договоренности, но, скорее всего, Святослав занял место Изяслава по праву сильнейшего, а Всеволод за свое участие в перевороте 1073 г., как полагают исследователи, получил от Святослава определенную территориальную компенсацию.

Вопрос о сущности этой компенсации является предметом споров. В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» утверждал, что Святослав уступил Всеволоду черниговскую волость, а место Всеволода в Переяславле занял переведенный из Новгорода Глеб, которого сменил на новгородском столе брат Давыд⁶⁸. В различных модификациях эта гипотеза получила развитие у целого ряда его последователей, начиная с С. М. Соловьёва⁶⁹, так как могла служить прекрасной иллюстрацией к положению о «лествичном восхождении» князей по иерархии стольных городов, которое являлось краеугольным камнем родовой теории.

Сторонники альтернативной гипотезы, восходящей к Н. М. Карамзину, напротив, предполагали, что черниговский стол остался за Святославом⁷⁰. С источниковедческой точки зрения ситуация такова: «Повесть временных лет», общая в конце статьи 1073 г. о том, что Святослав вокняжился в Киеве, ничего не говорит о судьбе черниговского стола; «Житие» Феодосия свидетельствует, что после мартовских событий 1073 г. Всеволод вернулся в «область свою» — то есть в Переяславль. Более того, в «Киево-Печерском патерике» сообщается, что вскоре после вокняжения Святослава в Киеве Всеволод посетил Печерский монастырь, приехав вместе с Владимиром Мономахом из Переяславля⁷¹. В пользу того, что Всеволод Ярославич остался на княжении в том городе, который был получен им от отца, говорит и летописная статья 1093 г., где в некрологе почившему князю говорится, что он княжил в Чернигове «лето» (имеется в виду 1077/78 г.)⁷². Нет никаких данных для того, чтобы предполагать замену в Новгороде Глеба Святославича, якобы перешедшего в Переяславль, Давыдом Святославичем, который, согласно летописному списку «А се князи Великого Новагорода» в Новгородской I летописи младшего извода, занял новгородский стол лишь в середине 1090-х гг.⁷³

Таким образом, ни один из элементов гипотезы, предложенной В. Н. Татищевым, не только не подкреплён какими-либо

документальными фактами, но и противоречит свидетельствам остальных источников. Все это свидетельствует в пользу того, что в 1073–1076 гг. существовала «уния» киевского и черниговского столов, воплотившаяся в лице Святослава, который, по всей видимости, продолжал управлять старой столицей через посадника. Но в таком случае с еще большей остротой возникает вопрос о том, какую выгоду от своего участия в перевороте 1073 г. мог получить Всеволод Ярославич?

Например, А. В. Назаренко, пытаясь решить эту задачу, предложил оригинальную гипотезу, предполагающую, что Всеволод мог получить от Святослава часть Черниговской земли без Чернигова, однако с источниковедческой точки зрения более аргументированным представляется другое предположение исследователя, допускающее, что Святослав мог передать под контроль Всеволода Туров⁷⁴, где в 1076 г. мы встречаем Владимира Мономаха. В автобиографической части «Поучения» Мономах рассказывает следующее: «...Послал меня Святослав в Польшу, ходил я за Глогов, до Чешского леса, ходил в земле их 4 месяца. И в тот же год родился мой старший сын, новгородский. Оттуда пошел я к Турову, а на весну — к Переяславлю, а потом к Турову»⁷⁵.

Трудно не согласиться с О. М. Раповым, что, «когда в “Поучении” Владимир Мономах говорит о походах на Волынь и в Туровскую землю, из текста невозможно понять, в каком качестве он там выступал: как временный владетель указанных областей или просто как участник (а возможно, и руководитель) военных предприятий»⁷⁶, но вряд ли на протяжении одной и той же весны Мономах стал бы совершать два похода к одному и тому же городу, если бы не имел в нем постоянно-го местопребывания: в 1069 г. такой резиденцией для него оказался Владимир-Волынский, а в 1076-м — Туров.

В то же время вряд ли можно принять точку зрения тех исследователей, которые на основании процитированного выше фрагмента полагают, что в 1076 г. Мономах мог быть некоторое время князем в Переяславле⁷⁷, так как здесь, вероятно, следует подразумевать поездку сына к отцу, аналогичную той, что была предпринята в промежутке между пребыванием Мономаха в Берестье и Владимире весной 1069 г. Иное дело Туров, который принадлежал Изяславу Ярославичу, а после его изгнания, видимо, был уступлен Всеволоду Святославом, в то

время как Мономах вместе со своим двоюродным братом совершал поход в Польшу. По свидетельству «Повести временных лет» под 6584 (1076) г.: «Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов»⁷⁸.

Так они стали участниками большой европейской политики, проводившейся в жизнь новым киевским князем, — он сумел не только отговорить своего польского родственника Болеслава II от поддержки Изяслава, но и заключить с ним стратегический союз, следствием которого стала экспедиция Владимира и Олега. Как раз в этот период Центральная Европа оказалась расколота в результате противостояния двух крупнейших политических сил — Священной Римской империи и папства — высших светской и церковной властей, оспаривавших право вмешательства в дела друг друга. В борьбе, которая в конце концов приведет Германию и Италию к гражданской войне, а весь католический мир к церковной схизме, Болеслав II поддерживал папу Григория VII и потому находился во вражде с вассалом германского короля Генриха IV — чешским князем Вратиславом II (1061—1092), против которого ему и потребовалась русская помощь.

Согласно хронологическим расчетам В. А. Кучкина, конкретизировавшим летописную датировку путем сопоставления летописного известия с данными «Поучения», поход Владимира и Олега должен был начаться примерно в сентябре 1075-го и закончиться к началу 1076 г., когда у Мономаха родился старший сын Мстислав, а так как он был назван в крещении Федором (как предполагается — в честь святого Федора Тирона, день памяти которого отмечается 17 февраля и в субботу первой недели Великого поста), по всей видимости, его рождение имело место ранней весной 1076 г. — то есть на исходе 6583 г. (мартовского), к которому, согласно «Поучению», и относился поход Мономаха⁷⁹.

Чуть ранее датирует начало этой кампании А. Б. Головкин, предполагающий, что она могла начаться уже во второй половине июля или первой половине августа 1075 г., заставив Генриха IV отказаться от карательных мероприятий в мятежной Саксонии и уйти в Чехию⁸⁰. Между тем известие Ламперта Герсфельдского о том, что в разгар военной кампании против саксов Генрих IV под нажимом своих людей, испугавшихся столкновения с превосходящими силами противника,

«столь быстро, сколь было можно, вернулся назад в Чехию, откуда пришел», на которое ссылается исследователь, относится к сентябрю 1075 г.⁸¹, что свидетельствует скорее в пользу датировки В. А. Кучкина.

Участвовал ли русский «экспедиционный корпус» в военных действиях или выполнял иные стратегические задачи на польско-чешской границе, ни летописи, ни хроники не сообщают⁸². Однако с геополитической точки зрения подобная военная демонстрация оказалась весьма своевременной. Дело в том, что, не сумев разыграть «польскую карту», Изяслав Ярославич принял решение попытаться счастья в имперском лагере.

Как рассказывает Ламперт Герсфельдский, в начале 1075 г. к германскому королю в Майнц явился «король Руси по имени Димитрий (крестильное имя Изяслава. — *Д. Б.*), привез ему неисчислимы сокровища — золотые и серебряные сосуды и чрезвычайно дорогие одежды, и просил помощи против своего брата, который силою изгнал его из королевства и сам, как свирепый тиран, завладел королевской властью. Для переговоров с тем о беззаконии, которое он совершил в отношении брата, и для того, чтобы убедить его впредь оставить незаконно захваченную власть, иначе ему вскоре придется испытать на себе власть и силу Германского королевства, король немедленно отправил Бурхарда, настоятеля Трирской церкви. Бурхард потому представлялся подходящим для такого посольства, что тот, к кому посылали, был женат на его сестре, да и сам Бурхард по этой причине настоятельнейшими просьбами добивался от короля пока не предпринимать в отношении того никакого более сурового решения»⁸³.

Эта дипломатическая миссия была зафиксирована не только хроникой Ламперта, но и «Повестью временных лет», в которой сообщается под 1075 г.: «В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: “Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого воины. Ведь мужи добудут и больше того”»⁸⁴. Здесь следует обратить внимание на то, что факт прибытия посольства Генриха IV использован только для критики в адрес Святослава, тогда как о цели посольства летописец умалчивает, хотя она, несомненно, имела отношение к междукняжескому конфликту (что вряд ли было

возможно в том случае, если бы весь текст принадлежал современнику события).

Впрочем, наличие исторической достоверности в летописном рассказе косвенно подтверждает Ламперт Герсфельдский, рассказывающий о том, что Бурхард летом 1075 г. привез королю Генриху из Руси «столько золота, серебра и драгоценных камней, что и не припомнить, чтобы такое множество когда либо прежде разом привозилось в Германское королевство» и что «такой ценой король Руси хотел купить одно — чтобы король не оказывал против него помощи его брату, изгнанному им из королевства», хотя, добавляет хронист, он вполне мог получить это и даром, ибо Генрих, «занятый внутренними домашними войнами, не имел возможности вести войны с народами столь далекими»⁸⁵. На рубеже XI—XII веков Сигеберт из Жамблу, несколько сгущая краски, писал, что «двое братьев, королей Руси, вступили в борьбу за королевство, один из них, лишенный участия в королевской власти, обратился к императору Генриху, которому [обещал] подчиниться сам и подчинить свое королевство, если с его помощью вновь станет королем», но все было напрасно, поскольку «тяжелейшая смута в Римской империи заставляла его больше заботиться о своем, чем добывать чужое», ибо жители Саксонии, «возмущенные многими великими несправедливостями и беззакониями со стороны императора, восстали против него»⁸⁶.

Вероятно, исход дипломатического демарша Генриха IV был еще не известен, когда сын Изяслава Ярополк, сопровождавший его в скитаниях по Европе, посетил «Вечный город», где нанес визит папе Григорию VII. Результатом этого посещения стало послание от 17 апреля 1075 г., адресованное «королю Руси» Димитрию и «королеве, его супруге» (Гертруде, дочери польского короля Мешко II и тетке Болеслава II), которое гласило: «Сын ваш, посетив гробницы апостолов, явился к нам со смиренными мольбами, желая получить названное королевство из наших рук в качестве дара св. Петра, и изъявив поименованному блаженному Петру, князю апостолов, надлежащую верность. Он уверил нас, что вы, без сомнения, согласитесь и одобрите эту его просьбу и не отмените ее, если дарение апостолической властью [обеспечит] вам благосклонность и защиту. В конце концов мы пошли навстречу этим обетам и просьбам, которые кажутся нам справедливыми, и,

учитывая как ваше согласие, так и благочестие просившего, от имени блаженного Петра передали ему бразды правления вашим королевством, движимые тем намерением и милосердным желанием, дабы блаженный Петр охранил вас, ваше королевство и все ваше имение своим заступничеством перед Богом, сподобил вас мирно, всечестно и славно владеть названным королевством до конца вашей жизни...»⁸⁷.

Но, несмотря на громкие заявления, роль папы в разрешении междукняжеского конфликта на Руси была более чем скромной. Григорий VII, крупнейший представитель реформаторского крыла католической церкви во второй половине XI столетия, пытался претворить в жизнь концепцию примата церкви над светскими государями (нашедшую отражение в знаменитом «Диктате папы»), которая привела его к столкновению с Генрихом IV. Но, обладая огромным моральным авторитетом в качестве наместника св. Петра, Григорий VII даже для того, чтобы противостоять Генриху IV, был вынужден прибегать к помощи наемников-норманнов, а потому мог оказать изгнанному князю только дипломатическую поддержку. Эта поддержка нашла выражение в послании Григория VII к Болеславу II от 20 апреля 1075 г., где папа «просил и убеждал» польского князя «ради любви к Богу и святому Петру» вернуть деньги, отнятые «у короля Руси», поскольку «те, кто несправедливо отнимают чужое добро, если не исправятся, когда могут исправиться, ни в коем случае, как мы веруем, не будут иметь части в Царствии Христовом и Божиим»⁸⁸.

Масштабы экспроприации княжеского имущества, вероятно, были несколько преувеличены, если обратить внимание на то, что, прибыв из Польши ко двору Генриха IV, Изяслав, как сообщает Ламперт, привез ему «неисчислимы сокровища». Скорее всего, во время пребывания у поляков князь лишился не «всего имения», а лишь какой-то его части. Как считает А. В. Назаренко, едва ли подлежит сомнению, что сведения о «зарубежных мытарствах» Изяслава Ярославича, зафиксированные летописью, восходят к его собственным рассказам, в которых князь мог несколько сгущать краски, как и в том случае, когда «миф об отобранных сокровищах» был изложен его сыном на другом конце Европы папе Григорию VII⁸⁹. Трудно сказать, подействовали ли увещания понтифика на Болеслава II, которому он угрожал такой карой, как утрата

«Царствия Божия», ибо в сфере «реальной политики» как раз на этот период приходится сотрудничество польского князя со Святославом, где задействованы «младшие» князья.

По возвращении Мономаха из похода новым местом его княжения становится Туров — здесь он остается до тех пор, пока внезапная кончина киевского князя в результате неудачной операции («резанья желве») 27 декабря 1076 г. не приводит к новому перераспределению «стольных городов». 1 января 1077 г. Святослава, которого составитель одной из сохранившихся древнерусских книг — так называемого Изборника 1073 г. — писец Иоанн называл «великим в князьях», сменил куда менее энергичный Всеволод.

Для Мономаха наступает пора активной деятельности. В «Поучении» говорится: «И Святослав умер, а я потом пошел к Смоленску, а из Смоленска той же зимой — в Новгород, весной Глебу в помощь, а летом с отцом под Полоцк...»⁹⁰. Эта информация позволяет говорить о начале нового витка полоцко-киевского противостояния, обусловленного экспансией Всеслава Брячиславича, для отпора которому потребовалось присутствие Владимира Мономаха сначала в Смоленске, а затем в Новгороде, где Глеб Святославич, видимо, уже не мог в одиночку противостоять противнику.

Тем временем ситуация стремительно ухудшалась благодаря событиям, о которых Владимир Мономах в «Поучении» не упомянул. 4 мая 1077 г. власть в Чернигове захватил племянник Всеволода, молодой князь Борис Вячеславич, который после смерти отца был обделен властью и жил в Чернигове (за такими представителями княжеского рода в исторической литературе закрепилось название «князей-изгоев»). Княжение Бориса продолжалось всего восемь дней, после чего он бежал в Тмуторокань, которая подчинялась Роману — одному из сыновей Святослава Ярославича.

Эта политическая интермедия, которая на первый взгляд закончилась безобидно, в действительности имела далеко идущие последствия. Прежде всего она продемонстрировала шаткость позиций Всеволода Ярославича, ставшую еще более очевидной после того, как на Русь летом 1077 г. в сопровождении польских войск вернулся Изяслав, которому Болеслав II, только что принявший королевский титул, вновь решил оказать поддержку после смерти Святослава.

«Повесть временных лет» сообщает об этих событиях весьма лаконично: Всеволод выступил против брата на Волынь, где они «сотворили мир», вследствие чего Изяслав «сел в Киеве, месяца июля в 15-й день». Ряд исследователей, начиная с В. И. Сергеевича, предполагали, что отношения между Изяславом и Всеволодом были урегулированы на основании договора⁹¹, что представляется весьма вероятным, учитывая тот факт, что оба князя находились в шаге от открытия военных действий. Конечно, это был не первый случай междукняжеского соглашения на Руси, однако от предыдущего прецедента — Городецкого соглашения 1026 г. между Ярославом и его братом Мстиславом — он отличался тем, что был достигнут бескровным путем. Так что, по сути дела, это было уникальное явление политического компромисса, когда младший брат без сопротивления уступил место старшему, что привело к оформлению такого принципа, как приоритет «брата старейшего».

В историографии этот принцип по большей части связывается с последней волей Ярослава, с чем нельзя согласиться хотя бы потому, что воплощение в политической практике он получил почти через четверть века после его кончины, тем более — после того как эта пресловутая последняя воля была нарушена и Святославом, и Всеволодом. Поэтому вероятнее другое — а именно то, что представление о приоритете «брата старейшего» начало формироваться в Киево-Печерском монастыре уже после того, как в 1073 г. Изяслав был изгнан братьями. Из «Жития» Феодосия известно, что настоятель Печерского монастыря публично осуждал изгнание Изяслава и долго отказывался от контактов с его преемником Святославом, настаивая на том, чтобы он вернул киевский стол старшему брату. Известно, что Всеволод Ярославич также посещал в этот период Печерский монастырь, и весьма вероятно, что в конце концов монахи сумели повлиять на него в духе идей Феодосия, тем самым подготовив почву для мирного урегулирования отношений между братьями. К тому же у старшего и младшего Ярославичей в этот момент имелись общие стратегические интересы — борьба с беспокойным Всеславом Полоцким, о чем свидетельствует утверждение самого Мономаха о том, что он ходил на Полоцк летом 1077 г. с отцом и зимой 1077/78 г. с двоюродным братом Святополком Изяславичем, вместе с которым они «выжгли Полоцк». Все это, вне сомнения, способствовало тому,

что Всеволод Ярославич в итоге принял решение добровольно сменить киевский стол на черниговский.

По крайней мере, после «Волынского компромисса» он сохранил в своем подчинении земли на левобережье Днепра, составлявшие единый территориальный комплекс (Северскую землю), раздробленный в 1054 г. решением Ярослава. За Владимиром Мономахом старшие Ярославичи, по-видимому, оставили Смоленск, где мы встречаем его весной 1078 г. после возвращения из похода на Полоцк. В Киевской земле фактически установилось двоевластие, так как Изяслав Ярославич посадил на княжение в Вышгороде своего сына Ярополка, но для упрочения своего положения и поддержания стратегического баланса сил киевскому князю было необходимо вернуть под свой контроль те городские центры, где на княжении находились его племянники Святославичи.

Вскоре после возвращения Изяслава в Киев подозрительную строптивость по отношению к своему князю Глебу Святославичу проявили новгородцы, которые, по свидетельству составителя списка «А се князи Великого Новагорода», выгнали его из города⁹². Судя по «Повести временных лет», взаимоотношения его с новгородской общиной и до этого были достаточно сложными. Под 1071 г. в тексте летописи говорится, что в Новгороде объявился волхв и «говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: “Предвижу все” и, хуля веру христианскую, уверял, что “перейду по Волхву перед всем народом”. И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: “Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет”. И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: “Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?” Тот ответил: “Знаю все”. И сказал Глеб: “А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?” “Чудеса великие сотворю”, — сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись». Этот летописный рассказ весьма показателен для понимания того, сколь ненадежными были отношения князя с местным населением, которое легко мог увлечь за собою любой демагог. При жизни от-

ца Глеб как-то справлялся со строптивостью горожан, но после его смерти положение ухудшилось. В довершение всего в 1077 г. от укуса собственного пса внезапно скончался епископ (Феодор)⁹³, которого князь спас от расправы, так что свергнуть неудобного новгородского правителя, лишённого серьезной поддержки, не составляло большого труда. Глеб бежал за Волок, где вскоре был убит, а новгородский стол оказался вакантным, видимо, уже в начале 1078 г., поскольку в «Поучении» Мономах сообщает, что после того, как они с двоюродным братом «выжгли Полоцк», Святополк пошел к Новгороду, «а я, с половцами воюя, на Одрск, а потом в Чернигов»⁹⁴. Судя по дальнейшему изложению событий, затем Мономах ненадолго отправился в Смоленск, откуда вновь вернулся в Чернигов.

Тем временем наступление Изяслава Ярославича на позиции клана Святославичей продолжалось: вслед за Глебом своей волости лишился его брат Олег — недавний соратник Мономаха, ставший крестным отцом его старших сыновей — Мстислава и Изяслава. Как справедливо отмечает Д. Оболенский, «отношения обоих князей были исполнены глубины и драматизма, иногда их объединяли родственные узы, но чаще династическое соперничество и непримиримые притязания делали их соперниками»⁹⁵. Впервые такая конфликтная ситуация возникла весной 1078 г., когда у Олега был отнят стол во Владимире-Волынском, а сам он оказался в Чернигове.

Трудно сказать, получил ли Олег Волынь еще при жизни своего отца Святослава, как считают некоторые исследователи (при этом полагая, что подобное могло произойти уже в 1073 г., и совершенно не учитывая того обстоятельства, что по «Поучению» Мономах оставался во Владимире-Волынском примерно до середины 1075 г., так что сделаться князем Волынским Олег мог не раньше того, как вернулся из похода вместе с Мономахом⁹⁶), или эту волость дал ему Всеволод после того, как стал киевским князем в 1077 г. Сторонники первой точки зрения считают, что решение подобного рода могло быть мотивировано необходимостью контроля за действиями Изяслава. Но в это время Изяслав находился у Генриха IV, а не у Болеслава II, с которым Святослав Ярославич сумел установить союзнические отношения, и, следовательно, гипотеза о стремлении Святослава к установлению контроля над польской границей в связи с возможным выступлением Болеслава II в поддержку Изяслава

отпадает. Если ситуация на западных рубежах была относительно стабильной, поскольку Болеслав был занят то войной с чехами, то подготовкой собственной коронации в качестве короля, которая состоялась в конце 1076 г., смысл передачи Волыни под контроль Олега Святославича не ясен. Поэтому нам ближе мнение М. С. Грушевского, который допускал, что Олег получил Владимир уже в 1077 г. от Всеволода Ярославича⁹⁷, так как оно позволяет объяснить хотя бы то, что оборона западных границ вновь стала актуальной после того, как Владимир Мономах оказался занят борьбой с Полоцком, а Болеслав II решил оказать военную поддержку Изяславу Ярославичу.

Таким образом, в первой половине 1077 г. эта волость внезапно приобрела стратегическое значение, так как встреча Всеволода с Изяславом летом того же года произошла именно на Волыни, которая при менее благоприятном развитии событий могла бы легко превратиться в театр военных действий. Некоторое время Олег мог княжить на Волыни и по возвращении Изяслава, пока весной 1078 г. не был «выведен» из Владимира в Чернигов.

Источники не сообщают, было ли это единоличное решение Изяслава, или оно было принято совместно с Всеволодом, — факт заключается в том, что это спровоцировало своеобразный «конфликт поколений» между «старшими» и «младшими» князьями. По мнению М. П. Погодина, Изяслав и Всеволод решили лишить Святославичей прав на владение волостями из-за выступления их отца против старшего брата в 1073 г.⁹⁸ В любом случае дискриминационное отношение к Святославичам было налицо именно с 1078 г. Некоторые детали, предшествующие эскалации конфликта, известны нам из «Поучения» Мономаха, где сообщается: «...И потом пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов, и пришел Олег, который из Владимира был выведен, и позвал я его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу 300 гривен золота»⁹⁹. Под этой суммой обычно подразумевают дань, причитавшуюся Всеволоду Ярославичу, со Смоленской волости¹⁰⁰, хотя высказывалось предположение, что это могла быть и компенсация Олегу Святославичу за утраченный стол на Волыни¹⁰¹; оно, однако, не кажется убедительным, поскольку сам Мономах уточняет, что эту сумму он передал отцу, а не двоюродному брату.

Не без умысла Мономах упомянул и об обеде на «Красном дворе» (по предположению И. М. Ивакина, он состоялся в день Пасхи 8 апреля 1078 г.¹⁰²), целью которого, как можно думать, являлись переговоры между Олегом и Всеволодом, где он, вероятно, выступал посредником, но, по всей видимости, это посредничество закончилось неудачей, поскольку в «Повести временных лет» имеется известие о том, что 10 апреля 1078 г. Олег бежал от Всеволода в Тмуторокань. Этот шаг означал окончательный разрыв отношений, последствия которого не замедлили сказаться уже через несколько месяцев. В Тмуторокани, где сформировалась междукняжеская коалиция, опиравшаяся на степных кочевников, Святославичи и их двоюродный брат Борис Вячеславич стали готовить ответный удар.

По свидетельству «Повести временных лет», в конце лета 1078 г. «привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирславич и Туку, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили»¹⁰³.

Об этом нашествии, которое, по всей видимости, было крупнейшим половецким вторжением на Русь с 1068 г., Мономах в «Поучении» пишет: «Из Смоленска придя, я прошел, сражаясь, сквозь половецкие полки, до Переяславля, и нашел отца, пришедшего из похода»¹⁰⁴. По всей видимости, это случилось уже после того, как русские войска были разгромлены в битве при Сожице, в которой дружина Мономаха не успела принять участие. Однако оба они вряд ли могли противостоять половцам, поэтому Всеволод обратился за помощью к Изяславу. В летописи подробно рассказывается, как Всеволод пришел к брату, они поздоровались и сели, после чего Всеволод стал рассказывать о своих злоключениях. «И сказал ему Изяслав: “Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обомим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за те-

бя». И, так сказав, утешил Всеволода, и повелел собирать войнов от мала до велика». Таким образом, сложилась коалиция соправителей «Русской земли» против «князей-изгоев» и «Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим» устроили экспедицию против Чернигова.

Однако под стенами города «старших» князей ждала неудача: несмотря на отсутствие «возмутителей спокойствия» Олега и Бориса, горожане категорически отказались открыть ворота. Видимо, Всеволод Ярославич за четырнадцать месяцев своего княжения не сумел снискать симпатий местного населения, которое предпочло поддержать мятежного Олега Святославича. Этот инцидент был первым проявлением сепаратизма в «Русской земле», обусловленным политическими симпатиями городской общины, которая из-за этого даже вступает в конфликт с прежним правителем; князья не привыкли к такому развитию событий, и им ничего не оставалось делать, как подвергнуть город осаде. Поначалу осаждающим удалось добиться некоторых успехов: Владимир Мономах, захватив восточные ворота, сжег посад, заставив защитников укрыться во внутреннем городе, однако развить успех и довести до конца осаду не удалось, так как стало известно о приближении Олега и Бориса, которые, по-видимому, набрали войско на территории Черниговской земли, поэтому «старшие» князья были вынуждены выступить им навстречу.

По свидетельству летописи, перед началом сражения Олег Святославич предлагал начать мирные переговоры, говоря своему союзнику: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем со смирением к дядьям своим», но Борис Вячеславич отверг это предложение со словами: «Смотри, я готов и стану против всех». В этом летописном фрагменте показательное стремление оправдать одного из мятежных князей и возложить всю ответственность за принятое решение на другого, хотя отношение к Олегу Святославичу в «Повести временных лет», как мы еще увидим, также неоднозначное, балансирующее на грани положительной и отрицательной характеристики. Тем не менее Олег Святославич в дальнейшем играл весьма заметную роль в междукняжеских отношениях и даже стал родоначальником целой княжеской ветви («Ольговичей»), тогда как Борис Вячеславич потомства не оставил; поэтому составителю или редактору ле-

тописного рассказа было удобнее возложить всю ответственность за дальнейшие события на этого князя-изгоя.

Немало размышлений порождает и вопрос о том, каков мог быть мотив столь бескомпромиссной позиции Бориса? Предполагается, что в отличие от других представителей рода Рюриковичей он не имел владетельных прав, поскольку мог появиться на свет после смерти своего отца (подобные лица стали допускаться к наследованию только в середине XIV в.), но, даже если это было не так и после смерти отца в 1057 г. Борис остался малолетним, это ненамного увеличивало его шансы на приобщение к власти. По всей видимости, Ярославичи не позаботились об этом, что и вынудило его захватить власть в Чернигове, где, как мы знаем, его княжение было рекордно коротким. Из этого следует, что Борис вряд ли пользовался поддержкой черниговцев и рассчитывал занять черниговский стол, наследственные («отчинные») права на который принадлежали Олегу Святославичу. Скорее всего, Борис Вячеславич был заинтересован в возвращении «отчинного» стола в Смоленске, который был занят Владимиром Мономахом, поэтому, если «младшие» князья в 1078 г. имели в виду реализацию именно своих «отчинных» прав, компромисс со «старшими» князьями вообще был вряд ли возможен.

Сражение произошло под Черниговом в урочище Нежати́на Нива 3 октября 1078 г. Его жертвами стали двое князей. «Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял среди пеших воинов, неожиданно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побегал Олег с небольшой дружиной, и едва спасся, убежав в Тмутаракань». Тот факт, что удар сзади всегда бывает подозрительным, навел П. П. Толочко на мысль о том, что гибель Изяслава Ярославича была не случайной и в ней могли быть повинны сторонники черниговских князей или окружение Всеволода Ярославича¹⁰⁵. Однако вряд ли в гибели киевского князя следует видеть какую-то криминальную подоплеку: если бы это было делом рук приверженцев восставших князей, вряд ли летописец пренебрег бы упоминанием об этом, потому как во все время правления Всеволода Ярославича Святославичи фактически были поставлены вне закона. Автору летописного рассказа в этом случае имело бы смысл не выгораживать кого-нибудь из них, а дискредитировать окончательно

но, чтобы лишить прав на принадлежавшие им «отчины». Еще меньше предпосылок к устранению Изяслава было у его брата Всеволода, учитывая то, что начатое в 1077 г. сотрудничество между ними продолжилось при сыновьях Изяслава, что в противном случае вряд ли бы произошло.

Достаточно обратить внимание на летописное описание похорон погибшего князя: «И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: “Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою”». Таким образом, очевидно, что для современников гибель Изяслава Ярославича была чистой случайностью — по крайней мере, никаких «теорий заговора» к жизни она не вызвала.

Куда больше информации к размышлению дает летописный некролог Изяславу Ярославичу, помещенный под тем же 1078 г.: «Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: “Воинов порубил”, то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: “Сколько от вас натерпелся?”, не воздал злом на зло, но утешил, сказав: “Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя”, — как и было. Не сказал ведь ему: “Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же”, не сказал: “Это не мое дело”, но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: “Утешайте печальных”. Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду»¹⁰⁶.

Понятно, что этот текст панегирического содержания был призван не только задним числом воздать хвалу погибшему князю, но и в определенной степени реабилитировать его, если не в глазах современников, то хотя бы в глазах потомков, сняв с него моральную ответственность за такие одиозные решения, как киевские казни 1069 г. В фактическом отношении текст панегирика, казалось бы, повторяет уже известную нам первую часть летописной статьи 1078 г., но если присмотреться к тексту внимательнее, то в нем можно обнаружить и принципиально новые элементы.

Если взять фразу, которая сказана Изяславом Всеволоду: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», мы увидим, что в тексте представлена попытка представить отношения между братьями по иерархическому принципу — в соответствии с представлениями о приоритете «старейшинства», хотя ни в первой части статьи 1078 г., где помещен рассказ о переговорах Изяслава с Всеволодом в Киеве, ни в статье 1077 г., где рассказывается о заключении мира между братьями на Волыни, ни о чем подобном не говорится. Зато эта фраза как бы является иллюстрацией к уже знакомому нам «ряду Ярослава», что позволяет приурочить ее ко времени появления «Начального свода».

Считается, что работа над этим сводом началась вскоре после вокняжения в Киеве в 1093 г. сына Изяслава Святополка, старшего из оставшихся в живых внуков Ярослава; в его интересах было подчеркнуть свой приоритет перед остальными князьями, и прежде всего перед Владимиром Мономахом, для чего в качестве прецедента идеально подходил «Волынский компромисс» 1077 г., которому была придана определенная тенденция, несмотря на то что его интерпретация в летописи, как мы видели, первоначально была нейтральной. Впрочем, о взаимоотношениях Святополка и Мономаха речь еще впереди, пока же правителям «Русской земли» предстояло предупредить последствия произошедшей катастрофы, которая в «Поучении» Мономаха была описана весьма лаконично: «... Ходили мы в том же году с отцом и с Изяславом биться к Чернигову с Борисом и победили Бориса и Олега»¹⁰⁷.

Княжение в Чернигове

Гибель Изяслава и вторичное вокняжение Всеволода в Киеве привели к новому перераспределению волостей. По свидетельству летописи, «Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей» и «посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров». При таком раскладе сил он оказался естественным лидером княжеского рода в качестве единственного «старшего» князя на Руси, но сам княжеский род продолжал оставаться раздробленным, так как Всеволод удовлетворил наследственные права только Изяславичей, оставив под их управлением те волости, которые подчинялись Изяславу. Святославичи были по-прежнему исключены из этой политической конфигурации, и этот факт подготавливал почву для дальнейших столкновений.

Первое место в новой политической системе принадлежало Владимиру Мономаху, который в 25 лет стал князем второго по значению города «Русской земли». Вероятно, это случилось после того, как восставшие черниговцы, потеряв всякую надежду из-за бегства Олега с поля сражения, прекратили оказывать сопротивление Всеволоду Ярославичу. Впрочем, из «Почучения» Мономаха следует, что после битвы на Нежатиной

Ниве он отправился не в Чернигов, а в Переяславль и «встал в Оброве», видимо, для того, чтобы организовать сопротивление половцам. Затем Мономаху — уже в качестве князя Черниговского — пришлось отправиться к месту своего прежнего княжения — в Смоленск, который в этой кризисной ситуации, по-видимому, остался без надлежащего присмотра, чем не замедлил воспользоваться Всеслав Полоцкий, устроивший пожар в городе. В «Поучении» Мономах пишет: «...Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами, вскочив на коней, и с запасными конями помчался и не застал... в Смоленске. В том же походе против Всеслава я пожег землю и, пововав ее до Лукомля и Логожьска, пошел войною на Друцк, а потом — к Чернигову».

По всей видимости, эта экспедиция была предпринята Мономахом поздней осенью 1078 г. Однако это была не последняя его кампания в этом году, так как далее читаем: «А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я пошел с черниговцами и с половцами, и на Десне захватил в плен князей Асадука и Саука и дружину их перебил. А на утро за Новым Городом (Новгородом-Северским. — *Д. Б.*) разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и всех пленников отняли»¹⁰⁸. В этом фрагменте следует обратить внимание на то, что в борьбе с одними половецкими ордами Владимир Мономах, по-видимому, делал ставку на другие¹⁰⁹.

Факты, приведенные в «Поучении», позволяют предполагать, что отношение князя к кочевникам на протяжении его политической деятельности не было неизменным: в конце 1070-х гг. он при случае использовал половцев в качестве союзников и лишь позднее стал выступать в качестве организатора сопротивления половецкой агрессии, образ которого был запечатлен на страницах «Повести временных лет». Летопись сохранила упоминание о том, что в 1080 г. по приказанию отца Владимир Мономах предпринял поход на «переяславских торков» — федератов, живших на южных рубежах «Русской земли», которые «заратились на Русь», но были побеждены.

Летом 1079 г. получила продолжение борьба за наследство Святослава Ярославича, которую на сей раз возглавил пришедший на Русь с половцами тмутороканский князь Роман, по-видимому оставивший на княжении в Тмуторокани вместо себя брата Олега. Против него выступил сам Всеволод Яро-

славич, ставка которого располагалась у Переяславля. В результате переговоров ему удалось заключить мир с кочевниками, которые вернулись обратно в степь, убив по дороге своего союзника Романа. Вскоре после этого его брат Олег был захвачен некими «хазарами» (вероятно, представителями хазарской общины Тмуторокани) и выслан в Константинополь, а на его место из Киева или Чернигова прислан посадник Ратибор.

Все эти действия выглядят идеально скоординированными и поразительно выгодными для киевского князя, на краткое время подчинившего своей гегемонии все русские княжества, так что именно здесь складывается впечатление о его тайной причастности к этим акциям, позволившим на короткое время подавить оппозицию «младших» князей. Из Константинополя Олег Святославич, по-видимому, был отправлен в ссылку на остров Родос, где по свидетельству русского путешественника начала XII в. игумена Даниила провел два года. Затем положение князя-изгнанника улучшилось: Олег был не только возвращен с Родоса, но и сумел войти в круги византийской аристократии, женившись на знатной гречанке Феофано Музалон.

Вероятно, с византийской помощью он в 1083 г. и вернулся в Тмуторокань, где к тому времени уже не было киевского посадника Ратибора: того в 1081 г. изгнали из города новые представители княжеской оппозиции, которые не имели своих волостей, — Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, внук и правнук Ярослава Мудрого. Олег Святославич арестовал своих родственников и расправился с хазарами, которые прежде советовали убить его брата (Романа) и его самого. Хотя Олег отпустил бывших правителей Тмуторокани на свободу, один из изгнанников, Давыд Игоревич, блокировал торговые пути устья Днепра (в Олешье), совершив нападение на караван византийских купцов. В ситуацию был вынужден вмешаться киевский князь, распорядившийся в 1084 г. привести племянника в Киев и дать ему Дорогобуж, который был центром Погорины, граничившей с Киевской землей.

Вопрос об изначальной принадлежности этой волости является предметом споров: большинство исследователей, вслед за С. М. Соловьёвым, считают, что прежде эта волость подчинялась волынскому князю Ярополку Изяславичу, а мень-

шинство поддерживают предположение В. Н. Татищева о том, что Погорина была выделена из состава Киевской земли, но на нее претендовал Ярополк Изяславич¹¹⁰. Дальнейшее развитие событий, описанное в «Повести временных лет» под 1085—1086 гг., скорее указывает на то, что киевский князь осуществил этот акт за счет волынского князя Ярополка, что и привело к конфликту 1085—1086 гг., хотя между ними определенно существовала общность стратегических интересов, на которую указывал М. С. Грушевский, писавший, что Всеволод Ярославич и Ярополк Изяславич удерживали за собою волости, оспариваемые князьями-изгоями¹¹¹, так что вряд ли они стали портить отношения из-за приграничной территории — тем более учитывая тот факт, что за год перед этим волынский князь был вынужден прибегнуть к помощи киевского князя.

Согласно «Повести временных лет», недоразумения на Волыни начались еще в 1084 г., под которым в летописи записано: «Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире». Далее в летописи следует упоминание о наделении мятежного Давыда Игоревича княжением в Дорогобуже, а под 1085 г. в летописи читаем, что Ярополк «хотел идти на Всеволода, послушав злых советников», однако это намерение не осталось тайной для киевского князя, который, узнав об этом, послал против него Владимира Мономаха. По-видимому, мятеж был плохо подготовлен, либо Ярополк не ожидал столь стремительной реакции из Киева, так что, оставив свою мать и дружину в Луцке, бежал в Польшу. «Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял». Однако, судя по всему, конфликт между ними не был глубоким, так как, вернувшись из Польши в 1086 г., Ярополк «сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире»¹¹².

Более детальная репрезентация событий была дана польским историком XV в. Яном Длугошем (1415—1480), который в своей «Польской истории» писал следующее: «Князь Ярополк, сын Изяслава, прежнего князя киевского, почтя за вели-

кую несправедливость, что Киевское княжество после смерти его отца Изяслава наследовал его дядя Всеволод, собирает войско, чтобы с его помощью напасть войной на Всеволода и изгнать его с киевского стола. Когда Всеволод узнал об этом, он собирает ближний совет и обсуждает, что делать. Один из числа советников подал ему совет, рассуждая так: «Собрав войско, пошли против Ярополка своего сына Владимира, а меня пошли прежде него: я обману Ярополка и одержу над ним победу без оружия». Тот одобрил такой совет, и лживый советник прибыл к Ярополку и сказал ему: «Не доверяй своим советникам и воинам, все они на стороне твоего врага Всеволода и поклялись предать тебя ему. Послушай моего верного совета и беги к польскому королю Болеславу, который некогда восстановил [на столе] твоего изгнанного отца Изяслава, и проси у него помощи». Ярополк поверил коварной и лживой речи и, оставив Русь, бежал в Польшу, держа под подозрением всех своих советников и воинов. Мать свою, жену, сыновей и домочадцев он помещает в крепости Луцке, велев им, чтобы как можно упорнее сопротивлялись врагу, пока он не вернется с польским войском. После того как он удалился в Польшу, к Луцку подошел сын Всеволода Владимир с войском, которому тотчас и безо всякого сопротивления крепость была сдана; в ней он нашел мать, жену, сыновей и домочадцев Ярополка и пленниками увез их в Киев, а домочадцев продал. Польский же король Болеслав, не имея возможности лично оказать помощь Ярополку из-за раздора, возникшего между ним и воинами, посылает, однако, с ним войско из своих польских племен, при поддержке которого тот первым делом идет к Луцку. А сын Всеволода Владимир, не осмеливаясь сопротивляться ему и его силе, посылает послов и примиряется с ним, вернув немедленно или поклявшись вернуть не только Луцк и другие крепости Ярополка, которые ранее захватил, но и все принадлежащее Ярополку. Заключив мир, Владимир направился на свой стол в Чернигов, а Ярополк, наградив польское войско, отпустил его в Польшу...»¹¹³.

Рассказ Длугоша соответствует летописи только частично: в тех пассажах текста, где присутствует «избыточная информация», мы, по-видимому, имеем дело с не совсем удачной авторской амплификацией летописного сюжета о «злых советниках», на искусственность которой указывают следующие

обстоятельства: во-первых, в политической практике второй половины XI в. киевский стол передавался от брата к брату, а не от отца к сыну; во-вторых, согласно формировавшимся в это время представлениям о приоритете «старейшинства», Ярополк в любом случае должен был стать преемником Всеволода и вряд ли стал бы добиваться киевского стола силой; в-третьих, союзником Ярополка у Длугоша выступает польский король Болеслав II, свергнутый в действительности в 1079 г., после чего князем стал его брат Владислав Герман (1079—1102), к которому и бежал Ярополк в 1085 г.

Эта позднейшая реконструкция событий вряд ли была бы достойна упоминания здесь, если бы идея о притязаниях Ярополка на киевский стол не получила дальнейшего развития в историографии. Например, И. А. Линниченко полагал, что Ярополк, «проведав о неудовольствии Киевлян на Всеволода, думал прогнать его с Киевского стола», а В. И. Сергеевич писал, что «по завещанию Ярослава Киев должен был оставаться в потомстве старшего его сына Изяслава, у которого были сыновья. Всеволод, обобравший всех своих племянников, сделал исключение только для старшего сына своего верного союзника, Изяслава, которому дал Владимир и Туров. Несмотря на это значительное наделение, Ярополк Изяславич в 1085 г. задумал поход на Всеволода. Летописец, по обыкновению, чрезвычайно краток и не объясняет причин, побудивших волынского князя восстать на сильного дядю. Он говорит только, что Ярополк послушал злых советников. Можно думать — заключает исследователь, — что злые советники объяснили своему князю, что он имеет более прав на Киев, чем его дядя; вот почему он и собрался войной на него»¹¹⁴.

Если бы конфликт между Ярополком и Всеволодом касался порядка замещения киевского стола, вряд ли между ними было возможно быстрое примирение, которое было достигнуто при посредничестве Владимира Мономаха в 1086 г. Кроме того, информация о военно-политических контактах Ярополка с Владимиром Мономахом, сохранившаяся не только в «Повести временных лет», но и в «Поучении», свидетельствует об их тесном сотрудничестве в первой половине 1080-х гг.

После рассказа о победе над половцами под Новгородом-Северским зимой 1078/79 г. Мономах сообщает в «Поучении», что «на вятичей мы ходили подряд две зимы, на Ходоту и на

сына его, и к Кордыну ходили в первую зиму, и потом на Изяславичей за Микулин, и не настигли их. И на весну [ходили] на совет с Ярополком в Броды. В том же году мы погнались за Хорол, за половцами, которые взяли Горошин. И в ту же осень мы ходили с черниговцами и с половцами, с читеевичами, к Минску, взяли город и не оставили около него ни челядина, ни скотины. В ту же зиму мы ходили к Ярополку на совет в Броды и дружбу великую заключили».

О хронологии этих событий мы подробно будем говорить ниже, сейчас же заметим, что в довольно насыщенной военными кампаниями жизни Мономаха, вынужденного в начале 1080-х гг. вести борьбу с вятичами, и с половцами, и с полоцким князем Всеславом, одним из приоритетов было именно сотрудничество с Ярополком, которого он дважды посещает в местечке Броды. Правда, не совсем ясным в процитированном тексте является место, где говорится о походе «на Изяславичей за Микулин», так как оба оставшихся в живых Изяславича в то время являлись лояльными Всеволоду Ярославичу. Сначала было сложилось мнение, что в данном случае мы имеем дело с «сомнительным обстоятельством» (Н. М. Карамзин), но впоследствии было высказано предположение, ставшее к настоящему времени общепринятым, что переписчик допустил ошибку в тексте, где вместо «на Изяславичей» следует читать «на Ростиславичей» (А. С. Клеванов, С. М. Соловьёв)¹¹⁵, что, в принципе, согласуется с событиями, которые изложены под 1084 г. в «Повести временных лет».

Для того чтобы установить хронологию событий и найти причинно-следственные их связи, мы должны вернуться к «Поучению» Мономаха, где после рассказа о заключении «великой дружбы» с Ярополком говорится: «И на весну посадил меня отец в Переяславле, перед всей братией, и мы ходили за Сулой. И на пути к городу Прилуку встретились нам внезапно половецкие князья [и воинов] 8 тысяч, и хотели мы с ними биться, но оружие услали вперед на повозках, и мы вошли в город, только одного семца взяв живого и несколько смердов, и наши больше этих [половцев] перебили и захватили, и [половцы], не смея [поводья] коня взять в руки, той же ночью бежали на Сулу. И назавтра, в день Госпожи [Богородицы] пошли мы к Белой Веже и помог нам Бог и святая Богородица: убили мы 900 половцев и двух князей взяли в плен,

братьев Багубарса, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали. И потом мы гнались за половцами на Святославль, потом на Торческ город, и на город Юрьев. И потом на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом у Варина вежи взяли». И потом я ходил к Владимиру, после Ярополка посадил, и Ярополк умер»¹¹⁶.

Единственной точно известной датой из этого рассказа является дата смерти Ярополка Изяславича, который, согласно Лаврентьевскому списку «Повести временных лет», был убит под Звенигородом-Галицким 22 ноября 1086 г. (в Ипатьевском списке «Повести временных лет» это событие было отнесено к 1087 г. из-за того, что под предыдущим годом здесь было помещено дополнительное известие об основании Всеволодом Ярославичем в Киеве монастыря Св. Андрея)¹¹⁷. Отталкиваясь от летописной даты гибели Ярополка, мы можем реконструировать приблизительную хронологию событий в «Поучении» Мономаха, рассматривая их в обратном порядке.

На первый взгляд как «Повесть временных лет» (под 1084, 1085 и 1086 гг.), так и «Поучение» свидетельствуют о трех походах Мономаха на Волынь, однако их вряд ли можно считать тождественными друг другу, поскольку «Поучение» во всех трех случаях фиксирует нейтральное отношение к Ярополку, тогда как второй поход Мономаха в 1085–1086 гг. был направлен против него и во время этого похода они не могли заключить «дружбу великую».

Считается, что в своем рассказе Мономах обошел эти события молчанием по конъюнктурным соображениям¹¹⁸, но, учитывая, что хронология «Поучения» является относительной, можно предположить, что информация о второй и третьей волынской кампании Мономаха заключена в словах: «И потом я ходил к Владимиру, после Ярополка посадил, и Ярополк умер». При этом первую часть фразы: «И потом я ходил к Владимиру» можно отнести к событиям 1085 г., когда во Владимире вместо бежавшего в Польшу Ярополка был посажен Давыд Игоревич, а вторую: «...после Ярополка посадил, и Ярополк умер» — к событиям 1086 г. Если сравнить этот фрагмент с летописной статьей 1085 г., мы увидим, что именно в этом году Мономах был во Владимире, где посадил Давыда Игоревича. В статье 1086 г., напротив, говорится, что Мономах по заключении мира с Ярополком ушел в Чернигов, а Ярополк вокня-

жился во Владимире сам. Из текста нельзя понять, где был заключен мир между князьями, — можно только констатировать, что вокняжение Ярополка стало следствием его соглашения с Мономахом.

Судя по «Поучению», перед своим приходом во Владимир-Волынский Мономах был занят войною с половцами с того самого момента, как отец посадил его «перед всей братией» в Переяславле; перед этим, зимой, он ходил «к Ярополку на совет в Броды», где они «дружбу великую заключили». Если поход в Луцк и во Владимир мог иметь место в 1085—1086 гг., то назначение Мономаха князем в Переяславль следует отнести к весне 1085 г. — это назначение, по всей видимости, было временным, связанным с организацией наступательных действий против половцев, так как после своего возвращения с Волыни в 1086 г. Мономах отправился не в Переяславль, а в Чернигов, — слова «перед всей братией» можно понимать в том смысле, что он на некоторое время сосредоточил в своих руках управление двумя городами.

Второй поход к Ярополку в Броды, где «дружбу великую заключили», очевидно, относится к зиме 1084—1085 гг. Этому событию предшествовали: поход к Минску (осень), экспедиция против половцев за Хорол (лето), первый поход в Броды (весна) и экспедиция против Ростиславичей «за Микулин». Таким образом, интервал между первым и вторым походом Мономаха к Ярополку в Броды составлял примерно год, из чего можно заключить, что первый поход в Броды имел место в самом начале 1084 г., поход «за Микулин» — в 1083 г., а экспедиции против вятичей — ориентировочно в 1081 и 1082 гг.

Реконструировав, таким образом, хронологию событий в «Поучении», попробуем соотнести их с данными «Повести временных лет». Прежде всего, стоит принять во внимание, что упоминание о бегстве Володаря Ростиславича и Давыда Игоревича в Тмуторокань «Повесть временных лет» относит к маю 1081 г., позволяя предположить, что уже в то время Ярополк мог иметь какие-то конфликты с этими князьями. Справиться с братьями Володаря он не смог и был вынужден обратиться за помощью в Киев, в результате чего в 1083 г. состоялась безуспешная экспедиция Владимира Мономаха «за Микулин» (в Прикарпатье). После соединения войск Ярополка и Мономаха в Бродях в начале 1084 г. «два Ростиславича»

(вероятно, Рюрик и Василько, ибо Володарь мог еще находиться в Причерноморье) были захвачены в плен и отправлены во Владимир. Когда Ярополк на Пасху 1084 г. уехал из Владимира в Киев, Ростиславичи, оставшись без надлежащего надзора, бежали из Владимира; к тому времени, когда Ярополк вернулся в город, они сумели набербовать себе сторонников за его пределами и выгнали Ярополка. Так как летом 1084 г. Мономах был занят войной против половцев, а осенью 1084 г. — экспедицией к Минску, его второй поход на Волынь состоялся только зимой 1084/85 г. Согласно «Повести временных лет», примерно в это же время Всеволод Ярославич дал Давыду Игоревичу Дорогобуж, так что под словами о том, что «в ту же зиму мы ходили к Ярополку на совет в Броды и дружбу великую заключили», видимо, подразумевается мирное соглашение между Ярополком и Давыдом, посредником при заключении которого и выступал Мономах, однако этот мир оказался недолгим, так как в 1085 г. Ярополк стал готовить выступление против Всеволода, но попытка мятежа была вовремя пресечена. Тем не менее когда в 1086 г. Ярополк вернулся из Польши, то беспрепятственно получил Владимир-Волынский обратно.

Скорее всего, Ярополк сумел оправдаться перед Мономахом, возложив всю ответственность за подготовку мятежа на «злых советников», что и зафиксировала летопись. Однако княжение Ярополка во Владимире было недолгим, так как он, «переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И еще не дошел он до города, как пронзен был проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день». Гибель Ярополка вызвала историографическую дискуссию, основоположником которой на страницах журнала «Современник» выступил в 1849 г. анонимный автор (под ним М. С. Грушевский подразумевал А. Ф. Тюрину), попытавшийся доказать причастность к его убийству Давыда Игоревича. Но часть исследователей вслед за С. М. Соловьёвым возложила ответственность за это преступление на Ростиславичей¹¹⁹, что в целом соответствует логике летописного повествования, поскольку убийца Ярополка Нерадец бежал к Рюрику Ростиславичу в Перемышль, который тот, вероятно, захватил в отсутствие на Руси Ярополка в 1085—1086 гг. и хотел удержать за собой после его возвращения. Если такова была цель Рюрика,

то это ему удалось: после его смерти в 1092 г. Перемышль перешел во владение его брата Володаря.

Впрочем, высказывалось и предположение о том, что к гибели Ярополка мог быть причастен и Всеволод Ярославич¹²⁰, с чем вряд ли можно согласиться, учитывая тот факт, что незадолго до гибели Ярополк сумел нормализовать отношения с Всеволодом, который отнесся к нему лояльно, а когда тело убитого князя в начале декабря 1086 г. доставили в Киев для захоронения в Десятинной церкви, Всеволод сам встречал траурный кортеж вместе с сыновьями, боярами и митрополитом Иоанном. Более того, он не стал препятствовать переходу части территории, ранее находившейся под управлением Ярополка (Туровской земли), его брату Святополку, что является свидетельством продолжения его сотрудничества с сыновьями Изяслава Ярославича, которое вряд ли было бы возможно, если киевский князь приложил руку к устранению племянника.

Мотив устранения Ярополка теоретически мог иметь Давыд Игоревич, который с его возвращением из Польши лишился владимирского стола и, видимо, вернулся в Дорогобуж. Но такой же мотив могли иметь и Ростиславичи, которые находились в конфликте с Ярополком в 1083–1084 гг. Если права Давыда на Дорогобуж могли быть санкционированы соглашением в Бродах зимой 1084/85 г., то не совсем понятно, на каком основании сел в Перемышле Рюрик Ростиславич: остается предположить, что он захватил этот город в то время, когда Ярополк отсутствовал на Руси. Тем не менее могут быть близки к истине и те исследователи, которые возлагают ответственность за убийство Ярополка на Давыда Игоревича и Ростиславичей одновременно¹²¹, так как его устранение было выгодно им обоим. Правда, десятилетие спустя кровные родственники станут кровными врагами, и Давыд Игоревич, стремясь оправдать собственную политическую интригу, припишет организацию этого преступления одному из братьев, Василью Ростиславичу, но составитель «Повести временных лет» приложит усилия к тому, чтобы отвести подозрения от князя...

Тем не менее сложившаяся ситуация требовала решения: в Ипатьевской летописи под 1087 г. сохранилась информация о том, что Всеволод Ярославич ходил к Перемышлю¹²². Не ясно, была ли эта акция прямо связана с убийством Ярополка

и каким результатом она завершилась: известно только, что Ростиславичи не только сохранили Перемышль, но и приобрели еще одну волость — Теробовль, которую, по свидетельству «Повести временных лет», Всеволод дал Василько Ростиславичу. По всей видимости, эта волость была выделена из состава Волынской земли, потому что позднее Святополк Изяславич, предъявив на нее притязания, будет мотивировать их тем, что это была волость его отца и брата — то есть Изяслава Ярославича и Ярополка Изяславича.

Между прочим, после 1086 г. Волынь досталась Давыду Игоревичу, а Святополк Изяславич, оставивший в 1088 г. княжение в Новгороде, был вынужден довольствоваться Туровом. Таким образом, стратегическое равновесие, достигнутое в 1077–1078 гг., было нарушено и в выигрыше от этого оказался Всеволод Ярославич, внук которого Мстислав, старший сын Владимира Мономаха и Гиды Английской, занял место Святополка Изяславича в Новгороде. Однако вряд ли стоит видеть в этом волевое решение киевского князя, так как это, скорее всего, был компромисс между ним и новгородской общиной.

Дело в том, что Святополк, в отличие от своего предшественника на новгородском столе Глеба Святославича, по всей видимости, променял Новгород на Туров по собственному желанию, как можно заключить из летописного рассказа под 6610 (1101/02) г., где новгородцы упрекали Святополка (в то время уже князя киевского) в том, что он ушел от них сам, после чего Всеволод и дал им в князя Мстислава.

Мотивы поведения Святополка останутся непонятными, если не принять во внимание, что Туров был для него в большей степени наследственным владением, чем Новгород, так как в Турове княжили его отец Изяслав и брат Ярополк, а в Новгороде — только брат Мстислав. Вокняжение Святополка в Турове препятствовало переходу этой волости под власть киевского князя, в результате чего последний из оставшихся в живых Изяславичей мог лишиться своей «отчины», да и в том случае, если он рассматривался как потенциальный наследник киевского стола после смерти Всеволода или просто имел виды на получение Киева, ему было куда выгоднее находиться в Турове, чем в Новгороде.

Показательно и то, что Святополк Изяславич получил лишь часть земель своего брата, в то время как Волынь оказалась вне сферы его влияния. Данному факту тоже есть свое объяснение. После 1085 г. в юго-западном регионе сформировалась сложная структура волостей, которая привела к установлению режима «коллективного совладения» на территории прежде единой Волынской земли, откуда были выделены Перемышль и Теревовль. Этот процесс был вызван удовлетворением территориальных требований князей-изгоев, призванным обеспечить их лояльность и одновременно поставить под контроль Киева, тогда как назначение князем во Владимир Святополка, а не Давыда привело бы к новому столкновению интересов разных ветвей потомства Ярослава и уничтожило только что достигнутое равновесие, так как Святополк, безусловно, стал бы стремиться к восстановлению политической целостности Волынской земли, что он исчерпывающим образом и продемонстрировал в 1099 г.

Таким образом, усилиями Всеволода и Владимира Мономаха, выполнявшего функции его представителя, как мы имели возможность убедиться в этом на примере событий 1084—1086 гг., было стабилизировано положение в княжеском роду. По утверждению самого Мономаха, при жизни отца он ездил к нему из Чернигова в Киев около сотни раз и совершал этот путь за один день, «до вечерни». Это обстоятельство косвенно говорит о том, что он должен был играть очень важную роль в текущих делах в качестве проводника политики Всеволода, а возможно, и ее «архитектора».

Однако оценка княжения Всеволода Ярославича, которая была дана составителем «Начального свода» в некрологе князю, скончавшемуся в Киеве 13 апреля 1093 г., выглядит весьма противоречиво: «Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: “Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если Бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то, когда Бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих”».

И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Было у него огорчений больше, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле год и в Чернигове год»¹²³.

Из некролога становится ясным, что его составитель оценивал результаты правления Всеволода весьма скептически, представив его довольно слабым правителем, который едва справлялся с грузом ответственности, свалившимся на его плечи с вокняжением на киевском столе. В качестве главного достижения Всеволода, помимо его образцового поведения как христианина, автор выдвигал на первый план легитимный характер его вокняжения в Киеве. По-видимому, это была своеобразная дань «духу времени», тем веяниям, которые распространились в Печерском монастыре и за его пределами. Но, рассказывая о тех «досадах», которые из-за волостей причиняли ему племянники, летописец, однако, не упоминает о том, что в отношении них Всеволод руководствовался политикой «двойных стандартов», последовательно игнорируя интересы Святославичей. Некоторые из князей (Ярополк и Святополк Изяславичи, Давид Игоревич) получали во владение от него свои «отчины» (наследственные волости), но можно заметить, что Всеволод руководствовался «отчинным» принципом только на Правобережье Днепра, тогда как на левом берегу реки он не реализовывался. По всей видимости, это было связано с его

стремлением сохранить под своим контролем всю территорию «Русской земли» в Среднем Поднепровье.

В историографии отмечалось употребление Всеволодом Ярославичем на печатях греческого титула «архонт всей Руси». Вопрос о геополитическом содержании этого титула остается предметом обсуждения, но это определение можно понимать не только в широком смысле — как суверенитет киевского князя над Новгородом¹²⁴, но и в узком смысле — как суверенитет над Черниговом и Переяславлем¹²⁵. Возможно, ключом к интерпретации этого титула является именно то, что Всеволод Ярославич оберегал политическую целостность «Русской земли», применяя «отчинный» принцип распределения стольных городов лишь в тех пределах, которые очерчены параметрами «дуумвирата» 1077–1078 гг.

На протяжении пятнадцати лет княжения Всеволода в Киеве Владимир Мономах продолжает занимать черниговский стол вместо того, чтобы передать его в распоряжение Святославичей и таким образом способствовать достижению компромисса, подобного тому, который был достигнут в 1084–1085 гг. с Давыдом Игоревичем, а в 1086–1087 гг. с Ростиславичами. Но такой компромисс кардинально изменил бы соотношение сил в ущерб положению киевского князя, который мог считать себя «архонтом всей Руси» или «единовластцем Русской земли» (разумеется, в узком смысле) до тех пор, пока главный предмет спора — Чернигов — находился в руках его старшего сына.

По-видимому, когда в дальнейшем возникла необходимость более четко охарактеризовать политическую позицию Владимира Мономаха после смерти отца, то в качестве продолжения некролога в летопись был включен рассказ о том, что Мономах, как бы взвешивая различные политические альтернативы, стал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца»¹²⁶.

Как иронически писал по поводу этих «размышлений» В. И. Сергеевич, «Владимир оказался в положении сказочного путника, очутившегося на перекрестке двух дорог. Можно пойти и направо, и налево, только везде будет плохо»¹²⁷. Но из двух зол, как известно, выбирают меньшее, а хуже всего Мономаху было бы в том случае, если бы он попытался занять ки-

евский стол в обход княжившего в Турове Святополка, который являлся старшим из внуков Ярослава. Тогда под угрозой оказались бы результаты «Волынского компромисса» 1077 г., которые гарантировали Всеволоду и его семье гегемонию на левом берегу Днепра. Поэтому после погребения отца в храме Св. Софии 14 апреля 1093 г. Владимир Мономах отправил посланцев в Туров к Святополку, а сам ушел в Чернигов.

По сути дела, он признал приоритет «отчинных» прав на Киев своего двоюродного брата, однако казус заключается в том, что официально принцип наследования князьями стольных городов «по отчине» был провозглашен четырьмя годами позже — на Любечском съезде 1097 г., где было принято правило: «каждый да держит отчину свою». Разумеется, применение этого принципа эпизодически можно выявить и в предшествующий период, однако Ярославичи злоупотребляли исключениями из этого правила с целью расширения собственной власти.

Можно предположить, что сюжет о «размышлениях» Мономаха был внесен в летопись задним числом для того, чтобы заранее представить его поборником «Любечской доктрины», причем конструкция сюжета, оформленного в форме «размышлений», подразумевает, что его мог внести в летопись только человек, близкий к самому князю. Именно таким человеком был Сильвестр — игумен основанного Всеволодом Ярославичем Выдубицкого монастыря Св. Михаила, который, по свидетельству летописной записи, датированной 1116 г. и сохранившейся в конце Лаврентьевского и сходных с ним списков «Повести временных лет», написал «книгу эту, летописец»¹²⁸.

Поскольку Святополку принадлежало физическое старшинство перед Владимиром, который был на два или три года моложе, акт 1093 г. способствовал внедрению в древнерусскую политическую практику представления о приоритете «старейшинства», хотя оно не была выражено здесь так явно, как во второй части статьи 1078 г., на что обращал внимание А. Е. Пресняков¹²⁹. Однако декларация о приоритете «старейшинства» (в соответствии с реконструированным составителем «Начального свода» «политическим завещанием» Ярослава Мудрого) с композиционной точки зрения представляется здесь излишней именно потому, что в летописном тексте под

1078 г. имеется свидетельство о том, что отец Мономаха Всеволод признал отца Святополка Изяслава «старейшим» князем.

Хотя перспективы занятия Владимиром Мономахом киевского стола, как мы можем заключить из его «размышлений», в этот момент были весьма призрачны, в исторической литературе широко обсуждалось предположение о том, что Мономах имел возможность получить киевский стол в 1093 г. Автором этой гипотезы стал В. Н. Татищев, который во второй редакции «Истории Российской» писал: «Владимир после смерти отца своего хотя киевлянами прошен был приять престол, но, рассудив, что то весьма многотрудно, мимо более старейших Святополка и Святославичев приять, поскольку те по старшинству отцов их имеют причину того требовать, и без войны междоусобной миновать не может, послал к Святополку Изяславичу в Туров объявить о смерти отца своего, дабы он, яко старейший из братии, пришед, престол русский принял; а сам поехал в Чернигов»¹³⁰.

Здесь мы имеем только творческую интерпретацию историком летописного сообщения: оно концептуализировано таким образом, чтобы представить Мономаха поборником иерархического принципа наследования в княжеском роду, который позже, в XIX в., станет одной из составных частей родовой теории. Однако если судить по «Повести временных лет», «легитимизм» Мономаха имел свои пределы: по существу, он ограничивался только персоной Святополка Изяславича, тогда как упоминания о правах Святославичей, которые по-прежнему исключены из политической жизни «Русской земли», в летописи нет — напротив, древнейшие списки «Повести временных лет» (Лаврентьевский и Ипатьевский), известные историку, по меньшей мере, позволяют предполагать, что киевляне приветствовали вокняжение в Киеве Святополка, хотя эта летописная формула выглядит «этикетной» при сравнении ее с аналогичной формулой под 1069 г., использованной в описании вторичного вокняжения в Киеве Изяслава Ярославича.

Тем не менее «избыточная информация» Татищева — то есть историографический факт, а не материал источника — получила дальнейшее развитие в трудах исследователей. Например, С. М. Соловьёв считал, что «по смерти отца Мономах не встретил бы никакого препятствия со стороны граждан, ес-

ли бы захотел тотчас занять престол отцовский», а Д. И. Иловайский писал, что киевляне «выражали желание иметь князем мужественного Владимира Мономаха»; эту же мысль повторил М. К. Любавский, отметивший, что киевляне «стали было приглашать его сесть на великом княжестве», но «Мономах наотрез отказался»¹³¹. Как видим, с течением времени мнения становились все категоричнее, однако источники не дают оснований для утверждений подобного рода, как, впрочем, и для альтернативных предположений о том, что Мономах, чья личность якобы ассоциировалась с непопулярной политикой Всеволода Ярославича, не пользовался поддержкой киевской аристократии, которая предпочла ему Святополка¹³².

Если бы Мономах действительно захотел остаться в 1093 г. на княжении в Киеве, то он сумел бы и найти сторонников, и устранить недовольных, а если бы у него не было такой возможности, то помещать в летописи его «рассуждение» на эту тему и вовсе было бы бессмысленно. Скорее всего, князь просто выбрал иную политическую альтернативу, предпочтя обзавестись не потенциальным врагом, а потенциальным союзником, который мог бы помочь ему противостоять и половецкой экспансии, и враждебным действиям Святославичей, тем более что последний из Изяславичей, лишенный Новгорода и Волыни, серьезной угрозы интересам Мономаха, по-видимому, не представлял.

Святополк прибыл из Турова в Киев 24 апреля 1093 г., и, как пишет летописец, «вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью», однако едва он успел сесть на «столе отца своего и дяди своего», как допустил первую политическую ошибку, отказавшись от мирного соглашения, предложенного половецкими ханами и посадив «в поруб» направленных к нему послов. В ответ половцы пошли на него войной, и Святополк, даже отпустив послов на волю, не смог умиротворить их. Князь собирался противостоять кочевникам, имея всего лишь 700 «отроков» (младших дружинников), но «разумные мужи» посоветовали ему обратиться за помощью к Мономаху, который стал собирать войска вместе со своим младшим братом Ростиславом, княжившим в Переяславле.

По мнению А. П. Толочко, Н. Ф. Котляра и В. Я. Петрухина, в результате перераспределения столов в апреле 1093 г. в «Русской земле» был восстановлен режим, существовав-

ший при «триумvirате» Ярославичей¹³³, однако это суждение представляется не совсем верным, так как, акцентируя внимание на кратковременной реставрации самостоятельности Переяславля, исследователи игнорируют тот факт, что «триумvirат» 1093 г. с династической точки зрения не был повторением «триумvirата» 1054—1072 гг., ибо в стольных городах сидели лишь сыновья Изяслава и Всеволода, продолжавшие поддерживать политическую ситуацию, сложившуюся в 1077—1078 гг., в то время как сыновья Святослава все еще были лишены «причастья» в «Русской земле». Более того, среди правителей Киева, Чернигова и Переяславля не было единства во мнениях относительно отражения половецкой угрозы. Встретившись в монастыре Св. Михаила (Выдубицком монастыре), они затеяли «распри и ссоры» и лишь под давлением «разумных мужей» принесли друг другу клятву на кресте и выступили из Киева, не имея определенного плана действий, ибо «Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны». Когда князь подошли к реке Стугне, споры возобновились и верх одержали сторонники продолжения экспедиции. Однако когда 26 мая под Треполем князь столкнулись с половцами, то первыми побежали воины Святополка, а за ними — воины Владимира и Ростислава, который утонул при переправе через вышедшую из берегов Стугну.

В летописи говорится, что «прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах Владимира. И захотел подхватить брата своего, и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшой дружиной, — ибо много пало людей из полка его, и бояре его тут пали, — и, перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей, и пошел в Чернигов в печали великой». Несмотря на критическую обстановку, были организованы поиски останков князя: «Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его»¹³⁴.

Агиографически стилизованный рассказ о гибели Ростислава сохранился в «Киево-Печерском патерике»: если верить тексту этого памятника, накануне выступления в поход

на половцев князь, направлявшийся за благословением в монастырь, повздорил у Днепра с монастырским старцем Григорием, которого оскорбили княжеские слуги: «Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: “О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно Богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде”. Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: “Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!” И рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен <...>. Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князя наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословиению святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском»¹³⁵.

Для нас это сообщение интересно главным образом тем, что оно противопоставляет Ростислава Владимиру Мономаху, создавая своеобразную «оппозицию» между братьями, один из которых представлен как «благочестивый князь», а другой как «князь-грешник».

Еще один князь, подвергавшийся критике на страницах киево-печерских агиографических произведений, Святополк Изяславич, после поражения у Треполя попытался продолжить сопротивление кочевникам. Так как половцы оказались заняты осадой отчаянно сопротивлявшегося Торческа и, лишь видя бесплодность своих усилий, по прошествии девяти недель разделили свои силы, с тем чтобы подвергнуть опустошению окрестности Киева и Вышгорода, киевский князь получил возможность собраться с силами и встретил половцев на реке Желани: «И побежали наши от иноплемеников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же

пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу», — свидетельствовал летописец¹³⁶.

Лишь в 1094 г. Святополку удалось наконец заключить мир с половцами, женившись на дочери половецкого хана Тугоркана. По-видимому, участие в мирных переговорах принимал и Владимир Мономах, который, описывая эти события в «Поучении», сообщает следующее: «...По смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепья, и потом мир сотворили с Тугорканом и с иными князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю»¹³⁷. Подобное заявление «от первого лица» в определенной степени опровергает тезис А. Е. Преснякова о том, что «политика Святополка и Владимира совершенно независимы одна от другой и часто скрещиваются»¹³⁸. Точнее было бы сказать, что соправители «Русской земли» имели как общие, так и частные интересы, которые не всегда совпадали друг с другом.

Среди общих интересов первое место, несомненно, занимала борьба с половцами, которая продолжалась из года в год, так что даже родственные связи киевского князя с Тугорканом не делали достигнутый мир прочным, к тому же новую партию кочевников на Русь привел Олег Святославич, возобновивший притязания на «черниговское наследство». По свидетельству «Повести временных лет», «в тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать»¹³⁹.

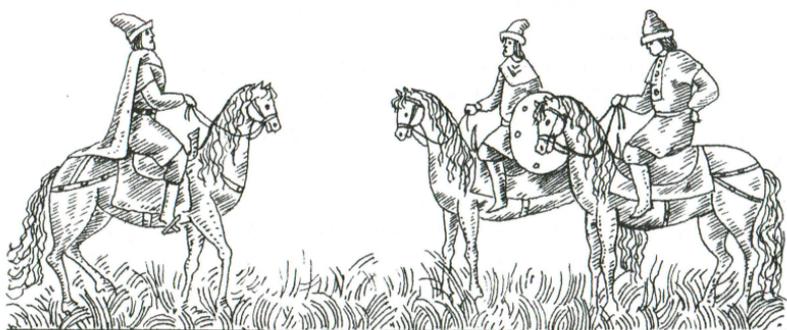
Владимир Мономах в «Поучении» сообщает детали этих событий, из которых выясняется, что он далеко не сразу уступил тмутараканскому князю его «отчину»: «...Олег на меня пришел со всюю Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: “Пусть не похваляются язычники”. И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова

и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля¹⁴⁰.

Строго говоря, Чернигов являлся «отчиной» как для Олега, так и для Владимира Мономаха, но с точки зрения «старейшинства» этих прав приоритет, безусловно, был за тмутороканским князем. Но почему Мономах без сопротивления признал приоритетные права одного брата на Киев в 1093 г., а в 1094 г. на протяжении восьми дней сопротивлялся признанию прав на Чернигов другого?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что в первом случае Мономах стремился сохранить в неприкосновенности раздел «Русской земли» 1077 г., к которому представители старшей и младшей ветвей потомков Ярослава вернулись в 1093 г., а во втором — препятствовал его нарушению. Поэтому применение им «отчинного» принципа на практике было избирательным, как в свое время у Всеволода Ярославича, который наделял волостями одних племянников, игнорируя при этом других и предпочитая решать насущные проблемы за счет волостей на правобережье Днепра, которые в 1077–1078 гг. перешли сначала под контроль Изяслава, а затем его сына Ярополка, что позволяло ему сохранять неделимыми территории по левому берегу реки. Однако вынужденный отказ от Чернигова означал изменение его отношения к этой проблеме.

Трудный путь к «триумvirату»

24 июля 1094 г. стало днем крушения дискриминационной политики Изяслава и Всеволода, осуществлявшейся с 1077 г. по отношению к сыновьям Святослава, с которыми их преемникам отныне пришлось считаться. Как отмечал Г. В. Вернадский, «в определенном смысле первоначальный триумvirат сыновей Ярослава теперь восстанавливался его внуками», но «во втором триумvirате было еще меньше согласия, чем в первом»¹⁴¹. В действительности, несмотря на то что свои права на владения волостями реализовали представители всех трех ветвей потомства Ярослава, стратегическое партнерство между ними установилось далеко не сразу и Мономаху со Святополком пришлось приложить немало усилий для того, чтобы ликвидировать нарушенное в 1070-х гг. единство княжеского рода, так что оформление нового «триумvirата» произошло несколько позже, а пока продолжалось противостояние двух междукняжеских коалиций.

Одновременно с Олегом активизировался и другой Святославич — Давыд, который каким-то образом оказался в Смоленске, где продолжал оставаться до тех пор, пока Владимир и Святополк, объединив свои силы, не выпроводили его на княжение в Новгород¹⁴². Стремление киевского и переяслав-

ского князей убраться Давыда из Поднепровья можно объяснить необходимостью предотвращения консолидации Святославищей, в результате которой под их контролем могла оказаться вся верхняя часть бассейна Днепра, позволявшая им блокировать важнейший сегмент пути «из варяг в греки». Переведя Давыда в Новгород, а Мстислава в Ростов, Святополку и Мономаху удалось на некоторое время предотвратить подобное развитие событий.

Куда сложнее было восстановить спокойствие в «Русской земле». Под 6603 (1095/96 мартовским) г. в летописи сохранился рассказ о том, каким образом окружение Владимира Мономаха попыталось нейтрализовать половецкую угрозу: «...В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: “Как могу я сделать это, дав им клятву?”. И отвечала дружина Владимиру: “Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно”. И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с терками между валов. И, выкрыв сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: “Зовет вас князь Владимир, а сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне»”. И сказал Итларь: “Пусть так”. И как вошли они в избу, так и заперли их. Забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так страшно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день»¹⁴³.

Автор этого летописного рассказа стремится переложить ответственность за столь неблагоприятный поступок с Владимира Мономаха на его дружину, применяя излюбленный прием древнерусских книжников, который обычно использовался для снятия ответственности с князей. Если верить летописному рассказу, сам акт, по сути дела, являлся рискованной и бессмысленной авантюрой, потому что ханы явились с мирными предложениями, которые, видимо, должны были положить конец затяжной войне русских с половцами; о трудностях этой войны Мономах сообщает в «Поучении»: «И сидел я в Переяславле три лета и три зимы и с дружиной своей, и многие беды приняли мы от войны и от голода. И ходили на воинов их за Римов и Бог нам помог, одних мы избили, а других взяли в плен. И потом Итлареву чадь перебили и вежи их взяли, пойдя за Голтав»¹⁴⁴.

Судя по всему, сам Мономах не слишком жалел о содеянном, если принимать во внимание тот безразличный тон, каким он описывает это событие. Но гораздо важнее то, что этот поход вскрыл глубинные противоречия между соправителями «Русской земли»: «Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: “Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле”. Олег же не послушал того, и была между ними вражда»¹⁴⁵.

Этот рассказ до некоторой степени может объяснить, почему столь вероломный поступок был совершен в отношении Итларя и Кытана. По-видимому, Итларь был союзником Олега Святославича, в заложники которому отдал своего сына. Превентивный удар по Итларю, разработанный приближенным Владимира Мономаха Ратибором (возможно, бывшим посадником в Тмутарокани) и приближенным Святополка Изяславича Славятой, в этом случае мог быть ударом и по Олегу Святославичу, который, проигнорировав требование двоюродных братьев, ясно продемонстрировал свои страте-

гические приоритеты. Ответом на столь вызывающий поступок могло быть только объявление войны.

В «Поучении» Мономах пишет: «И ходили мы к Стародубу на Олега, потому что он был близок к половцам», однако в летописи под 6604 (1096/97) г. дан более подробный рассказ об этих событиях: «Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: “Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых”. Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: “Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам”. И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников».

Отказ Олега после всех его действий на Руси в союзе с половцами в целом понять можно. Поскольку это междукняжеское соглашение должно было носить публичный характер, черниговский князь имел основания опасаться, как бы переговоры в Киеве при таком количестве участников не переросли в показательный процесс против него. Но решение, выраженное в столь категоричной форме, было равносильно окончательному разрыву отношений между братьями.

Святополк и Владимир сказали ему: «“Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть Бог рассудит нас”. И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир гнались за ним. Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: “Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить”. Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест».

Однако проблемы Мономаха и Святополка на этом не кончились. Пока они воевали с Олегом Святославичем на терри-

тории Черниговской земли, в окрестностях Киева появился половецкий хан Боняк, разоривший резиденцию киевских князей в Берестове, а окрестности Переяславля за последнюю неделю мая 1096 г. половцы подвергали опустошению дважды: сначала это сделал хан Куря (24 мая), а затем Тугоркан, который осадил город (31 мая). По всей видимости, столь мощный всплеск половецкой агрессии являлся ответом на убийство Итлара и Кытана несколькими месяцами ранее, так что союзникам следовало принять решительные меры.

Чтобы разблокировать Переяславль, Святополк и Владимир пошли на Тугоркана по правой стороне Днепра, затем переправились через брод у Заруба и затем двинулись к городу; «горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через рубез к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но поскакали на конях на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменики, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю», — писал печерский летописец.

Однако победа на Трубеже не могла спасти от разорения окрестностей Киева, у которого вновь появился хан Боняк. Масштаб учиненных им опустошений помогает понять рассказ летописца, ставшего очевидцем этих событий: «...20-го числа того же месяца в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, а мы бежали задрами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубили врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в ке-

лье; затем выжгли дом святой владычицы нашей Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне и вторые — на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева (Феодосия Печерского, останки которого в 1091 г. были перенесены из пещерного некрополя, где покоились с 1074 г., в храм. — Д. Б.), хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: “Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их!”. И иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они на огонь вечный. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким: все это окаянные половцы запалили огнем»¹⁴⁶. По всей видимости, Боняку удалось покинуть территорию Киевщины безнаказанным, так как в «Поучении» Мономаха вслед за сообщением о походе на Олега Святославича находится следующая запись: «И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось»¹⁴⁷.

Пока князья пытались навести порядок в Поднепровье, военные действия перекинулись в Северо-Восточную Русь, где располагались волости, одни из которых были зависимы от Олега Святославича (Рязань и Муром), а другие — от Владимира Мономаха (Суздаль и Ростов). Вопреки условиям Стародубского мира Олег Святославич решил продолжать сопротивление, однако сведения о его дальнейших действиях после ухода из Стародуба расходятся.

По одному летописному свидетельству, которое расположено перед рассказом о походе на Киев Тугоркана, Олег «вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пришел к Рязани»¹⁴⁸, а по другому летописному свидетельству, расположенному далее, после пространного комментария о людях, заклепанных в горах на краю света Александром Македонским, «Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег, а придя в Смо-

ленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович (второй сын Мономаха. — Д. Б.)¹⁴⁹.

Текстологическое объяснение этого противоречия, как появившегося в результате соединения двух слоев летописного текста, отражающих разные этапы формирования Начальной летописи, дано А. А. Шахматовым и его последователями¹⁵⁰. Согласно ему, второе упоминание о походе Олега к Смоленску появилось позже, в результате редактирования «Повести временных лет» в 1118 г. Такой же «вторичный слой» присутствует и во второй части летописной статьи 6603 (1095/96) г., данной не по мартовскому, а по сентябрьскому календарному стилю, — где описываются события лета 1096 г., из которых мы узнаем о новом раскладе сил, вызванном, по-видимому, новой строптивостью новгородцев, выгнавших княжившего у них Давыда Святославича: «В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: “Не ходи к нам”. И воротился Давыд в Смоленск, и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватил Олегава»¹⁵¹.

Это дополнение, упоминающее князя Изяслава Владимировича, органично сочетается с информацией, помещенной во второй части статьи 6604 (1096/97) г., где говорится о том, что Олег Святославич все же сумел набрать воинов в Смоленске, чтобы пойти на Муром. Рискнем предположить, что позиция смолян была обусловлена тем обстоятельством, что, когда Олег впервые пришел к Смоленску, Давыд Святославич, который мог бы оказать содействие брату, еще княжил в Новгороде, а администрация Смоленска находилась под контролем его противников, что и обусловило враждебное отношение к Олегу горожан. Олег удалился в Рязань, принадлежавшую к его «отчине», — быть может, там он попытался собрать войско, когда в Смоленск прибыл Давыд Святославич, после того как его выгнали новгородцы. В этом случае Олег мог набрать воинов в Смоленске благодаря содействию брата и вместе с ними отправиться к другой своей «отчине» — Мурому, который захватил пришедший из Курска Изяслав. Подобное «предательство» можно объяснить как отсутствием для горожан воз-

возможности оказать сопротивление княжеской дружине, так и предположением о том, что прежде Муром подчинялся Владимиру Мономаху как князю Черниговскому, поэтому горожане не изъявили готовности защищать посадника Олега, когда власть перешла к нему.

Так был открыт первый этап военных действий в Северо-Восточной Руси, о котором летопись сообщает следующее: «Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами, и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: “Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?”. И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполнился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне».

В данном фрагменте следует отметить признание «отчинного» права, которое автор характеризует как «правду» (справедливость), противопоставленную «силе» или «множеству воев». Это свидетельствует о том, что к моменту появления текста «отчинный» принцип наследования волостей прочно вошел в политическую практику и не допускал исключений, что, в свою очередь, обуславливает позитивную характеристику Олега как борца за правду, что не свойственно предшествующим статьям летописи, где он выступает в качестве действующего лица. Однако характеристика Олега оказывается амбивалентной, так как в дальнейшем изложении событий его действия приобретают негативный оттенок: «Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, од-

них похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: “Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своею пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты, — неудивительно то: в бою ведь и цари и мужи погибают”. Олег же не пожелал его послушать, но замыслил еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторожу; Добрыня же прежде всего перехватал сборщиков дани. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что сборщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторожи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалю и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: “Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен”. Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота (21 февраля. — *Д. Б.*), и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей, — но Бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполнив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга 4 дня. И пришла к Мстиславу весть, что “послал тебе отец брата Вячеслава с половцами”. И пришел Вяче-

слав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Кунуй, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидел Олег стяг Владимиров, и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы, и соступились на реке Колокше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоившись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город по молитвам преподобного епископа Никиты».

Из этого рассказа следует, что под предлогом отстаивания своей «отчины» и своего «хлеба» (то есть — кормления) Олег Святославич скрывал иные, экспансионистские, намерения, выразившиеся в захвате городских центров и грабеже «чужой волости». Таким образом, роль борца за правду переходит к его противнику Мстиславу, который безуспешно пытается достичь мирного разрешения конфликта и предлагает выполнить функции посредника между Олегом и Владимиром. Учитывая масштаб территории, где была временно установлена власть Олега, можно думать, что вряд ли он надеялся надолго удержать ее за собой, однако планы по захвату Новгорода, о которых глухо упоминает летописец, представляются вероятными, если принять во внимание тот факт, что перед тем новгородцами был изгнан его брат Давыд.

В «Поучении» сохранилось свидетельство о том, что после экспедиции против Боняка Святополк и Мономах «по-

шли к Смоленску и примирились с Давыдом»¹⁵². Скорее всего, по условиям соглашения Святополк и Владимир оставили Давыда в Смоленске, добившись с его стороны предварительного согласия на участие в княжеском съезде и обещания не оказывать поддержки Олегу. По мнению М. С. Грушевского, в результате этого соглашения Давыду Святославичу мог быть обещан Чернигов¹⁵³. Как бы то ни было, Святополку и Мономаху удалось предотвратить возобновление сотрудничества Давыда с Олегом, который в итоге и проиграл войну в Северо-Восточной Руси, имея в союзниках только младшего брата Ярослава.

Подводя итог рассмотрению этого междукняжеского конфликта, следует заметить, что Олег Святославич добивался от своих двоюродных братьев не только возвращения Чернигова и всего остального «наследства» Святослава Ярославича, но и права осуществления самостоятельной внешней политики, базирующейся на тесном сотрудничестве с половцами и поэтому неприемлемой для двоюродных братьев черниговского князя, которые настаивали на присоединении Олега к их политической линии, что, очевидно, было условием официального признания его прав.

О том, что права Олега на «отчину» двоюродные братья были готовы признать еще по Стародубскому миру, говорится в письме Владимира Мономаха, которое он отправил Олегу после получения известия о гибели своего сына Изяслава под Муромом осенью 1096 г., где говорилось: «...то, что ты хочешь [добыть] насилем, мы и так давали тебе у Стародуба, прозявля милосердие к тебе, отчину твою»¹⁵⁴. В этом послании Мономаха, которое было написано по настоянию его сына Мстислава, скорбь по убитому Изяславу перемешивалась со скорбью по несправедному поведению Олега, осмелившегося захватить чужую волость — и если первое обстоятельство Мономах готов был оправдать вмешательством божественной силы, то второму обстоятельству в его представлении оправдания быть не могло.

В письме Мономах выступает последовательным сторонником княжеского единства — «одиначества», — а попытки Олега посеять смуту в княжеском роду он приписывает козням дьявола: «Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах на-

ших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: “Договоримся и помиримся, а брату моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим”. И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устранившись, сказал: “Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей”.

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распутившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: “Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!”

Надо было бы сказать тебе словами Давида: “Знаю, грех мой всегда передо мною”. Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поско-

рее с первым послем, чтобы, поплавав с нею, поселил у себя, и села бы она, как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек»¹⁵⁵.

В этих строках Мономаха, где перемешиваются христианские наставления и политические просьбы, виден не столько борец, сколько миротворец, хотя слова князя о том, что он отказался от идеи мщения по убеждению своего сына, могут косвенно свидетельствовать о том, что скрытые помыслы о мести до определенного момента все же могли иметь место, но затем отношение князя к этой личной катастрофе переключилось в другую тональность, которая была ориентирована на ведение конструктивного диалога с противником. К такой линии поведения Мономаха, безусловно, побуждал и тот факт, что в руках Олега продолжала оставаться вдова Изяслава. Сделав встречный шаг со своей стороны, Мономах пытался побудить к такому же шагу и Олега, предлагая ему написать «грамоту с правдою». Но не исключено, что такая «грамота с правдой» для Олега была равносильна капитуляции на условиях Мономаха, поэтому, как мы уже знаем из «Повести временных лет»,

он предпочел сопротивляться до последнего, так что сыну Мономаха Мстиславу удалось нейтрализовать его, только вступив в контакт с населением подчинявшихся Олегу городов.

Этот факт показывает, сколь выросла в последнем десятилетии XI века политическая значимость городских общин, которые принимали участие в междукняжеской борьбе, выражая интересы той или иной ветви внуков Ярослава. Князьям приходилось считаться с их волей в политическом процессе, о чем наглядно свидетельствует, например, упоминание «людей градских» в числе потенциальных участников ассамблеи, которая должна была утвердить договор Святополка Изяславича и Владимира Мономаха с Олегом Святославичем. Субъектом политических отношений становится население не только ключевых стольных городов, но и периферийных городских центров. Благодаря изменению позиции «тянувших» к Чернигову городов в результате дипломатических демаршей Мстислава Владимировича в конце концов и стало возможным вынужденное примирение Олега с двоюродными братьями, которое состоялось осенью 1097 г. на съезде в Любече (по мнению большинства историков — на территории Черниговского княжества).

В «Повести временных лет» так описывается это собрание: «Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: “Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль”. И на том целовали крест: “Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной”. Сказали все: “Да будет против того крест честной и вся земля Русская”. И попросившись, пошли во свояси»¹⁵⁶.

Хотя Святославичи добились своей цели и за ними была официально закреплена их «отчина», в действительности «на-

следство» Святослава Ярославича оказалось разделенным на три части, и это обстоятельство, безусловно, способствовало временному ослаблению политического значения его клана, тогда как представители других кланов — Святополк и Владимир Мономах — сохранили свои владения неделимыми. На первый взгляд раздел был произведен в ущерб интересам Олега Святославича, который не вернулся в Чернигов, где, как следует из дальнейшего летописного рассказа, сел на княжение его брат Давыд, более склонный к компромиссам и вплоть до своей смерти в 1123 г. регулярно демонстрировавший лояльность Святополку и Мономаху.

Со времени С. М. Соловьёва считалось, что он получил черниговский стол по праву старшинства¹⁵⁷, однако в последнее время получила распространение точка зрения П. В. Голубовского¹⁵⁸, развитая канадским ученым М. Дымником и другими исследователями, согласно которой старшинство среди сыновей Святослава Ярославича принадлежало не Давыду, а Олегу, но он был лишен стольного города своего отца по общему решению князей. Еще одна гипотеза, сформулированная А. В. Назаренко, предполагает, что на Любечском съезде Святославичи, получив волости своего отца, были лишены права наследования киевского стола, в качестве компенсации за который Мономах передал под управление Олега Курск¹⁵⁹.

Вопрос о принадлежности Курска обсуждается в историографии со времен полемики М. П. Погодина, считавшего Курск частью Переяславского княжества (то есть городом клана Всеволода Ярославича), с С. М. Соловьёвым, относившим его к территории Черниговского княжества (то есть считал городом клана Святослава Ярославича)¹⁶⁰. Информация из «Почтения» Мономаха о том, что его отец Всеволод, отправив его в первый поход в Ростов, сам отправился к Курску, равно как и свидетельство «Повести временных лет» о том, что сын Мономаха Изяслав отправился в поход на Муром из Курска, позволяют согласиться с первым предположением, однако более поздние сообщения позволяют предполагать, что в дальнейшем Курск мог перейти из рук Мономаха в руки Олега. Как заметил А. К. Зайцев, сын Олега Святославича Святослав Ольгович, по утверждению Ипатьевской летописи под 1149 г., назвал своей «отчиной» Курск с Посемьем, а также несколько других городских центров и территорий; перед этим, в 1135 г.,

сыновья Олега («Ольговичи») потребовали у сына Мономаха Ярополка, занимавшего в то время киевский стол, те волости, которые их отец держал при отце Ярополка, что и получили в 1136 г. На основании этого был сделан и утвердился в историографии вывод о том, что Курск был передан Владимиром Мономахом Олегу Святославичу, но при его преемниках он периодически возвращался под контроль Киева¹⁶¹.

Если сам факт передачи Курска от переяславского князя к черниговским может рассматриваться как доказанный, то ответ на вопрос о том, за что именно этот город с «тянувшей» к нему территорией был передан Олегу, может быть не столь однозначным, как кажется на первый взгляд. Во-первых, нельзя исключать того, что Курск являлся компенсацией за отказ не только от киевского, но и от черниговского стола, который Олег занимал с 1094 по 1096 г., а затем уступил своему брату Давыду (что, как нам представляется, вполне соответствует политическим реалиям 1097 г.), а во-вторых, Владимир Мономах являлся отнюдь не единственным, кто уступил Олегу часть своих владений.

Что получил Олег на Любечском съезде вместо Чернигова, «Повесть временных лет» не сообщает, но, судя по тому, что полвека спустя, в 1149 г., его сын Святослав называл своей «отчиной» помимо Посемья с Курском еще и земли «Сновской тысячи» — территорию между реками Сновь и Десна на северо-восток от Чернигова, и земли дреговичей, расположенные на правом берегу Днепра, между Минском и Туровом, можно предположить, что для умиротворения Олега, по-видимому получившего из «наследства» Святослава Ярославича территорию собственно Северной земли (на которой в XII в. сложилось Новгород-Северское княжество), его двоюродные братья добавили по «куску» из своих «отчин», ибо Посемье принадлежало к переяславской волости Владимира Мономаха, а земли дреговичей — к туровской волости Святополка Изяславича. Столь обширные территориальные уступки могли быть продиктованы стремлением компенсировать Олегу отказ не только от Киева, но и от Чернигова, чтобы таким образом обеспечить возможность конструктивного сотрудничества с покладистым Давыдом. Младший из Святославичей, Ярослав, по всей видимости, получил на Любечском съезде Муромскую землю. Подобное распределение земель Свято-

слава Ярославича отвечало интересам Мономаха и Святополка, не давая возможности усиливаться ни одному из бывших политических противников.

На Любечском съезде, который можно охарактеризовать как мирный конгресс Ярославова потомства, еще присутствует идея единства, но летописец уже вынужден считаться с политической реальностью последних десятилетий, когда стольные города, находящиеся во владении разных княжеских ветвей, становятся причиной кровопролитных междоусобий, предохранителем от которых становится идея владения волостями по «отчине», что в общих чертах восходит к разделу, осуществленному в 1054 г. Хотя идея единства «Русской земли» сохранялась еще долгое время, выражаясь прежде всего в коллективных действиях против половцев, предпринятых в начале XII в., с этого момента составлявшие ее ядро городские центры пошли самостоятельным политическим путем.

Надо отметить, что летописная запись о княжеском съезде в Любече менее подробна, чем другие статьи «Повести временных лет» за первую половину 90-х гг. XI в.: она поражает своей «протокольной» лаконичностью и не имеет даже календарной даты: это позволяет предполагать, что она написана гораздо позже описываемых в ней событий. По мнению Т. Л. Вилкул, статья могла быть подвергнута редактированию, на что указывают логические нестыковки в тексте¹⁶². Данное предположение, с одной стороны, органично сочетается с одной из гипотез А. А. Шахматова, согласно которой летописный текст, созданный Сильвестром, был подвергнут редактированию в 1118 г. при формировании новой редакции «Повести временных лет» в окружении сына Мономаха Мстислава, а с другой стороны, подтверждается наличием в последующем рассказе об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича трех слоев летописного текста, которые А. А. Гиппиус в 2008 г. атрибутировал соответственно составителям «Начального свода» и «редакций» «Повести временных лет» 1115—1116 и 1118 гг.¹⁶³ Один из этих слоев, рассказывающий об ослеплении Василька Теребовльского по распоряжению владими́ро-волы́нского и киевского князей, принадлежит некоему Василию, бывшему очевидцем некоторых из описанных событий; в нем долгое время видели священника, а в последнее время стали видеть монаха Печерского монасты-

ря. Два других слоя, появившиеся несколько позже, касаются представления в этих событиях роли Владимира Мономаха и митрополита Николая.

Инициаторами интриги выступили дружинники («мужи») волынского князя (Василь, Туряк и Лазарь); им удалось убедить Давыда Игоревича в существовании заговора, направленного против него и киевского князя Святополка, организованного князем Васильком, к которому составитель «Повести временных лет», по всей видимости, добавил имя Владимира Мономаха (с целью, о которой мы скажем ниже). Давыд не только сам поверил в это, но и убедил князя Святополка, используя для этого исчерпывающие аргументы: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове».

Как рассказывает автор повести, Давыд и Святополк стали зазывать Василька, возвращавшегося через Киев из Любеча, на княжий двор. Тербовльский князь хотел отказаться от приглашения Святополка, что послужило основанием для новых обвинений со стороны Давыда. «И сказал Давыд Святополку: “Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне”. И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: “Если не хочешь остаться до именин моих (дня св. Михаила, в честь которого был крещен Святополк. — *Д. Б.*), то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом”. Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд».

Обвинения, выдвинутые Давыдом Игоревичем, были весьма серьезные: в его устах положение выглядело так, будто тербовльский князь вынашивает планы захвата «отчины» Святополка — Турово-Пинского княжества, где в разные годы правили его отец и старший брат, — еще более вопиющими они должны были выглядеть в свете только что провозглашенной Любечской доктрины: «каждый да держит отчину свою».

Когда Василько приехал с «малою дружиной» на княжеский двор, его встретил Святополк, а в избе к ним присоединился Давыд Игоревич. «И стал говорить Святополк: “Останься на

праздник”. И сказал Василько: “Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед”. Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: “Позавтракай хоть, брат”. И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: “Посидите вы здесь, а я пойду распоряджусь”. И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: “Где брат?”. Они же сказали ему: “Стоит на сеньях”. И, встав, сказал Давыд: “Я пойду за ним, а ты, брат, посиди”. И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что “брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить”. И сказали бояре и люди: “Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом”. И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: “Это все Давыд”. Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: “Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне”. Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его». Поэтому на следующую ночь Василько был вывезен в оковах в маленький город, находившийся в десяти верстах от Киева, и заключен в «малой избе», где увидел торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить. «И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поны-

не. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир»¹⁶⁴.

Показательно, что в событиях 1097 г. устранение политического конкурента осуществляется не путем его физического устранения, а путем ослепления, внедрение которого в политическую практику стало следствием влияния Византии, где эта процедура часто использовалась для нейтрализации политических противников. Некоторые исследователи даже предполагали, что ослепление Василька явилось следствием интриг византийского правительства, для чьих интересов на Балканах мог представлять угрозу этот чересчур энергичный князь¹⁶⁵, со слов которого известно, что он намеревался совершить вторжение в подвластную Византии Дунайскую Болгарию. Таким образом, организаторы ослепления Василька, по сути дела, представляются как агенты «иностранный влияния», однако, на наш взгляд, этот вопрос можно прояснить проще.

Если вспомнить, что убийца Ярополка Изяславича нашел убежище у брата Василька, можно предположить, что Святополк имел некоторые основания для применения против него столь радикальных мер, хотя обвинение в попытке захвата Турово-Пинской земли стоит рассматривать как позднейшее дополнение. Сложнее понять мотивы Давыда Игоревича, который по приезде во Владимир заключил Василька на дворе какого-то Вакея под охраной тридцати человек и двух князьих «отроков». По-видимому, князь долго не мог определиться с тем, как ему следует поступить со своим пленником.

Тем временем об этом преступлении стало известно, и оно вызвало соответствующую реакцию князей: «Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: “Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла”. И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: “Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую”. Услышав это, Давыд

и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что “этого не бывало еще в роде нашем”. И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору. Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: “Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, а, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое”. И сказал Святополк: “Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе”. И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: “Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен”. И сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: “Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую”. Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: “Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить”. И уступил Владимир мольбе княгини, которую почитал как мать, памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за сан святительский, не ослушался мольбы его»¹⁶⁶.

Нетрудно заметить, что в этом летописном рассказе инициатива приписывается Владимиру Мономаху, выступившему организатором коалиции, направленной против Святополка,

которому инкриминировалось свершившееся преступление. Составитель этого рассказа довольно жестко относится к киевскому князю, заставляя его оправдываться перед двоюродными братьями и добавляя для большего унижения, что разьяснения, данные Святополком, не удовлетворили даже «мужей» Мономаха и Святославичей. По мнению А. А. Гиппиуса, этот фрагмент принадлежит не автору первоначального текста Василию, а его позднему редактору. Учитывая благожелательную тенденцию прежде всего по отношению к Мономаху, в этом редакторе, по-видимому, следует видеть выдубицкого игумена Сильвестра, работавшего над «Повестью временных лет» в 1116 г., когда уже существовала возможность официальной критики умершего к тому времени Святополка. Но текстологическая ситуация в данном случае осложняется предположением исследователя о том, что в этом тексте отразилась рука еще одного редактора, работавшего над «редакцией 1118 г.», который мог ввести в число действующих лиц митрополита Николая и вставить в текст панегирик Мономаху следующего содержания: «Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал...» Как считает А. А. Гиппиус, этот пассаж может быть дополнением к финальной части рассказа о столкновении князей («Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: “Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его”. Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир»), после которой продолжался «первоначальный текст» летописца Василия.

Василий же рассказывает следующее: «...Когда же Василько был во Владимире, в прежде названном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: “Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче, сказал так:

“Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, то я бы послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше”. И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: “Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но то мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теревовль — мое владение и ныне и в будущем”, что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: “Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру»”. И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: “Нет тут Кульмея”. И сказал мне Василько: “Посиди немного”. И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: “Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, — хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал полякам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что Бог на меня послал это за мою гордость: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев — да либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня Бог и смирил”».

Разумеется, соседство с таким политически активным родственником было небезопасным для Давыда Игоревича, который, как выяснится чуть позже, поддерживал дружественные

отношения с польским князем Владиславом Германом, чью землю Василько вместе с половцами опустошил в 1092 г. Кроме того, Давыд мог претендовать на Теревольскую волость Василька, которая при его предшественнике, видимо, входила в состав Волынской земли. Если учитывать все эти аспекты междукняжеских противоречий, становится понятным, почему волынский князь так быстро поверил интригам своих «мужей». Из рассказа Василька Василию выясняется и причина учиненной над ним расправы, связанная с тем, что волынский князь хотел выдать его полякам, хотя, по-видимому, имел на этот счет определенные сомнения.

Заметим, что и в рассказе Василия встречаются следы редакторского вмешательства, обусловленного вставкой дополнений о Владимире Мономахе: по тексту Василько вступает в переговоры с Давыдом, узнав о том, что на волынского князя ополчились Владимир и Святополк. Однако экспедицию на Волынь в действительности предпринял один Святополк, на которого данная задача была возложена коллективным решением князей. Из рассказа Василия следует, что первым о решении сложившейся ситуации задумался Давыд Игоревич, очевидно пытаясь найти выход из критического положения прежде, чем кто-либо из князей предпримет против него ответные действия.

В существующем виде рассказ Василия наводит на мысль, что Давыд больше всего опасался Владимира Мономаха и даже предложил Васильку выступить посредником в переговорах с ним, обещая дать ему за это один из своих городов. Однако, как мы только что говорили, экспедиция против Давыда была поручена Святополку, а не Владимиру и состоялась она не весной 1098-го, а весной 1099 г. Учитывая эти фактические несоответствия, надо предположить, что предложение о посредничестве Василька не присутствовало в рассказе Василия, а появилось в процессе формирования текста «Повести временных лет». Это противоречие указывает на вторичность данного сюжета, имевшего целью возвеличивание Мономаха и дискредитацию его предшественника на киевском столе.

По всей видимости, Давыд Игоревич опасался вовсе не Святополка Изяславича, который ранней весной 1098 г. сам был вынужден обороняться за стенами Киева, и не Владимира Мономаха, который прямого отношения к волынским со-

бытиям 1098—1099 гг. не имел, а брата Василька Володаря. Но экспансионистские настроения, очевидно, одержали верх над пацифистскими и после Пасхи 1098 г. Давыд собрался захватить Теробовльскую волость. Так как Пасха 1098 г. приходилась на 28 марта, князь, вероятно, отправился в поход не ранее начала апреля. Таким образом, конечной целью устранения Василька с политической арены являлась экспроприация его владений, однако, встретившись у Божьска с войсками Володаря, Давыд заперся в городе, где был осажден перемышльским князем, который согласился снять осаду в обмен на освобождение Василька.

В летописи эти события описываются следующим образом: «...С приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря, и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: “Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни же, сколько зла натворил”. Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: “Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться”. И сказал Володарь: “Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир”. И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теробовле, а Давыд пришел во Владимир». Вскоре после этого Ростиславичи вновь открыли военные действия против волынского князя: «И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожу, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожа, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: “Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших”. Горожане же, услышав это, со-

звали вече, и сказали Давыду люди: “Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе”. И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: “Нет их здесь”; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: “Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся”. Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города». Обратим внимание, что в тексте о том, что Давыд «затворился во Владимире» говорится два раза — до и после рассказа о взятии Всеволожа, — что позволяет квалифицировать этот сюжет как позднейшую вставку.

Как полагает А. А. Гиппиус, на этом рассказ летописца Василия заканчивается и далее повествование продолжает редакторский текст о войне Святополка с Давидом и Ростиславичами. Однако взгляд на сюжет о разорении Всеволожа как на позднейшую вставку позволяет выделить еще одно дополнение к авторскому тексту — осуждение поступка Володаря и Василька со ссылкой на библейскую книгу Второзаконие (XXXII, 41, 43): «Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы Бог был только мстителем, и надо было возложить на Бога отмщение свое, как сказал пророк: “И воздам мечь врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит Бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его”». Эта цитата ранее являлась одним из аргументов, позволявших отнести Василия к представителям духовного сословия¹⁶⁷.

Показательно, что в рассказе Василия ответственность за инцидент возлагается не столько на Давида Игоревича, сколько на «мужей», в которых вслед за С. М. Соловьёвым следует видеть княжеских дружинников¹⁶⁸, а не представителей владимирской общины, так как горожане, во-первых, сами отказались защищать их от Ростиславичей, а во-вторых, заставили отступить от них князя, бывшего, по всей видимости, их патроном. В то же время нельзя не заметить, что события 1098 г. продемонстрировали усиление во Владимире политического значения городского населения, в переговоры с кото-

рым (как до этого в Муроме и Рязани) были вынуждены вступить князья.

Автор «вторичного» слоя текста в статье 1097 г. (которым, как мы предположили, мог быть выдубицкий игумен Сильвестр) не забывал при случае использовать фигуру теребовльского князя с целью возвеличивания Владимира Мономаха. Вероятно, ему принадлежит не только инсинуация о том, что Василько после Любечского съезда мог объединиться с Владимиром против Давида и Святополка, но и не менее претенциозное предположение, будто Василько планировал отнять у Святополка Туров и Пинск, реальность которого вызывает сомнения. Иначе говоря, нарративная конструкция, сформированная редактором текста Василия, *целенаправленно усложняет* династический конфликт 1097–1100 гг., представляя в качестве одной из его предпосылок гипотетическое покушение на «отчинный» принцип распределения волостей, санкционированный Любечским съездом. Но зачем летописцу вообще понадобилось связывать воедино имена Василько и Мономаха, которые, как мы могли убедиться при дифференцированном подходе к тексту, в действительности слабо связаны между собой, поскольку роль переяславского князя в данном конфликте ограничивается организацией коалиции против Святополка?

Ответ становится очевиден, если принять во внимание, что осенью 1113 г., вскоре после своего вступления на киевский стол, Мономах устроил брак своего сына Романа с дочерью Володаря Ростиславича — племянницей Василька, что, безусловно, и поставило на повестку дня вопрос о том, чтобы запечатлеть в династическом конфликте 1097–1100 гг. Мономаха сперва как одного из «пострадавших», а затем как поборника справедливости и заступника Василька. При таком ракурсе освещения событий антагонистом Мономаха неизбежно должен был стать Святополк, который был причастен к интриге на начальном этапе ее развития, да и в дальнейшем, как мы узнаем об этом из «вторичного слоя» текста, с моральной точки зрения поступал далеко не самым лучшим образом.

После того как Василько и Володарь расправились с виновниками интриги и сняли осаду Владимира, ведение военных действий временно прекратилось, а несколько позже появилась перспектива урегулирования конфликта мирным

путем. Когда в 1099 г. Святополк Изяславич вступил в переговоры со своим двоюродным братом Владиславом Германом, Давыд Игоревич решил воспользоваться этой возможностью, чтобы предотвратить вторжение киевского князя, к которому того обязывало обещание, данное под стенами Киева двоюродным братьям, и отправился искать помощи ко двору польского князя.

Согласно летописному рассказу, поляки обещали ему помогать и взяли у него золота 50 гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди назад». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города 7 недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен; а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу». Прогнав Давыда, Святополк «стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них».

По всей видимости, киевский князь исходил из того, что волости, управляемые Ростиславичами, ранее входили в состав Волынской земли: с этой точки зрения его действия вписывались в сферу действия «отчинного» принципа наследования, но противоречили «гарантийному соглашению», которое, как выясняется из дальнейшего изложения событий, накануне открытия военных действий было заключено между Ростиславичами и Святополком. «Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество

своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполнились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: “Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!”. И двинулись друг на друга в бой, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обеих войск, Святополк, увидев, какой идет лютой бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: “Надлежит нам на своем рубеже стать”, и не пошли никуда».

Здесь мы видим противопоставление с моральной точки зрения действий Святополка и Ростиславичей, которое вряд ли было возможным при жизни киевского князя. Зато подобная критика задним числом была выгодна его преемнику, так как позволяла представить в более выгодном свете не только пострадавших князей, но и тесно связанного с ними в тот момент Мономаха. После поражения, нанесенного Ростиславичами, Святополк был вынужден перейти от экспансии к обороне, стремясь удержать хотя бы свое прежнее приобретение, Волынь, поэтому когда он оказался во Владимире вместе со своими союзниками — двумя сыновьями своего брата Ярополка и сыном черниговского князя Святославом (Святошей) Давыдовичем, — то оставил в городе своего сына Мстислава, а другому сыну Ярославу поручил привлечь к борьбе с Ростиславичами венгерского короля Коломана. Ростиславичи были не в состоянии в одиночку противостоять формирующейся коалиции: в этой ситуации Володарь Ростиславич был вынужден вступить в союз с вернувшимся из Польши Давыдом Игоревичем, который, оставив свою жену на попечение Володаря, взялся организовать отпор венграм, блокировавшим Перемышль, при помощи половецкого хана Боняка.

Согласно летописному рассказу, половцам удалось нанести сокрушительное поражение венграм, несмотря на их баснословное численное превосходство. После этого стратегическая инициатива перешла в руки Давыда; он захватил Сутейск и Червен, а затем осадил Владимир, во время осады которого 12 июня 1099 г. был убит сын Святополка Мстислав. По словам летописца, Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев, а Давыд обступил город и делал

частые приступы. «Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно был ранен под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок, и свели его вниз, и в ту же ночь умер».

Приближенные скрывали кончину князя три дня, а затем объявили об этом на вече, однако, опасаясь гнева Святополка, горожане решили продолжать сопротивление и отправили к киевскому князю гонцов с просьбой о помощи. Святополк послал на Волынь своего воеводу Путятю, который объединился со Святославом, сыном Давыда Святославича, помогавшим Святополку в этой военной кампании. Судя по словам летописца, Святослав заключил соглашение с Давыдом Игоревичем, в соответствии с которым он должен был известить его о приближении войск Святополка. Но князь поступил наоборот: он схватил находившихся в Луцке «мужей» Давыда и напал на него вместе с Путятой.

«И пришли Святоша и Путятя, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины окружали город, а Давыд спал; и напали на них, и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путятя взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путятя в Киев». Однако после того как союзники разделились, Давыд вновь обратился за помощью к Боняку. «И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города, и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд захватил Владимир и сел в нем». Убрать его оттуда удалось лишь на следующий год по решению нового княжеского съезда, о котором подробно рассказывается под 1100 г.

«В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: “Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?” И ответил ему Владимир: “Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти

к вам и пожаловаться на свои обиды”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?” И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путятю; Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: “Так говорят тебе братья: “Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и сядишь в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир даст тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен”».

Показательно, что обвинителем Давыда Игоревича на Увечическом съезде по летописному рассказу выступает Владимир Мономах, в то время как Святославичи и Святополк оказываются в тени переяславского князя. Между тем итоги династического конфликта 1097–1100 гг. оказались выгодны именно киевскому князю, сохранившему Воынь за своим сыном Ярославом, а Мономах не имел прямого отношения к воынской войне 1098–1099 гг. и никак не расширил своих владений. Так что, скорее всего, летописец сознательно преувеличил роль Мономаха, представив его «модератором» междукняжеского «конгресса» в ущерб Святополку, который не только получил Воынь, но в конце концов убедил других князей согласиться и со своими претензиями на Теробовльскую волость, после чего князья послали послов своих к Володарю со словами: «“Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов”. И не послушались этого ни Володарь, ни Василько»¹⁶⁹. Реализация принятого решения могла повлечь за собой новый междукняжеский конфликт.

Свидетельство о том, что соответствующие шаги все же предпринимались, мы находим в начале «Поучения» Мономаха, где сказано: «...Встретили меня послы от братьев моих

на Волге и сказали: “Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе”. И ответил я: “Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить”¹⁷⁰. По-видимому, это произошло во время похода Мономаха к Ростову, упоминание о котором присутствует в перечне «путей и трудов» князя. По мнению С. М. Соловьёва, именно тогда сложился первоначальный вариант «Поучения», который был дополнен Мономахом после 1118 г., когда он закончил работу над перечнем своих «трудов и путей»¹⁷¹.

Поскольку Мономах отказался поддержать силовую реализацию решения Уветического съезда в отношении Ростиславичей, другие князья так и не решились действовать в одиночку — по крайней мере, в летописной традиции нет даже намека на подобные намерения, хотя не исключено, что подготавливавшейся экзекуции помешал вовсе не отказ Мономаха, а совсем другие обстоятельства. Так, в «Повести временных лет» под 6609 (1100/01) г. сообщается: «...В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его». Во время военной кампании 1099 г. Ярослав был союзником Святополка; не исключено, что после этого он получил от дяди Берестье, но поднял мятеж, так как рассчитывал на туровский или волынский стол, каждый из которых мог рассматривать как свою «отчину». По всей видимости, Ярослав пользовался популярностью среди духовенства, помнившего, что его отец Ярополк строил в Киеве церковь Св. Петра и каждый год жертвовал десятую часть «от всего своего имения» церкви Св. Богородицы. Несмотря на то что иерархам удалось добиться освобождения Ярослава из заключения под условием принесения клятвы на гробницах св. Бориса и Глеба в Вышгороде, мятежный князь был оставлен в Киеве, откуда бежал 1 октября 6610 г., но в конце того же месяца был пойман Ярославом Святополчичем, вновь посажен в оковы и вскоре скончался (в той же летописной статье сообщается, что это произошло 11 августа).

Как с текстологической, так и с хронологической точки зрения летописные статьи 6609–6610 гг. представляют сложную

компиляцию. По мнению С. В. Цыба, рассказ о злоключении Ярослава Ярополчича имел хронологические границы по сентябрьскому календарному стилю, так как первое его пленение, имевшее место до заключения русскими князьями Саковского мира с половцами (15 сентября), отнесено к 6609 г., а бегство из Киева и повторный плен, датируемые октябрем, принадлежат к 6610 г.¹⁷² В то же время исследователь заметил, что в Ипатьевском списке «Повести временных лет» сообщение о смерти мятежного князя помещено после «дополнительного» известия о смерти польского князя Владислава Германа, согласно польским источникам скончавшегося 4 июня 1102 г.¹⁷³ По всей видимости, при переводе на современное летосчисление мятеж Ярослава, его пленение Святополком Изяславичем в Берестье, доставку в Киев, освобождение под присягой, бегство из города и повторное пленение Ярославом Святополчичем на реке Нуре следует отнести к 1101 г., а кончину — к следующему, 1102 г., как предполагалось в текстологической реконструкции А. А. Шахматова, считавшего, что сообщение о смерти Владислава Германа выпало из протографа Лаврентьевского списка «Повести временных лет» по ошибке¹⁷⁴.

Возможно, именно мятеж Ярослава Ярополчича в конечном счете не только помешал планам Святополка Изяславича и его союзников по экспроприации владений Ростиславичей, но в итоге подтолкнул его к одному весьма интересному политическому демаршу, о котором в «Повести временных лет» сообщается под 6610 г., сразу за известием о неудачном бегстве Ярослава из Киева. «В том же году, месяца декабря (в Ипатьевском списке — месяца октября) в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: “Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир”. И сказали новгородцы Святополку: “Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты

ушел от нас»". И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород»¹⁷⁵.

Со времени С. М. Соловьёва сложилось представление о том, что планировавшийся обмен волостями был выгоден Святополку Изяславичу, а не Владимиру Мономаху¹⁷⁶, интересам которого, напротив, отвечала строптивость новгородцев. Это предположение, несомненно заслуживающее внимания, тем не менее дает одностороннюю оценку сложившейся ситуации, никак не объясняя того обстоятельства, что еще в 1099 г. Святополк стремился овладеть территорией всей Волынской земли, а уже в 1101 г. готов был перевести своего сына Ярослава из Владимира в Новгород, который он сам оставил в 1088 г. ради княжения в Турове. На наш взгляд, изменение стратегических интересов Святополка связано с двумя обстоятельствами: во-первых, необходимостью мириться с соседством с Ростиславичами, владения которых урезать не удалось, вследствие чего поставленная Святополком цель (объединение всей «волости отца и брата») достигнута не была; во-вторых, необходимостью бороться с претензиями на «отчину» Ярослава Ярополчича, на что указывает реконструируемая последовательность событий. Так как договор о «рокировке» заключен вскоре после мятежа Ярослава, он вполне может рассматриваться в качестве одного из его следствий. Обмен волынского стола на новгородский мог, с одной стороны, вообще снять эту проблему для Святополка, а с другой, способствовать ослаблению позиций Мономаха на севере, где за ним осталась бы лишь Ростово-Суздальская земля.

Не вполне понятным является в настоящее время вопрос о судьбе Смоленска, последним упоминанием которого за XI в. является уже известное нам летописное свидетельство о том, что накануне Любечского съезда там сидел Давыд Святославич. П. В. Голубовский, опираясь на свидетельство «Почтения» Мономаха о его неоднократных походах к Смоленску между 1096 и 1107 г., и Ипатьевского списка «Повести временных лет» о построении в городе Мономахом в 1101 г. каменной церкви Св. Богородицы, счел, что в 1097 г., после ухода Давыда Святославича в Чернигов, Смоленск вернулся к Мономаху, управлявшему городом через посредство сына Святослава¹⁷⁷. Позднее В. Л. Янин в результате наблюдений за трансформацией перечня русских князей в поминальной за-

писи, оставленной игуменом Даниилом, автором «Хождения» в Палестину, в иерусалимской обители Св. Саввы, отметил, что в списках III пространной редакции этого памятника (по классификации М. А. Веневитинова) присутствует имя князя Андрея-Мстислава Всеволодовича (отождествляющегося с Мстиславом — внуком Игоря Ярославича, который в летописной статье 6610 г. назван в числе участников похода на половцев), тогда как во II пространной редакции и в сокращенной редакции *Б* вместо него назван Федор-Мстислав Владимирович (сын Мономаха); из этого был сделан вывод о том, что в общем протографе всех редакций «Хождения» могли присутствовать имена обоих князей.

Проецирование этого предположения на теорию «лестничного порядка» наследования стольных городов привело В. Л. Янина к выводу о том, что упоминание Андрея-Мстислава после имени Федора-Мстислава, княжившего в Новгороде, указывает на его высокое положение среди русских князей, которое могло обеспечить ему княжение в Смоленске между 1103 и 1113 г.¹⁷⁸ Однако, как отметил Л. В. Алексеев, в рамках этой гипотезы так и остается неясным, почему переяславский князь в этот период по-прежнему тесно связан со Смоленском и почему Андрей-Мстислав в итоге уступил смоленский стол одному из сыновей Мономаха Святославу Владимировичу, который, если верить Ипатьевскому списку «Повести временных лет», княжил в Смоленске до 1113 г.¹⁷⁹

Обратившись к «Поучению», мы можем увидеть, что после сообщения об уже упоминавшемся походе Мономаха в Ростов, который, вероятно, имел место зимой 1100/01 гг., Мономах пишет: «И в течение трех зим мы ходили к Смоленску и [из Смоленска] я пошел к Ростову». По-видимому, речь идет о походах, предпринимавшихся в период с 1101/02 по 1103/04 г., так что в этот период Смоленск вряд ли мог принадлежать князю Андрею-Мстиславу. Сомнительно, чтобы Мономах отказался от него и позднее, так как в «Поучении» имеется еще одна запись следующего содержания: «И на зиму я к Смоленску пошел, и из Смоленска после Великого дня вышел, и Юрьева мать умерла»¹⁸⁰. Дата смерти жены Мономаха («Юрьевой матери» — то есть матери будущего Юрия Долгорукого, предпоследнего из сыновей Мономаха) известна по «Повести временных лет» (7 мая 1107)¹⁸¹, значит, в «Поуче-

нии» Мономах говорил о зиме 1106/07 г., которую он провел в Смоленске, что вряд ли могло произойти, если бы этот год не был его собственным.

Кстати, под «Юрьевой матерью» вряд ли можно подразумевать уже известную нам дочь англосаксонского короля Гарольда Гиду. Как установил А. В. Назаренко, о смерти Гиды сообщается в синодике кёльнского монастыря Св. Пантелеймона, но там она помечена 11 марта (без указания года)¹⁸², так что сыновей Мономаха — Юрия, родившегося в 1102 г. его брата Андрея, а возможно, и уже известного нам Романа следует считать детьми князя от его второго брака, в то время как сыновьями от первого брака с англосаксонской принцессой являлись Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк и Вячеслав (обратим внимание, что все они получили в качестве «княжеских» имен славянские имена, в то время как их младшие братья получили в качестве «княжеских» имен имена греческих святых — Георгия, Романа и Андрея, — так что в данном случае прослеживается следование Владимира Мономаха двум антропонимическим традициям). Между сыновьями от первого и второго брака, разумеется, существовала и значительная разница в возрасте, упоминание о которой сохранилось в Ипатьевской летописи: когда в 1151 г. Юрий оспаривал право на Киев у своего племянника Изяслава Мстиславича и его союзника Вячеслава, то последний, отстаивая приоритет своих прав, приводил следующий аргумент: «Я тебя старше не малым, но многим [возрастом], я был уже бородат, когда ты родился»¹⁸³.

Сыновья Мономаха являлись деятельными участниками многочисленных кампаний против половцев, организатором которых переяславский князь выступил в начале XII в. Хроника русско-половецкого противостояния прослеживается по «Повести временных лет». Так, под 1101 г. говорится о том, что Святополк, Владимир и Святославичи устроили съезд на Золотче, куда прибыли посланцы всех половецких князей с просьбой о мире, который был заключен 15 сентября у Сакова. Однако мир с половцами продолжался недолго. Уже под 1103 г. находим в летописи рассказ следующего содержания: «Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала со-

вещаться дружина Святополкова и говорить, что “не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их”. И сказал Владимир: “Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?”. И ничего не смогла ответить дружина Святополка. И сказал Святополк: “Вот я готов уже”. И встал Святополк, и сказал ему Владимир: “Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской”. И послали к Олегу и Давыду, говоря: “Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы”. И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: “Нездоров”. Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем 4 дня и пришли на Сутьень».

Эти строки демонстрируют нам, что в это время между окружением киевского и переяславского князей существовали определенные разногласия относительно политики против половцев. Можно сказать, что ситуация 1103 г. являлась зеркальным отражением ситуации 1093 г., когда Мономах выступал за достижение соглашения с половцами, а окружение Святополка настаивало на силовом варианте решения проблемы. Через десять лет положение переменилось: наученные горьким опытом, дружинники Святополка уже не стремились к сознательному обострению отношений с кочевниками. Стоит заметить, что после 1101 г. мы не встречаем в летописи сообщений о половецких набегах, так что возможно, киевские дружинники возражали еще и потому, что предложение Мономаха о нанесении превентивного удара по половцам предполагало нарушение мирного договора, заключенного в 1101 г. Из текста становится ясным, что Мономах вынашивал план создания широкой междукняжеской коалиции, хотя реализовать его в полной мере так и не удалось, поскольку Олег Святославич отказался участвовать в походе, сказавшись нездоровым. Трудно понять, действительно ли он принял подобное

решение по состоянию здоровья или специально уклонился от участия в походе под этим предлогом, так как продолжал поддерживать тесные связи со степняками, но его отказ уже не имел столь решающего значения как в середине 1090-х гг., потому что в Чернигове сидел его брат Давыд, солидарный с внешнеполитической линией Святополка и Мономаха, которым, таким образом, удалось восстановить взаимодействие «триумвирата» правителей «Русской земли».

Превентивный удар по половцам оказался удачен. По свидетельству «Повести временных лет», «в день 4 апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот, Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: “Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!” . И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: “Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям русским”. Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою»¹⁸⁴.

Таким образом, «Русская земля» была избавлена от половецких нашествий на два года: следующее упоминание о столкновении с половцами мы находим в «Повести временных лет» под 1106 г., когда «воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарины, и прогнали половцев, и полон отняли». Более подробную информацию о боевых действиях против половцев находим в «Поучении», где говорится: «И опять со Святополком мы гнались за Боняком, но... убили и не достигли их. И потом

гнались за Боняком на Рось и не настигли его». Так как эта информация расположена перед упоминанием об уже известном нам походе Мономаха в Смоленск зимой 1106 г., можно заключить, что в «Повести временных лет» и «Поучении» говорится о военных действиях одного и того же года.

В мае 1107 г. по сообщению «Повести временных лет» Боняк захватил коней у Переяславля, а Мономах в «Поучении» писал, что, придя из Смоленска в Переяславль, к лету «собрал братью» — то есть, по всей видимости, устроил княжеский съезд, чтобы организовать сопротивление половцам. В «Поучении» говорится, что после повторного прихода Боняка к Кснятину «мы пошли за ним из Пряяславля за Сулу, и Бог нам помог, полки их мы победили и взяли в плен лучших князей и после Рождества заключили мир с Аепою и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску»¹⁸⁵. В «Повести временных лет» описание этих событий дано более подробно: «В том же году пришли Боняк, и Шарукан старый, и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой».

Заключение мирного договора с половцами относится уже к следующему, 1108 г., когда «пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и к другому Аепе и сотворили мир» и «взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день»¹⁸⁶. К тому времени уже имелся прецедент заключения русско-половецких браков в роду Рюриковичей, который был создан Святополком Изяславичем, женившимся на дочери Тугоркана, но «двойной» брачный союз, теснее связавший русских князей с половецкой аристократией, был заключен впервые.

Возможно, это было сделано по инициативе Олега Святославича — для более прочного укрепления мира. Однако надо заметить, что этот мир, в отличие от соглашения 1101 г., был не всеобщим, а сепаратным, так как в нем не принимал участия Святополк Изяславич, да и из «Поучения» Мономаха известно, что достигнутое соглашение не привело к полному прекращению военных действий, так как после заключения мира он удалился в Ростов, а «придя из Ростова, вновь пошел на половцев, на [Урсобу], со Святополком» и потом «снова на Боняка к Лубну»¹⁸⁷. Так что, скорее всего, в результате переговоров 1108 г. русским князьям удалось примириться лишь с одной частью половецкой элиты, и это отнюдь не гарантировало безопасности их владений. Весной 1110 г. Святополк, Мономах и Давыд Святославич организовали новый поход на половцев, но, дойдя до Воиня, возвратились назад.

Более масштабное мероприятие было организовано в следующем году. Подробное его описание сохранилось в Ипатьевском списке «Повести временных лет»: «Вложил Бог Владимиру мысль в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Дружина же сказала: “Не время теперь губить смердов, оторвав их от пашни”. И послал Святополк к Владимиру, говоря: “Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной”. Посланцы же пришли к Владимиру и передали слова Святополка. И пришел Владимир, и собрались на Долобске. И сели думать в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир со своею. И после молчания сказал Владимир: “Брат, ты старше меня, говори первый, как бы нам позаботиться о Русской земле”. И сказал Святополк: “Брат, уж ты начни”. И сказал Владимир: “Как я могу говорить, а против меня станет говорить твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и гумно его подожжет. Об этом-то почему не подумаете?”. И сказала вся дружина: “Впрямь, воистину так оно и есть”. И сказал Святополк: “Теперь, брат, я готов [идти на половцев] с тобою”. И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись со сво-

их мест Владимир и Святополк и попрощались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли, возложив надежду на Бога и на пречистую Матерь его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье Великого поста, а в пятницу были на Суле. В субботу они достигли Хорола, и тут сани побросали. А в то воскресенье пошли, когда крест целуют. Пришли на Псел, и оттуда перешли и стали на Голте. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали, и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда прошли через много рек в шестую неделю поста. И прошли к Дону во вторник. И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю. И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари, и кондаки креста честного, и канон святой Богородицы. И поехали они к городу вечером, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино. И переспали там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и подождли его, а в четверг пошли на Дон; в пятницу же, на другой день, 24 марта собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши возложили надежду свою на Бога и сказали: “Здесь нам смерть, да станем твердо”. И прощались друг с другом и, обратив очи к небу, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны и была битва жестокая. Бог вышний обратил взор свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало множество врагов, наших супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день. И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскресенье, Благовещенья день, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и воскресенья дождались. В понедельник же Страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сразились полк с полком, и, точно гром, раздался треск сразившихся рядов. И битва лютая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Вла-

дмир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник страстной месяца марта 27. Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей своих, Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полна много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками»¹⁸⁸.

Этот летописный рассказ является составной частью пространных богословских рассуждений, первая часть которых сохранилась в летописи под 1110 г., где рассказывается о явлении ангела в виде огненного столпа над трапезной Печерского монастыря, что, по мнению его автора, предвосхищало победу русских войск над половцами, одержанную на Дону в 1111 г. Провиденциальный характер этих рассуждений был направлен на возвеличивание Владимира Мономаха, поскольку в конце статьи 1111 г. говорилось: «Это ведь ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников. Это ведь, как мы сказали выше, видение видели в Печерском монастыре, будто стоял столп огненный над трапезницей, затем перешел на церковь и оттуда к Городцу, а там был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру намерение идти в поход, и Владимир начал побуждать князей, как уже говорили»¹⁸⁹.

Эти строки красноречиво демонстрируют тот факт, что перед их автором стояла задача создания «культы личности» Мономаха — представление его в качестве лидера русских князей; эта задача станет ясной, если принять во внимание обстоятельства, при которых Мономах тринадцать месяцев спустя сел на киевский стол. Для сравнения: в «Поучении» сам Мономах говорит об этом событии скромнее: «...вновь мы пошли на Дон со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог»¹⁹⁰.

В летописной традиции начала XII в., прошедшей через цензуру игумена Сильвестра, наблюдается стремление обеспечить Владимиру Мономаху превосходство над другими князьями, крайне необходимое с учетом того, что с момента оставления Мономахом черниговского стола происходит определенное сужение сферы его влияния в Южной Руси,

в то время как Святополк, напротив, упрочивает свои позиции установлением контроля над Волынью, что позволяет ему сконцентрировать в своих руках большую часть «наследства» Изяслава Ярославича.

Правда, несмотря на это, Мономаху, по всей видимости, все же удалось сохранить лидирующие позиции в «Русской земле» в ситуации, сложившейся после Любечского съезда, что видно из перечня русских князей в «Хождении» игумена Даниила, где Василий-Владимир упомянут сразу после Михаила-Святополка, тогда как Давид Святославич назван только в 1-й полной редакции списков «Хождения» и в сокращенной редакции А (в остальных списках памятника, как показал В. Л. Янин, вместо него ошибочно назван княживший в Дорогобуже Давид Игоревич или Давид Всеславич, представитель семьи полоцких князей)¹⁹¹. В рамках этой же тенденции, вероятно, стало возможным и упоминание Переяславля в тексте русско-византийских договоров 911 и 944 гг., греческие оригиналы которых, как полагает С. М. Каштанов, попали на Русь после приезда из Византии в декабре 1104 г. митрополита Никифора, и позднее были включены в текст «Повести временных лет»¹⁹².

Мы уже говорили выше, что информация о существовании Переяславля в начале X в. не подтверждается данными археологии, так что упомянутая фальсификация, по всей видимости, была осуществлена именно по распоряжению Владимира Мономаха¹⁹³ — для того, чтобы поднять престиж его «отчины», приравняв ее к Киеву и Чернигову. Такую операцию проще всего было осуществить настоятелю его семейного монастыря — выдубицкому игумену Сильвестру, — который, кстати сказать, по завершении работы над «Повестью временных лет» 1 января 1118 г. получил епископскую кафедру в том же Переяславле. Правда, в русско-византийских договорах 911 и 944 гг. Переяславлю отдается среди русских городов лишь третье место, тогда как в перечне русских князей из «Хождения» Даниила, составленном, как предполагается, в 1106–1107 гг., переяславскому князю принадлежит второе место. Но какое объяснение можно предложить расхождению между перечнем русских князей по Даниилу и списком городов «Русской земли» в тексте русско-византийских договоров,

который был включен в летопись через несколько лет после того, как игумен написал свое «Хождение»?

На наш взгляд, информацию Даниила можно признать объективно отражающей политическую действительность начала XII в., если принять во внимание, что Владимир Мономах, утратив контроль над Черниговом, сохранил в своих руках остальные волости, перешедшие к нему от отца, в то время как «отчина» Святославичей распалась на три части с тремя самостоятельными князьями, что могло негативно сказаться на политическом значении князя Чернигова, которого в этом случае действительно мог отодвинуть на «задний план» князь Переяславля. Кроме того, это недоразумение можно объяснить и тем, что к тому моменту, как тексты договоров были включены в летопись, подчеркивание приоритета Переяславля перед Черниговом не имело большого смысла, поскольку Мономах в то время уже сидел в Киеве, а когда создавалось «Хождение» Даниила, Мономах еще не был киевским князем.

Отношения между двоюродными братьями омрачались скрытым соперничеством, информацию о котором мы находим в «Сказании о чудесах» князей-мучеников Бориса и Глеба, зафиксировавшем процесс становления и развития борисоглебского культа в Вышгороде, где была расположена усыпальница князей. По свидетельству «Сказания о чудесах», в 1101/02 г. Святополк Изяславич хотел обновить церковь, построенную в 1072 г. его отцом, говоря: «Не дерзну переносить с места на место [мощи святых]», но «не сбился этот замысел по Божьему усмотрению и по воле святых мучеников». Между тем Владимир Мономах ночью втайне от Святополка оковал саркофаги Бориса и Глеба листами из позолоченного серебра. В 1111 г. каменную церковь Борису и Глебу воздвиг в Вышгороде Олег Святославич, неоднократно настаивавший на их перезахоронении там, однако его инициатива каждый раз наталкивалась на сопротивление Святополка, который, по утверждению составителя «Сказания», завидовал тому, что не он был строителем этой церкви. Вероятно, для киевского князя это был не только вопрос престижа, но и политического лидерства. Строителем деревянной церкви, освященной в 1072 г., был Изяслав Ярославич. Святополк так и не сумел построить новую церковь — вместо него это сделал Олег, задавшийся целью восстановить храм, заложенный при его отце

Святославе, но рухнувший при Всеволоде. Если бы Святополк уступил ему инициативу в организации нового перезахоронения, этот акт мог нанести удар по его авторитету, который и без того оставлял желать лучшего. Лишь после смерти Святополка Олегу и Давыду удалось уговорить его преемника Мономаха организовать перенесение мощей в новый храм.

По свидетельству «Киево-Печерского патерика», во время своего княжения в Киеве Святополк «без вины искоренил до основания семьи знатных людей, отняв у многих имения», а так как игумен Печерского монастыря Иван «обличал его жажду богатства и насилие», то Святополк приказал заточить его в Турове, и, если бы против этого не выступил Владимир Мономах, он бы не так скоро возвратил игумена с почестями обратно в монастырь¹⁹⁴. Правда, позднее между князем и монастырем состоялось примирение: согласно утверждению, которое приведено в «Повести временных лет» под 1107 г., Святополк, «когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена Печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой», а в 1108 г. киевский князь даже оказал содействие установлению общерусского почитания Феодосия, но нормализация отношений с печерскими монахами вряд ли принесла ему популярность в глазах киевлян, потому как после кончины Святополка в Киеве разыгрались события, способствовавшие утверждению на столе Мономаха.

По свидетельству Ипатьевского списка «Повести временных лет» киевский князь заболел весной 1113 г., после Пасхи: «А скончался благоверный князь Михаил, которого звали Святополком, месяца апреля в 16 день за Вышгородом, привезли его в ладье в Киев, и привели в надлежащий вид тело его, и возложили на сани. И плакали по нему бояре и дружина его вся; отпев над ним полагающиеся песни, похоронили в церкви святого Михаила, которую он сам построил. Княгиня же его щедро разделила богатство его по монастырям, и попам, и убогим, так что дивились люди, ибо такой щедрой милостыни никто не может сотворить. После того на десятый день устроили киевляне совет, послали к Владимиру, говоря: “Пойди, князь, на стол отчий и дедов”. Услышав это, Владимир много плакал и не пошел, горюя по брате. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на евреев, разграбили их имущество. И послали вновь киевляне к Владимиру, говоря: “Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, что не только Путятин двор или сотских, но и евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри”. Услышав это, Владимир пошел в Киев»¹⁹⁵.

Еще одна, менее подробная репрезентация событий дана в «Сказании о чудесах», где говорилось, что после смерти Святополка «наступил раздор, и среди людей началась крамола, и поднялся ропот. Тогда собрались все люди, в первую очередь самые старшие и знатные мужи, и, пойдя от собрания всех людей, просили Владимира, чтобы он пришел и утишил крамолу. И, придя в Киев, усмирил он мятеж и людское волнение и принял княжение над Русской землей»¹⁹⁶.

Некоторые исследователи склонялись к тому, чтобы, противопоставляя эти тексты, приписывать инициативу призвания Мономаха тому или иному слою киевского общества. Так, М. С. Грушевский первоначально полагал, что инициатива приглашения Мономаха исходила от киевлян, а позднее — приписал эту инициативу аристократии¹⁹⁷. Эволюцию в обратном направлении претерпели взгляды И. Я. Фроянова, который сначала трактовал призвание Мономаха как совместную акцию аристократии и городской общины, а позднее — только как волеизъявление горожан¹⁹⁸.

М. Д. Присёлков, следуя за второй точкой зрения Грушевского, высказал предположение, что летописное свидетельство о приглашении Владимира на княжение всеми киевлянами малодостоверно, и предполагал, что действительности более соответствует информация «Сказания о чудесах», где инициаторами приглашения Владимира выступают представители киевской знати. Эта тенденция была подхвачена И. И. Смирновым, Б. А. Рыбаковым, П. П. Толочко и другими советскими историками, под пером которых Владимир Мономах превратился в ставленника киевского боярства¹⁹⁹.

Существовала и альтернативная интерпретация событий, в большей степени базирующаяся на рассказе Ипатьевской летописи, сторонники которой (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. И. Сергеевич, И. А. Линниченко и др.)²⁰⁰ предполагали, что призвание на княжение Мономаха было организовано киевскими горожанами. Наконец, была предложена и третья точка зрения, вокруг которой консолидировались исследователи, рассматривавшие факт призвания в Киев Мономаха как совместную акцию знати и горожан (А. Е. Пресняков, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и др.)²⁰¹.

Характеристика киевского восстания 1113 г. как «революции», восходящая к М. С. Грушевскому и М. Н. Покров-

скому²⁰², способствовала появлению гипотез о том, что инициаторами приглашения в Киев Мономаха являлись «демократические элементы», наполненные «революционным духом», к которым перед лицом беспорядков примкнули «церковные чины» и «представители высших классов», — самое удивительное заключалось в том, что автором подобного представления, наполненного марксистской риторикой, являлся преподававший в Йельском университете Г. В. Вернадский²⁰³.

В этом диапазоне исследовательских оценок киевских событий 1113 г. трудно понять, какие политические силы привели Владимира Мономаха на киевский стол. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что вряд ли стоит противопоставлять друг другу информацию из Ипатьевского списка «Повести временных лет» и «Сказания о чудесах», поскольку оба этих памятника сложились в княжение Мономаха и в любом случае отражают «промономаховскую» тенденцию интерпретации событий. В «Повести временных лет» с одной стороны фигурирует политически пассивное окружение Святополка («бояре» и «дружина»), оплакивавшее его кончину, а с другой стороны — политически активное городское население (киевляне), которые на «совете» решают отправить делегацию в Переяславль к Мономаху²⁰⁴, дабы призвать его на стол «отца и деда». Мономах, по-видимому, не сразу решился принять предложение делегатов.

По всей видимости, в тот момент, когда киевская делегация находилась в пути, ситуация в Киеве внезапно обострилась: был разграблен двор тысяцкого Путяты и начались грабежи дворов, принадлежавших евреям. Так как переяславский князь не спешил прибыть в Киев, киевляне отправили к нему новую делегацию, которая стала запугивать Мономаха усилением беспорядков. Решающим аргументом, заставившим его поторопиться, по всей видимости, стала угроза возложения на него ответственности за возможное разграбление монастырей. В «Сказании о чудесах» акцентируется внимание на том, что вокняжения Владимира в Киеве желали «все люди», но более всего «самые старшие и знатные» или (согласно оригинальному тексту) «большие и нарочитые мужи». Это позволяет предположить, что интересы городских масс в данном случае совпадали с интересами «нарочитых мужей», поскольку и те и другие рассматривали Владимира Мономаха как гаранта со-

циальной стабильности в Киеве. Но если и «люди» и «нарочитые мужи», по сути дела, желали одного и того же, кто же начал устраивать грабежи в городе?

Надо думать, что к восстанию, возникшему в сложившемся вакууме власти, оказались причастны не все киевляне, а только те, которые были недовольны экономической политикой Святополка. Этим радикально настроенным элементам киевского социума противостояли более умеренные слои населения, использовавшие обострение ситуации для воздействия на переяславского князя, которого с политической точки зрения можно назвать ставленником «консервативного лагеря», стремившегося к сохранению общественного порядка, хотя трудно сказать, насколько этот лагерь был социально дифференцирован, поскольку под определением «киевляне» на протяжении XI в. на страницах «Повести временных лет» в большинстве случаев подразумевалась совокупность городского населения в целом.

Но это далеко не единственный вопрос, вытекающий из анализа киевского восстания 1113 г., так как для полноты картины предстоит решить вопрос о правомерности действий киевлян с точки зрения междукняжеских отношений. Здесь также существует несколько конкурирующих точек зрения. Сторонники одной из них (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, М. К. Любавский, И. И. Смирнов, Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко и др.)²⁰⁵ предполагают, что приоритетные права на киевский стол (по так называемому принципу родового старшинства) принадлежали одному из Святославичей, а сторонники другой (М. М. Щербатов, В. И. Сергеевич, М. С. Грушевский, И. У. Будовниц, А. П. Толочко, и др.)²⁰⁶ считают, что эти права (в соответствии с «отчинным» принципом замещения столов) должны были принадлежать сыну Святополка, волынскому князю Ярославу. И в том, и в другом случае Владимира Мономаха следовало бы рассматривать как узурпатора киевского стола, однако источники не дают оснований усомниться в легитимности его вокняжения. Напротив, в Ипатьевском списке «Повести временных лет» мы читаем: «Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встречали же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди были рады, и мятеж утих»²⁰⁷.

Несмотря на это, в историографии все же обсуждался вопрос о существовании в Киеве «прочерниговской» партии, во главе которой якобы стоял тысяцкий Святополка Путята. Подобное предположение восходит к авторской интерпретации событий 1113 г. В. Н. Татищевым во второй редакции «Истории Российской», которое мы приводим ниже с нашим курсивом.

«Киевляне по всеобщем избрании на великое княжение Владимира немедля послали к нему знатнейших людей просить, чтоб, пришед, приял престол отца и деда своего. Владимир же, уздав о смерти Святополка, вельми опечалился и горько о нем плакал, зане имели между собою любовь, яко родные братья; но в Киев идти не хотел, рассуждая, что Святославичи Давид и Олег, яко старейшего брата дети, могут войну противу его начать, и потому к ним послал, желая о том договор беспорный учинить. Киевляне же, не желая иметь Святославичев, возмутились и *разграбили дома тех, которые о Святославичах старались*: первее дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды и в торгах христианам вред чинили. Множество же их, собравшись к их синагоге, отгородясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова. Вельможи же киевские, видя такое великое смятение и большего опасаясь, едва уговоря народ, послали второе ко Владимиру, прося, чтоб немедля пришел и народ мятущейся успокоил, объявляя, если не ускорит пришествием, то будет опасность, как бы невестку твою великую княгиню, бояр, церкви и монастыри не разграбили, и ежели то учинится, то никто, кроме тебя, ответа пред Богом дать не должен. Владимир, услышав сие, вельми ужаснулся и вскоре послал обо всем возвестить Святославичам, сам же пошел в Киев, и когда приблизился в воскресенье, апреля 20, встретили его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор с епископами и причтом церковным прияли его с честью и радостью великою и проводили до дому княжеского»²⁰⁸.

Отдельные элементы реконструкции, созданной Татищевым, получили дальнейшее развитие в трудах исследователей. Например, С. М. Соловьёв писал, что «Мономах, узнав о смерти Святополка, много плакал и не пошел в Киев: если по смерти Всеволода он не пошел туда, уважая старшинство

Святополка, то ясно, что и теперь он поступал по тем же побуждениям, уважая старшинство Святославичей. Но у киевлян были свои расчеты: они разграбили двор Путяты тысяцкого за то, как говорит одно известие, что *Путята держал сторону Святославичей*, потом разграбили дворы сотских и жидов». Ему вторил П. В. Голубовский, считавший, что «между киевскими боярами были сторонники Ольговичей, между которыми известен Путята; но под влиянием недавней борьбы с Черниговом, партия, противная ему, была гораздо сильнее. Она ограбила двор Путяты и призвала Мономаха»²⁰⁹. Позднее эту идею воспроизвели И. И. Смирнов и И. Я. Фроянов²¹⁰, невзирая на то, что летописным материалом она не подтверждается.

Комментируя участь тысяцкого Путяты, чей двор был разграблен восставшими в первую очередь, приходится ограничиваться предположением о том, что тысяцкий стал жертвой своей близости к князю Святополку, а не к Святославичам. Отсутствуют в текстах также и указания на то, чтобы после смерти Святополка в какие-нибудь переговоры со Святославичами вступал и сам Мономах.

Учитывая то, что источники не содержат информации о реакции представителей старших ветвей потомства Ярослава, часть исследователей пыталась найти объяснение этому феномену. Как считал Д. Я. Самоквасов, «в 1113 г., по смерти Святополка, Киев должен был перейти к старшему из Святославичей, если бы Святослав, вопреки завещанию Ярослава I, не захватил великокняжеский стол силой и не скончался прежде старшего брата Изяслава, которому законно, по праву, наследовал Всеволод; сын Всеволода, Владимир Мономах, является таким образом законным наследником Святополка».

Сходные рассуждения можно найти и у Д. И. Иловайского, который писал: «Ближайшее право на великокняжеский стол имели Святославичи, Давыд или Олег; впрочем, старшинство их было спорное, так как их отец Святослав насильно отнял Киевский стол у своего брата Изяслава и умер при его жизни. Вопрос был решен голосом народным, который единодушно указывал на Владимира Мономаха, в действительности уже давно стоявшего во главе русских князей; а Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу с Половцами и многие разорения, причиненные ими Русской земле»²¹¹.

Эта тенденция получила наиболее законченное оформление в предположениях А. В. Назаренко об устранении Святославичей от наследования киевского стола, которое исследователь приурочивает к Любечскому съезду, и о том, что порядок наследования киевского стола мог быть предварительно урегулирован соглашением между Мономахом и Святополком²¹².

Аргумент об устранении Святославичей от реализации наследственных прав на Киев, к сожалению, продолжает основываться лишь на молчании источников, а вот аргумент о достижении предварительного соглашения между Мономахом и Святополком имеет чуть больше оснований, если принять во внимание, что в 1112 г. был заключен династический брак между Ярославом Святополчичем и внучкой Владимира Мономаха (дочерью Мстислава Новгородского).

По свидетельству Ипатьевского списка «Повести временных лет», в тот год «Ярослав, сын Святополка, ходил на ятвягов и победил их; и, возвратясь с войны, послал в Новгород, и взял себе в жены дочь Мстиславову, внучку Владимирову, мая 12, а приведена была июня 29». Но только этим браком события не исчерпывались, так как далее в летописи читаем: «В том же году повели Евфимию Владимировну в Венгрию за короля»²¹³.

Здесь речь идет об одной из дочерей Мономаха, которую выдали замуж за венгерского короля Коломана (1095—1114), бывшего союзником Святополка во время волынской кампании 1098—1099 гг. (возможно, именно в связи с этим поводом Владимир Мономах обратился к митрополиту Никифору за разъяснениями о католической — латинской — вере, следствием чего стало написанное митрополитом так называемое «Послание на латину» с критикой католических обрядов). Несколькими годами ранее Святополк сам породнился с королевским домом Арпадов, когда в 1104 г. его дочь Предславу, по свидетельству «Повести временных лет», выдали замуж за венгерского королевича.

Установление тесных родственных связей между потомством Святополка и Владимира в 1112 г. наводит на мысль, что заключение брака между волынским князем и внучкой Мономаха, являвшегося неприемлемым по церковным канонам из-за близкой степени родства между новобрачными, могло

быть необходимым для урегулирования вопроса о преемстве киевского стола. Не исключено также, что в это же время с подачи Святополка мог быть заключен брак дочери Мономаха и венгерского короля, который оказался неудачным и вскоре распался²¹⁴.

Тесное династическое сотрудничество киевского и переяславского князей накануне 1113 г. позволяет хотя бы отчасти объяснить отсутствие свидетельств о реакции волынского князя Ярослава на тот факт, что не он, а Владимир Мономах был призван на киевский стол по смерти отца. Только из глухого сообщения Яна Длугоша, не подтвержденного, впрочем, русскими источниками, можно заключить, что Ярослав мог находиться в Киеве, откуда после интронизации Владимира отбыл «в свое Владимирское княжество»²¹⁵. Но и этот сомнительный факт, даже если принять его за достоверный, позволяет предполагать отсутствие разногласий по вопросу о наследовании. К подобному предположению подталкивает и то, что киевляне, решив обратиться к Владимиру после смерти Святополка, как кажется, не обсуждали другие кандидатуры на освободившуюся «вакансию».

На первый взгляд их поступок может казаться беспрецедентным, но, если допустить, что Мономаху удалось предварительно каким-то образом урегулировать вопрос реализации своих прав на киевский стол с представителями старших ветвей, его вокняжение можно считать вполне законным, что косвенно подтверждает участие митрополита Никифора в церемонии встречи переяславского князя в Киеве. В то же время, несмотря на явное стремление Мономаха к лидерству среди русских князей, из письменной традиции в период его киевского княжения исчезает упоминание о приоритете «старейшинства», актуальное для историописания конца XI — начала XII в. («Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба»; «Житие» Феодосия Печерского»; фрагменты «Повести временных лет», относимые к «Начальному своду»), которое вновь появится в летописях лишь в середине XII в.

Это позволяет предположить, что, даже заняв «стол отца и деда», Владимир Всеволодович не мог претендовать на генеалогическое «старейшинство» среди внуков Ярослава и использовать его в политических целях. Но после смерти Мономаха в 1125 г. генеалогический приоритет становится

основанием для последовательной передачи киевского стола на протяжении четырнадцати лет уже в его собственной семье, так что, по-видимому, можно говорить лишь о временном кризисе доктрины в его княжение. Тем не менее, как заметил С. М. Соловьёв, «он своим правлением показал, каковы должны были быть на самом деле отношения младших членов рода к старшему и как, при общем владении, мог быть сохранен наряд»²¹⁶, а А. Е. Пресняков считал возможным утверждать, что Мономах «впервые осуществил на деле идею старейшинства в земле русской»²¹⁷.

Об отношении к этой идее самого Владимира Мономаха мы можем догадываться лишь по цитате из Василия Великого, которую он приводит, наставляя своих читателей в «Поучении»: «Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: “Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседа, а побольше разуметь...”»²¹⁸, однако трудно сказать, выступает ли здесь Мономах поборником идеи христианского смирения или же «подсознательно» скрывает за этими строками свое отношение к доктрине о приоритете «старейшинства».

В исторической литературе встречаются утверждения о том, что из-за своей приверженности к этому принципу Владимир Мономах сначала отказался от предложения занять киевский стол, почему, собственно, и потребовалось посылать к нему делегацию из Киева во второй раз. Эти утверждения восходят к уже известной нам реконструкции В. Н. Татищева, которую поддержали некоторые исследователи, начиная с Н. М. Карамзина (например, В. И. Сергеевич даже полагал, что отказ Мономаха от Киева был «решительный»)²¹⁹.

Однако более близким к истине оказался М. П. Погодин, который, комментируя реконструкцию событий, данную Карамзиным, справедливо замечал: «Из летописи не видим, чтоб Владимир отказывался: он только не шел немедленно; следовательно, кажется, нет нужды и объяснять его отказ»²²⁰. С. М. Соловьёв, в «Истории отношений между князьями Рюрикова дома» писавший, что Мономах от предложения киевлян отказался, во втором томе своей «Истории России с древнейших времен» занял более осторожную позицию, написав,

что «Мономах, узнав о смерти Святополка, много плакал и не пошел в Киев»²²¹. В современной историографии точка зрения М. П. Погодина была актуализирована И. Я. Фрояновым, который писал, что из слов летописца о скорби Владимира Мономаха по брате «никак не вытекает, будто он напрочь отказывался ехать в Киев»²²².

Максимум, о чем позволяет говорить текст Ипатьевского списка «Повести временных лет», так это о том, что Мономах не торопился прибыть в Киев, но было ли подобное промедление сознательным или нет, насколько оно являлось продолжительным, точно установить невозможно, принимая во внимание тот факт, что следующий спорный момент заключается в определении даты вокняжения Мономаха на киевском столе.

В так называемой Суздальской летописи, которая является продолжением «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и сходным с ним спискам, сообщается, что Мономах вокняжился на «столе отца и деда» в «день недельный» (то есть воскресенье), 20 апреля²²³. Эта дата принимается большинством исследователей. Однако в Ипатьевской летописи, как мы могли убедиться выше, говорится, что первое посольство киевлян к Мономаху было отправлено на десятый день после смерти Святополка (то есть 26 апреля), а так как вскоре произошли волнения в Киеве, вызвавшие отправку второго посольства к Мономаху, то, следуя этому «сценарию», вокняжение Мономаха на киевском столе (которое здесь также относится к воскресенью) должно было состояться не ранее 4 мая.

Учитывая то, что вакантный период был насыщен событиями, следовало бы предпочесть «сценарий» Ипатьевской летописи. В его рамках можно предположить, что киевляне обратились к Мономаху только по истечении девятидневного траура, во время которого тело Святополка было доставлено в Киев из Вышгорода и погребено в церкви Архангела Михаила, а в течение следующих пяти или шести дней сначала одна, а затем другая киевская делегация добиралась до Мономаха и вели с ним переговоры, убеждая как можно скорее прибыть в Киев. Однако безоговорочному принятию такого «сценария» событий препятствует тот факт, что в поздних копиях Ипатьевского списка (Хлебниковском списке XVI в. и Погодинском списке XVII в.), говорится, что «совет» киевлян состоялся не на «десятый день» после смерти Святополка, а «в 17-й день» апреля

месяца, так что гипотетически нельзя исключать вероятность того, что в данном случае мы можем иметь дело с опиской переписчика, допустить которую не составляло большого труда, учитывая тот факт, что цифры обозначались в древнерусских текстах буквенными комбинациями.

Не менее запутанным остается вопрос о мерах, предпринятых Владимиром Мономахом после вокняжения в Киеве. Сохранился документ, известный как «Устав Владимира Всеволодовича», читающийся в составе так называемой Пространной Русской правды (ст. 53), появление которого еще дореволюционные исследователи связывали с киевскими событиями 1113 г.

В «преамбуле» документа сообщалось следующее: «...по Святополке, созвав дружину свою на Берестовом, — Ратибора, киевского тысяцкого, Прокопия, тысяцкого белгородского, Станислава, переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, мужа Олега, — и установили брать до третьего реза, если кто возьмет куны в треть; если кто возьмет 2 реза, [после] того ему [можно] взять исто; если же возьмет три реза, то исто ему не взять»²²⁴.

Выражаясь современным языком, данные нормы были призваны урегулировать порядок погашения процентов по кредитам, однако интерпретация этих норм имеет в исторической литературе значительные расхождения. По М. Н. Тихомирову, «Устав» регулировал порядок взимания «третьего процента» («если кто возьмет куны в треть») — то есть процента за третью часть года. Позднее И. Я. Фрояновым было высказано предположение о тождестве «третьего» и годового процента²²⁵.

При расчетах исследователи обычно исходят из формулы В. О. Ключевского, предполагавшей, что величина «реза» в том случае, если «куны» брались «в треть», составляла 50 процентов годовых. Так, «2 реза» следовало бы считать за 100 процентов, после получения которых кредитор сохранял право на взыскание суммы, данной в долг («исто»), а «3 реза» должно считать за 150 процентов — после их получения кредитор терял право на взыскание самого долга²²⁶. Правда, в следующей статье оговаривалось, что «если кто [установил рез] по 10-ти кун в год на гривну, то того не отменять». Это послабление, по всей видимости, распространялось на тех, кто давал

деньги в долг по «фиксированной» ставке, составлявшей 20 процентов годовых (так называемый «законный рез»). Правда, определение конкретной стоимости денежных средств вызывает некоторые затруднения, поскольку в XI в. величина такой денежной единицы, как кун, равнялась 1/25 гривны серебра, а в XII в. — уже 1/50 гривны.

До издания «Устава» Владимира порядок взимания «реза» регулировался нормой, зафиксированной в «Правде Ярославичей» — правовом кодексе, составленном сыновьями Ярослава, как полагают большинство современных исследователей, между 1054 и 1072 г., который позднее, как и «Устав» Мономаха, вошел в состав Пространной Русской правды. Суть ее заключалась в следующем: «Если кто взysкивает кунны с другого, который запирается, то [кредитор] должен привести на него свидетелей, которые пойдут к присяге, а он получит кунны свои; если же [должник] не отдавал долга много лет, то платит ему за обиду три гривны» (ст. 47).

Впрочем, последняя статья «Правды Ярославичей» все же допускала некоторое отступление в этом вопросе, при условии того, что «если не будет свидетелей, а будет кун на 3 гривны, то [можно] вернуть [кредитору] свои кунны по принесении присяги; если же кун будет более чем на 3 гривны, то [надлежало] говорить ему так: “прогорел ты, потому как свидетелей не представил”» (ст. 52). Кроме того, в том же разделе «Правды» регулировался порядок взимания месячного процента («месячного реза») за краткосрочный кредит («за мало дней»), из которого следовало, что кредит такого типа мог быть конвертирован в долгосрочный («третной») в том случае, если он не погашался в течение года (ст. 51)²²⁷.

По мнению А. А. Зимина, «третной рез, был, вероятно, страшным бедствием, распространенным в Древней Руси». Это бедствие выражалось в следующем: «Если должник не выполнил своих обязательств и не выплатил занятые им деньги в установленный срок (“год”), то вместо месячного реза (“на пять шестой” или 10 кун на 50 кун) платился “третной” (“кунны в треть”), т. е. из расчета “на два третий” (на 100–50%)»²²⁸.

А. А. Зимин, И. И. Смирнов и Л. В. Черепнин допускали, что эти нормы могли быть введены в действие при Святополке Изяславиче²²⁹. О проблеме высоких процентов в это время упоминает в своем «Поучении» в Сыропустную неделю мит-

рополит Никифор, убеждавший паству простить если не долги, то хотя бы «великие резы», которые «как окаянные змеи поедают убогих»²³⁰. Если следовать логике А. А. Зимина, то под «великим резом» следует понимать именно «третний рез». Учитывая тот факт, что положения «Устава» не упоминают, а, следовательно, их действие не распространяется на кредиты с краткосрочной («месячный рез») и фиксированной ставкой (законный рез), предложенную «реструктуризацию» долгов надо считать распространявшейся лишь на определенную категорию должников.

Одни исследователи предполагали, что «Устав» Мономаха помимо регулирования условий кредитования ограничивался регулированием правового положения зависимого населения (закупов и холопов)²³¹, в то время как другие также относили к нему нормы, регулировавшие вступление в права наследования, нормы о порядке судопроизводства²³², нормы, предусматривающие возмещение ущерба и порядок продажи купцов в рабство за «экономические преступления»²³³. Таким образом, налицо разнообразие исследовательских подходов, которое предполагает разный объем законодательной инициативы Мономаха и соответственно различные ее оттенки и оценки. Ниже мы дадим общий обзор тех норм, которые относятся к «Уставу» Мономаха большинством исследователей, — то есть так называемые статьи № 53–66 Пространной правды, представляющие собой с композиционно-тематической точки зрения два нормативных комплекса.

За положениями, регулирующими порядок взимания процентов, следует блок статей, прописывающий условия возмещения экономического ущерба: в том случае, если купец потеряет чужие деньги из-за непредвиденных обстоятельств, было запрещено продавать его в рабство и предусматривалась постепенная выплата компенсации пострадавшим; продажа в рабство разрешалась лишь в том случае, если купец нанесет намеренную порчу товару («пропьется или пробьется, а в безумии своем чужой товар испортит»), хотя и здесь предусматривалась возможность выплаты денежной компенсации (ст. 54). Продажа в рабство разрешалась в том случае, если купец оказывался «злостным должником», не вернувшим взятые на реализацию товары (ст. 55). При таком развитии событий предусматривался определенный порядок возмещения ущер-

ба, в котором приоритет отдавался погашению долга княжеской казне («княжьи куны сперва взять») и иностранным торговым партнерам, или «гостям» («отдать сперва гостям куны, а домашним, те куны, что останутся, поделить между собой»).

Далее следует блок статей, регулирующий положение «закупов» — лиц, взявших деньги в долг под залог личной свободы. По документу «закупу» разрешалось уходить от господина на заработки, обращаться за защитой от притеснений господина к князю или к судьям, причем за сам факт обращения его не могли объявить рабом («за это не поработят его, но дадут ему правду»); в то же время, если «закуп» самовольно уходил от господина, он превращался в «обельного холопа», приближаясь по правовому положению к рабу (ст. 56). Если господин наносил обиду «закупу» несправедливо, то, помимо возмещения ущерба, ему полагалось уплатить штраф в 60 кун (ст. 59). За насильственный отъем денег господином ему вменялся штраф в 3 гривны (ст. 60). Объявлялась незаконной и наказывалась штрафом в 12 гривен (ст. 61) продажа «закупа» под видом «обельного холопа» (раба). В том случае, если господин ударил «закупа» «без вины» или «в пьяном виде», он был обязан уплатить ему такую же компенсацию, как и свободному человеку (ст. 62). В то же время несколько статей регулировали порядок возмещения ущерба, нанесенного «закупам» или «холопами» своему господину или посторонним людям. Статья 66 заявляла о недопустимости принятия свидетельских показаний холопа в суде (в случае крайней необходимости допускалось лишь принимать во внимание свидетельство «боярского тиуна» — то есть управляющего боярским хозяйством)²³⁴.

Нетрудно заметить, что большинство этих норм было призвано сделать «закупов», выражаясь современным языком, более «социально защищенными», гарантировать им защиту права. В то же время можно сказать, что речь шла о «разграничении» интересов и эти нормы как бы гармонизировали социальный баланс, четко фиксируя права обеих сторон, с тем чтобы избежать взаимных злоупотреблений. Таким образом, законодательство Мономаха, ориентированное, по всей видимости, на удовлетворение интересов социального слоя, выступавшего инициатором киевских беспорядков 1113 г., вместе с тем имело достаточно умеренный характер, как в тех пунк-

тах, которые касались регулирования кредитной политики, так и в тех пунктах, которые касались обеспечения прав зависимого населения, поскольку и в том, и в другом случае речь шла по преимуществу о защите интересов строго определенных категорий.

Весьма простым делом является датировка «Устава» Мономаха, который одни исследователи считают документом, изданным после того, как состоялась интронизация князя на киевском столе²³⁵, а другие локализируют его появление в кратком диапазоне между 16 и 20 апреля 1113 г. — то есть — до вокняжения Мономаха в Киеве²³⁶. Конечно, «Устав» Мономаха являлся чрезвычайным законодательным актом, но вряд ли он мог быть подготовлен в столь короткий срок. В «преамбуле» документа говорится, что он стал результатом совещания в загородной княжеской резиденции, Берестове, Владимира Всеволодовича с тысяцкими Киева, Белгорода и Переяславля. Кроме того, там находился и представитель Олега Святославича, который, по всей видимости, одновременно представлял интересы черниговского князя Давыда, поскольку упоминаний об отдельном представителе от Чернигова нет, но из списка присутствовавших лиц ясно, что обсуждаемый документ не должен был ограничиваться только киевской волюстью, а предназначался к реализации в крупных городских центрах «Русской земли» — иначе говоря, на территории всего Среднего Поднепровья.

По-видимому, разработка «Устава» началась после изменений в киевской администрации, в результате которых непопулярный в глазах части городского населения тысяцкий Путята был заменен приближенным Мономаха Ратибором, что, таким образом, должно было усилить его позиции в качестве киевского князя. Учитывая объем информации в Пространной правде, гипотетически относимой к законодательству Мономаха, можно предположить два альтернативных пути его формирования. Если рассматривать статьи 53–66 как единый законодательный акт, то процесс его разработки должен был быть достаточно длительным и локализоваться между 1113 и 1115 г. (так как упоминаемый в документе Олег Святославич скончался 1 августа 1115 г.) Если же учесть неоднородное его содержание, придется допустить, что «Устав» представляет собой «пакет» отдельных законодательных актов, ввод в дей-

ствии которых осуществлялся поэтапно. Любое из этих предположений исключает возможность экстренной разработки «Устава» за четыре дня, между 16 и 20 апреля 1113 г.

Один из наиболее распространенных в исторической литературе мифов — миф о том, что законодательство Владимира Мономаха имело антисемитский характер, — восходит ко второй редакции «Истории Российской». Если в первой редакции своего труда В. Н. Татищев лишь глухо упоминал о том, что жидаы многуя тшету и смуту творили людям, то во второй редакции картина притеснений и ответной реакции городского населения приняла столь масштабные размеры, что киевляне будто просили Мономаха «об управе на жидов, что отняли все промыслы у христиан и при Святополке имели великую свободу и власть, чрез что многие купцы и ремесленники разорились».

Такое предположение предопределило интерпретацию историком законодательных инициатив Мономаха как антисемитских, предполагавших изгнание евреев с территории Руси по требованию киевлян, которое Владимир пообещал рассмотреть на княжеском совете, где якобы «по долгом рассуждении уставили закон таков: “Ныне из всей Русской земли всех жидов выслать и со всем их имением, и впредь не впускать; а если тайно войдут, вольно их грабить и убивать”. И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по городам и на путях своевольные побили и разграбили»²³⁷.

Как мы имели возможность убедиться, ничего подобного в «Уставе» Владимира Мономаха нет. Однако сама идея о том, что одной из причин киевского восстания стали злоупотребления близких к Святополку еврейских ростовщиков, получила весьма широкое распространение в историографии. Приведем несколько примеров. Так, Н. М. Карамзин утверждал, что киевские евреи находились «под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка», хотя и отмечал уязвимость татищевского рассказа об изгнании евреев из Русской земли, так как в летописях под 1124 г. говорилось, что «погорели жидаы в Киеве»²³⁸. С. М. Соловьёв считал, что «Святополк из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили всеобщее негодование». Ему вторил Н. И. Костомаров, считавший, что во

время своего княжения Святополк потакал евреям и поверял им соби́рание доходов. По Д. И. Иловайскому, евреи «купили себе разные льготы у Святополка и, по обыкновению своему, многих повергли в нищету в качестве жадных ростовщиков»²³⁹.

Нетрудно заметить, что подобные оценки, которые можно найти не только у дореволюционных, но и у советских историков, восходят именно к построению В. Н. Татищева, писавшего о засилье еврейских ростовщиков при Святополке, тогда как в «Киево-Печерском патерике» мы находим только свидетельства об алчности князя, зафиксированные в агиографически стилизованном рассказе о том, как Святополк во время династического конфликта 1097–1100 гг., спровоцировавшего дефицит соли в Киеве, отнял у монастырского старца Прохора соль, которую тот якобы извлекал из лебеды, чтобы удовлетворить требования торговцев солью, а заодно и нажиться самому.

Однако свидетельства о связи интересов Святополка с ростовщиками в патерике нет. Равным образом нет оснований считать, что нормы «Устава» Мономаха имели антисемитский характер, так как допустить подобное предположение можно лишь в том случае, если предполагать, что большинство киевских евреев, пострадавших во время беспорядков 1113 г., были ростовщиками, хотя некоторые исследователи принимали подобную, надо сказать, весьма гипотетическую возможность как аксиому. Например, М. Н. Тихомиров утверждал, что «в таком большом и торговом городе, каким был Киев начала XII века, участие евреев в экономической жизни было несомненно деятельным. Евреи должны были принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты. Этим объясняется нападение киевлян на еврейский квартал»²⁴⁰. Между тем против подобных представлений свидетельствует хотя бы тот факт, что увещания митрополита Никифора, в которых он призывал к отказу от «великого реза», были, по всей видимости, обращены к его православным единоверцам, а не к представителям иудейской диаспоры.

Перемены на киевском столе вызвали новую активизацию половцев, которые в том же 1113 г. осадили городок Выр. Чтобы организовать им отпор, Владимир Мономах был вынужден призвать на помощь своих сыновей и Олега Святославича с сыновьями. В «Поучении» Мономах пишет, что «к Выру

было пришли Аепа и Боняк, захотев взять его, и [я] к Ромну пошел с Олегом и с детьми на них, и они убежали». Более о столкновениях с половцами киевский князь не упоминает, однако из «Повести временных лет» известно, что война продолжалась и в 1116 г., когда «послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин», а чуть позже состоялся бой «с половцами, и с торками, и с печенегами у Дона, и бились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги»²⁴¹. Под следующим годом мы находим свидетельство о приходе на Русь жителей Белой Вежи. Этим же годом датировано сообщение о том, что Мономах женил своего младшего сына Андрея на внучке Тугоркана. Значит, в это время отношения киевского князя с половцами вновь стабилизировались.

Подводя итог своей многолетней борьбе с половцами в 1117 г., Владимир Мономах утверждал следующее: «А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей 100. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых 15, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около 200 лучших мужей»²⁴².

Бесспорно, немалая заслуга Мономаха, заключалась в том, что в начале XII в. ему удалось консолидировать силы князей для защиты «Русской земли» от половцев и в конце концов установить конструктивные отношения со Святославичами, которые в итоге должны были включиться в «концерт» русских князей. Но, несмотря на это, между ними имелись и некоторые разногласия, которые проявились в 1115 г., во время тожеств по перезахоронению останков Бориса и Глеба в церковь, построенной Олегом Святославичем.

По свидетельству «Сказания о чудесах», «когда Владимир начал княжить над всей Русской землей, то надумал он перенести этих святых страстотерпцев в построенную церковь.

И известил он об этом братьев своих, Давыда и Олега, которые и сами все время просили и убеждали Владимира перенести святых. Тогда Владимир собрал сыновей своих, и Давыд с Олегом также со своими сыновьями пришли в Вышгород, пришел и митрополит Никифор, собравший всех епископов: из Чернигова — Феоктиста, из Переяславля — Лазаря, Мину — из Полоцка, Даниила — из Юрьева; игумены все пришли: Прохор Печерский, Савва из монастыря святого Спаса, Селивестр из монастыря святого Михаила, Петр из монастыря Святой Богородицы Влахернской, Григорий из монастыря святого Андрея, Феофил из монастыря святого Димитрия, и все остальные преподобные игумены, и все епископы, и монахи, и церковнослужители, и священники пришли.

И в первый день месяца мая освятили церковь, в субботу второй недели после Пасхи. На следующий день, в святое воскресенье, когда празднуется день Жен-мироносиц, во второй день того же месяца, начали служить утрению в обеих церквах. И поставили на специально для этого устроенные и украшенные сани гробницу святого Бориса. И за ней шел Владимир с благоговением и смирением, в сопровождении митрополита и священников со свечами и кадилами. Тащили сани толстыми веревками, толкая и прижимая вельмож и бояр. По обеим сторонам дороги, по которой тащили честные раки, была устроена ограда, но из-за множества людей невозможно было ни идти, ни тащить сани. Тогда Владимир велел кидать в народ деньги, меха и ткани, и, увидев это, люди бросились туда, другие, пренебрегши этим, к святым гробницам устремились, чтобы удостоиться прикосновениям к ним. И ни один из всего множества собравшихся людей не мог удержаться от слез из-за радости и благоговения. И едва могли тащить сани. На вторые сани, за Борисом, поставили гробницу Глеба, и за ней шел Давыд с епископами, духовенством, боярами, со множеством людей, и все зывали “Кирие, элейсон!” и со слезами призывали Бога.

И вот какое преславное чудо было: когда везли святого Бориса, то никакой помехи не было, только теснота из-за людей мешала, а когда повезли Глеба, то остановилась рака, и не могли ее сдвинуть. И когда потянули с силой, то веревки разорвались, хотя и были очень толстыми, так что взрослый мужчина едва мог обхватить двумя руками. Также и новые веревки все

разорвались, а все люди восклицали: “Кирие, элейсон!” И великое множество было людей и по всему городу; и на заборах, и на городских стенах. И словно гром гремел от всенародного клича: “Господи, помилуй!” И так с трудом смогли от утрени до литургии перевезти гробницы в церковь»²⁴³.

Несколько иначе описываются эти события в «Повести временных лет»: «В год 6623 (1115), индикта 8, собрались братья, русские князья, Владимир, называемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая 1, в субботу; потом же во 2-й день перенесли святых. И было сошествие великое народа, сшедшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами — с Феоктистом черниговским, с Лазарем перяславским, с попом Никитою белгородским и с Данилою юрьевским — и с игуменами — с Прохором печерским и Сильвестром святого Михаила — и Сава святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, обедали у Олега и пили, и было выставлено угощение великое, и накормили нищих и странников в течение трех дней. И вот на следующий день митрополит, епископы, игумены, облачившись в святительские ризы и возжегши свечи, с кадилами благовонными, пришли к ракам святых и взяли раку Борисову, и поставили ее на возила, и поволокли их за веревки князья и бояре; впереди шли чернецы со свечами, за ними попы, и игумены, и епископы перед самую ракою, а князья шли с ракою между переносными оградами. И нельзя было везти из-за множества народа: поломали переносную ограду, а иные забрались на городские стены и помосты, так что страшно было смотреть на такое множество народа. И повелел Владимир нарезанные куски паволоки, беличь шкурки разбрасывать народу, а в других местах бросать серебряные монеты людям, сильно налегавшим; и легко внесли раку в церковь, но с трудом поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом. И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними, а Давыд и Олег хотели

поставить их под сводом, “где отец мой наметил”, на правой стороне, где и устроены были им своды. И сказали митрополит и епископы: “Киньте жребий, и где угодно будет мученикам, там их и поставим”, и князя согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу; и вынулся жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики, 2 мая, из деревянной церкви в каменную в Вышгороде».

Приведенный фрагмент не только говорит в пользу того, что вышгородские торжества 1115 г. стали возможны в результате династического компромисса, оказавшегося на проверку весьма шатким, но также красноречиво свидетельствует о том, что киевский князь, пытавшийся навязать свою волю двоюродным братьям, поставив гробницы в специально устроенном им месте (под золотым шатром), считал попечение о них исключительно своей прерогативой. Интересную интерпретацию междукняжеской «распри» из-за размещения саркофагов, позволяющую перенести этот казус из политической в культурно-историческую плоскость, предложил М. Б. Свердлов, отметивший, что вариант, предложенный Святославичами, восходил к православной (византийской) традиции погребения (размещение гробницы на южной галерее хоров), а вариант, предложенный Владимиром Мономахом (размещение гробницы в центре храма), — к католической. По мнению исследователя, тот факт, что предстоятелем русской церкви в это время был грек Никифор, один из поборников антикатолической пропаганды, способствовал тому, что отклонение предложения киевского князя при жеребьевке было предreshено, но это обстоятельство вряд ли имело принципиальное значение²⁴⁴.

В дальнейшем Владимир Мономах продолжал покровительствовать борисоглебскому культу. Как сообщает «Сказание о чудесах», по перенесении мощей в новую церковь он еще больше украсил святые гробницы: «Искавал серебряные пластины и святых на них изобразил и позолотил, ограду же оковал серебром и золотом, устроил позолоченные с большими хрустальными подвесками, сверху покрытыми золотом, светильники, в которых всегда горели свечи»²⁴⁵.

Недоразумение во время церемонии перенесения мощей никак не отразилось на стратегическом партнерстве Моно-

маха с кланом черниговских князей. В 6624 (1116/17) г. Давыд Святославич и сыновья Олега Святославича участвовали в походе против минского князя Глеба Всеславича, наиболее активного из многочисленных сыновей Всеслава Брючиславича, со смертью которого в 1101 г. утратило политическую целостность, распавшись на несколько самостоятельных волостей, Полоцкое княжество. Составитель «редакции 1118 г.» писал: «Глеб ведь воевал с дреговичами, Случеск пожег, и не каялся в этом и не выражал покорности, но еще больше перечил Владимиру, укоряя его»²⁴⁶. В «Поучении» Мономах утверждал, что к Минску ходил на Глеба, потому что «он людей наших захватил и, так как Бог нам помог, сотворили мы то, что замыслили»²⁴⁷.

В продолжении «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку уточнялось, что поход начался 28 января (1116 г.)²⁴⁸. Столкновения минского правителя с южнорусскими князьями были зафиксированы еще в 6612 (1104/05) г., когда «послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не добившись, возвратились»²⁴⁹. По всей видимости, Глеб Всеславич затронул интересы сразу нескольких князей, что и привело к формированию междукняжеской коалиции.

О причинах этого конфликта можно только догадываться. Возможно, участие войск Святополка и Олега обусловлено отстаиванием стратегических интересов в землях северных дреговичей, а причастность к этому мероприятию Ярополка Владимировича косвенно свидетельствует о необходимости защиты от Глеба Смоленской волости, подчинявшейся Мономаху. Не вполне ясна в событиях 1104–1105 гг. роль Давыда Всеславича, но, так как летопись представляет ее пассивной, нельзя исключать, что он мог быть лишен Глебом своей волости и поэтому обратился за содействием к южнорусским князьям.

Кампания 1116 г. представлена в «Повести временных лет» как совместное мероприятие потомков Всеволода и Святослава. Данный факт свидетельствует о том, что нападением на земли дреговичей Глеб Всеславич нанес ущерб их интересам, но при этом не затронул представителей других княжеских ветвей. Автор статьи обращает внимание на непокор-

ность Глеба Владимиру Мономаху, что свидетельствует о его самостоятельности по отношению к новому киевскому князю, у которого он, по всей видимости, оспаривал северную часть Туровской волости. В то же время участие черниговских князей позволяет согласиться с предположением А. К. Зайцева о принадлежности им части дреговичских земель.

Наступление на Глеба осуществлялось по нескольким направлениям: Вячеслав Владимирович со стороны Смоленска захватил Оршу и Копыс, Давид Святославич с Ярополком Владимировичем взяли Друцк, а сам Мономах осадил Минск, вынудив Глеба вступить в переговоры. Когда киевский князь начал ставить избу в своей стоянке против города, Глеб, увидев это, пришел в ужас и стал слать к Владимиру послов с мольбами. «Владимир же пожалел проливать кровь в дни Великого поста и помирился с ним. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиною, поклонился Владимиру, и договорились с ним о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира. Владимир же, дав мир Глебу и дав ему наставление обо всем, дал ему Минск, а сам возвратился в Киев»²⁵⁰. Однако «послушание» минского князя Мономаху, на котором акцентирует внимание летописец, продолжалось недолго. В конце 6625 (1117/18) г. Глеб был «выведен» из Минска и через некоторое время скончался в Киеве. После этого его волость, как считают исследователи, перешла под управление Мономаха.

Именно такая участь постигла волость Ярослава Святополчича, против которого в 1117 г. совершили поход Владимир Мономах, Давид Святославич, Ольговичи и Ростиславичи — «и окружили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом». В репрезентации примирения князей используется риторика, характерная для более поздней, «московской», эпохи: «Когда Ярослав покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир дал ему наказ обо всем, повелев ему приходить к нему, “когда тебя позову”. И так мирно разошлись всяк восвосяи».

Однако, как сообщается в продолжении Ипатьевского списка «Повести временных лет», уже в следующем году «выбежал Ярослав Святополчич из Владимира в Венгрию (по Лаврентьевской летописи — в Польшу) и бояре его отступились от него»²⁵¹. По всей видимости, волынский князь не пользовался особым авторитетом у собственного окружения. То, что

Ярослав, оставив Владимир-Волынский без дружины, позднее опирался на международный военный контингент, свидетельствует о том, что он лишился поддержки дружинников, которые после его бегства, вероятно, вступили в переговоры с Владимиром Мономахом.

Интересную интерпретацию событий предложил Ян Длугош, рассказ которого, по обыкновению, насыщен деталями, представляющими князя жертвой интриг. По словам польского историографа, «киевский князь Владимир, проникнувшись вследствие уверений множества недоброжелателей тяжелым [гневом] на своего племянника владимирского князя Ярослава, который будто бы замышлял его убийство и изгнание с киевского стола, вызывает его письмами и через послов в Киев. Тот объявляет, что придет не иначе, как только если Владимир поклянется не причинять ему никакого вреда. И хотя Владимир ради вящей уверенности Ярослава дал такого рода обещание, но Ярослав, которому советники и воины Владимира Киевского сообщили — неясно, искренне ли или со злым умыслом — об опасной ловушке, подстергавшей его в Киеве, отказался прибыть в Киев. Потом, сбитый с толку уговорами и лживыми и коварными советами своих воинов, он с женой, сыновьями и всем имуществом, поручив владимирскую крепость воинам, бежит в Польшу к польскому князю Болеславу, некогда супругу его сестры Сбыславы, где был ласково и благосклонно принят польским князем Болеславом и пробыл там четыре года, получая от польского князя Болеслава все необходимое. Тем временем воины Ярослава сдали крепость Владимиру Киевскому, ибо русские опасались, что ей завладеют поляки»²⁵². Несмотря на то что в это время были живы младшие сыновья Святополка Изяславича, место Ярослава во Владимире заняли младшие сыновья Мономаха: сначала Роман, а после его смерти в январе 6626 (1118/19) г. — Андрей, который княжил на Волыни до своего перехода в 1135 г. на «отчинный» стол в Переяславль.

Диапазон потенциальных причин, которые могли спровоцировать столкновение Ярослава с Мономахом, был очерчен С. М. Соловьёвым, отметившим, что причинами возможной размолвки послужили, во-первых, некорректное отношение Ярослава к жене, внучке Мономаха; во-вторых, борьба с Володарем Перемышльским и Васильком Теребовльским за вос-

соединение Волынской земли, обусловленная как стремлением к реализации «отчинного» принципа, так и отношениями Ярослава с враждебным Ростиславичам польским князем Болеславом III; в-третьих, стремление Ярослава предотвратить возможную передачу киевского стола Мстиславу Владимировичу, который в 1117 г., как раз накануне конфликта, перешел на княжение из Новгорода в Белгород, тогда как его место на новгородском столе занял старший сын Всеволод Мстиславич²⁵³.

Что касается первого тезиса из перечня С. М. Соловьёва, то, как заметил еще А. Е. Пресняков, «превращение семейной истории Ярослава в основной мотив является, вероятно, позднейшей комбинацией книжника»²⁵⁴. Несмотря на то что эта комбинация, которая впервые появляется на страницах «Московского летописного свода 1479 г.», сообщающего, что «Ярослав Святополчич отослал от себя жену свою, дочь Мстислава, внучку Владимира»²⁵⁵, а позднее в Воскресенской и Никоновской летописях, быть может, и не лишена оснований, более приемлемым представляется второй тезис, учитывая то, что в «Повести временных лет» среди пространных дополнений к тексту «Начального свода», призванных представить Мономаха главным защитником Василька Ростиславича, появилось известное нам свидетельство о намерении Святополка Изяславича оккупировать Теремовльскую волость, которое могло входить и в политические планы его сына, тем более что в летописной статье 1117 г. прямо говорится о выступлении против Ярослава, не только Василька, но и Володаря.

По всей видимости, над головой волынского князя, державшегося обособленно от Владимира Мономаха и, по примеру двух своих предшественников, больше ориентированного на сотрудничество с Западом, тучи сгущались постепенно. Больше всего оснований признать в качестве непосредственной причины конфликта перевод Мономахом Мстислава Владимировича с севера на юг. Вокняжение старшего Мономашича в Белгороде, по сути, превращало его в сопратителя Киевской земли, как и княжившего в 1077–1078 гг. в Вышгороде Ярополка Изяславича. Но, в отличие от Изяслава Ярославича, Мономах, после этого еще возглавлявший походы к Владимиру и к Минску, несмотря на свой преклонный возраст, как тонко заметил М. С. Грушевский, нуждался не столь-

ко в помощнике, сколько в преемнике, вероятно намереваясь применить к приобретенному им Киеву «отчинный» принцип наследования²⁵⁶.

Стоит обратить внимание и на то, что в рассказе о Любечском съезде, испытавшем редакторское вмешательство, в результате которого появились текстологические недоразумения, фраза о том, что Киев — «отчина» Святополка Изяславича, все же была сохранена. Это может служить косвенным указанием на то, что до 1116–1117 гг. существовала перспектива реализации «отчинных» прав Ярослава Святополчича на киевский стол в соответствии с любечской доктриной, но уже в первой половине 1117 г. ситуация кардинально изменилась, признаком чего стала десигнация Мстислава. В ответ Ярослав стал проявлять враждебность, что спровоцировало коалиционное вторжение 1117 г., о котором сам Мономах в «Поучении» пишет: «Ходили мы к Владимиру, на Ярославца, не вытерпев злости его»²⁵⁷.

К сожалению, он не уточняет, в чем именно заключалась «злота» Ярослава, так что трудно понять, насколько справедлива красочная реконструкция событий, созданная Яном Длугошем, но после изложения всех аргументов становится очевидным, что причин для столкновения было более чем достаточно. По-видимому, положение осложнялось еще и тем, что вместе с Киевом Мономах рассчитывал оставить за своей семьей и другую «отчину» Ярослава — Туровское княжество, расположенное на землях дреговичей. Несмотря на то что прямых доказательств о принадлежности Турова после смерти Святополка нет, из косвенных свидетельств «Повести временных лет» можно сделать вывод о том, что Туров не был присоединен в 1113 г. к землям Ярослава, а остался за киевским князем. На вероятность подобного предположения указывает тот факт, что когда в 1116 г. Глеб Всеславич напал с севера на земли дреговичей, то в экспедиции против минского князя Ярослав участия не принимал, из чего можно сделать вывод о том, что он не был заинтересован в обороне этих территорий, являвшихся сферой влияния Мономаха и черниговских князей.

Разрыв с Ярославом повлек за собой ухудшение отношений с Польшей, на которую в 1120 г. вместе с половцами напал владимирово-волинский князь Андрей. На следующий год Ярослав вместе с поляками, видимо, в качестве ответной ме-

ры организовал поход к городу Червену, но ничего не добился, так как посадник Мономаха Фома Ратиборич удержал город²⁵⁸. Тогда, воспользовавшись родственными связями с венгерскими Арпадами и польскими Пястами, Ярослав организовал международную коалицию, куда вошли и прежние союзники Мономаха Ростиславичи, которых, видимо, заставило сменить политическую ориентацию то обстоятельство, что Володар Ростиславич был захвачен в плен поляками.

По словам немецкого автора Херборда, биографа епископа Оттона Бамбергского, в начале XII столетия отношения между русскими князьями и польским князем Болеславом III (1102—1138) были враждебными и даже женитьба Болеслава на дочери «русского короля» (то есть на Сбыславе, дочери Святополка Изяславича) лишь на время стабилизировала ситуацию, так как после смерти жены польского князя противостояние возобновилось снова. Тогда воевода Болеслава по имени Петр Властович предложил одолеть «русского короля» хитростью. «Взяв с собой около 30 самых сильных мужей, Петр под вымышленным предлогом перебежал к королю Руси и, обманув его ловкими речами, заставил поверить, что плохо относится к князю. И король, доверившись человеку, которого тоже считал хитроумным, стал во многих своих делах прибегать к его дружеским услугам в надежде, что в конце концов с его помощью сможет восторжествовать над всей Польшей. Но Петр задумал иное. В самом деле, когда однажды мнимый перебежчик и его товарищи отправились с королем в лес на охоту, ничего дурного не подозревавший король, гонясь за зверем, отъехал от стен далее обычного. Другие отстали, а Петр со своими [людьми] остался с ним. Пользуясь этой удачной возможностью, он схватил короля, доставив своему князю, как и обещал, бескровную победу над Русью»²⁵⁹.

Разумеется, рассказ Херборда, смешивая события, не учитывает дифференциации внешнеполитических интересов русских князей, среди которых Святополк Изяславич, организовавший брак своей дочери с Болеславом III, был сторонником сотрудничества с Польшей, а Ростиславичи, напротив, являлись противниками поляков. Еще более утрировал события польский хронист начала XIII в., краковский епископ Винцентий Кадлубек, который сообщал, что взятого в плен рус-

ского князя звали Володарем и что Петр Властович похитил его во время пира, вытащив за волосы прямо из-за стола.

«...Совершенно не терпевший чужой удачи, князь Руси Володарь (Wladarius) встречается с каждым по отдельности [из соседей Болеслава], возбуждает всех вместе, всем напоминая об их благородном происхождении. Объясняет, сколь бесславно клеймо рабства; добавляет, что меньше несчастье родиться рабом, чем стать, ибо там — немилость природы, а здесь — бедствие от малодушия, в которое очень легко впасть, но трудно выбраться; что куда почетнее смерть на прямом пути, чем жизнь на ухабистом бездорожье. И пусть выбирают, веревке ли быть перерезанной или шее? Итак, смотря по занятости Болеслава, потихоньку выбирают время для возмущения, все единодушно от него отступают, все против него сговариваются, все клятвенно присягают потушить славу Болеслава, как общий пожар <...>».

Однако он (Болеслав) советуется с сенатом, силой ли противостоять этому злу или иначе — какой-нибудь хитростью, и с чего следует начать? И пока все молчат, колеблясь, что делать в таких обстоятельствах, некий князь по высокородности и очень близкий к князю по положению, муж благородного великодушия, столь же неутомимый в деле, сколь находчивый разумом — да, тот самый прославленный Петр Властович узел сомнений не рвет, не рубит, а спасительным образом развязывает».

Согласно Кадлубеку, Петр заявил, что прежде всего надо браться за Володаря и после этого, «взяв небольшую, но отборную дружину из своих, он отправляется на Русь; приняв на себя звание перебежчика, говорит, будто не мог вынести жестокости князя; жалуется, что сделал [это] из-за обид; уверяет, что для храброго мужа слаще суровость изгнания, чем роскошь на родине. Володарь радуется, что усилился силой такого мужа; радуется и его окружение, что им будто свыше послано общество такого соратника: “Конец, — говорят, — Болеславу, конец лехитам!”». Когда же он решил осуществить свой замысел, то это было сделано следующим образом: «посреди сотрапезников, посреди пира разом хватает Володаря, за волосы вытаскивает из-за стола, повергает на землю, повергнутого связывает, связанного уносит орел петуха, не преминув перерезать цыплят, так что многие, вместо материнских крыл,

обняли тень Орка. Так установился мир в державе Болеслава, который хотел наградить Петра, но тот отказался, чтобы не бросить тень на свое бескорыстие...»²⁶⁰.

Этот «сценарий» развития событий на исходе XIII в. за Кадлубеком повторил составитель «Великопольской хроники».

Несколько иначе рассказывает об этом Ян Длугош, согласно которому Володарь был захвачен в плен во время грабежа польских земель: «Из-за того что перемышльский князь Володарь часто нападал из крепости Перемышль на польские пределы и грабил их, польский князь Болеслав, отправив послов к Владимиру [Мономаху] и другим князьям Руси, жаловался им на обиды, которые Володарь чинил Польскому королевству. Однако, поняв, что князья Руси делают вид, будто не замечают этих тяжких обид, приказывает своим воинам и военачальникам, чтобы впредь они не оставляли своих обид неотомщенными. Итак, воины, на которых польский князь возложил эту обязанность, идут против Володаря, грабящего польские пределы, начинают сражение и, победив его и убив его лучших воинов, отбирают добычу, которую он вез из Польши, преследуют бегущего, настигают его в месте под названием Высоке и пленным приводят в Краков к польскому князю Болеславу, где некоторое время его держали в оковах. По прошествии времени в Краков прибывают послы перемышльского князя Василька и ведут переговоры о выкупе Володаря с польским князем Болеславом, который требовал за освобождение Володаря восемьдесят тысяч марок серебра; сговариваются, что за свободу Володаря заплатят двадцать тысяч [марок] серебра, и, заплатив немедленно двенадцать тысяч [марок] серебра, в [залог] остальных выплат оставляют заложником сына [князя] Ярослава, а впоследствии выплачивают полный выкуп, собрав пятьсот серебряных сосудов, а именно *scutellis, picariis*, кубков греческой работы. После освобождения Володарь примиряется с польским князем Болеславом, и, заключив и скрепив клятвою союз как с ним, так и с братом венгерского короля Коломаном, Володарь двадцать второго июля возвращается в Перемышль»²⁶¹.

Детальное описание Яна Длугоша, учитывая дистанцию, отделявшую его от этих событий, не может не вызывать вполне обоснованных сомнений, хотя нельзя исключать, что отдельные элементы его рассказа являются достоверными, так

как, например, о том, что за выкуп из плена русский князь «был вынужден отдать все богатства, которые сумели усердием и искусством накопить его предки», сообщает и Херборд. Менее подробны изложения этих событий в русских источниках — так, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи упоминают под 1122 г. только о том, что поляки взяли в плен Володаря «лестью» — то есть обманом²⁶².

По-видимому, одним из условий освобождения Володаря, помимо уплаты выкупа, было требование разорвать союз с Мономахом и примкнуть к коалиции Ярослава Святополчича. Как рассказывается в Ипатьевской летописи под 6631 (1123/24) г., «пришел Ярослав Святополчич с венграми, поляками и чехами, с Володарем и Васильком, под Владимир, и множество воинов было с ним, и обступили они город Владимир. И Андрей тогда находился в нем, а Владимир [Мономах] не мог поспеть из Киева с Мстиславом, сыном своим. И был день воскресный, когда подъехал Ярослав к городу с тремя спутниками рано, и, езда под городскими стенами, возражал людям князя Андрея, возгордившись и надеясь на множество воинов. И говорил он так Андрею и горожанам: “это мой город, если же не отворите [ворот], не выйдите с поклоном, то увидите, завтра я приступлю к городу и возьму город”. Андрей же имел надежду на Бога со всеми людьми своими, и на отца своего надеялся. И когда еще [Ярослав] ездил под городом, вышли два поляка на дорогу и там легко скрылись, когда же по завершении препирательств Ярослав поехал от города и оказался на том пути, где два поляка ловили его, и они спустились на дорогу и, пронзив его копьем, обратились в бегство, и был еле жив Ярослав и к ночи умер один, за великую силу войска и великую гордость его, поскольку он не имел надежды на Бога, но надеялся на множество воинов»²⁶³.

Следует отметить, что тон автора этих строк сходен с тоном, которым в «Повести временных лет» описывается война между Олегом Святославичем и Изяславом Владимировичем в Северо-Восточной Руси в 1096 г., но вместе с тем здесь имеются некоторые идеологические отличия. Если в репрезентации событий 1096–1097 гг. еще присутствовала тенденция к объективному изложению, которая позволила составителю «редакции 1118 г.» осудить действия Изяслава Владимировича, то при описании событий 1123 г. симпатии летописца цели-

ком находятся на стороне Мономашича, а действия Ярослава Святополчича подвергаются порицанию, хотя атрибутируемое князю утверждение — «это мой город» — свидетельствует о законности претензий, выдвинутых им под стенами Владимира. Ведь, по сути дела, Ярослав был вынужден оставить свое княжение, но не был лишен его ни по решению княжеского съезда (как Давыд Игоревич), ни по воле киевского князя (как Глеб Всеславич). Трудно сказать, входило ли приобретение Владимира-Волынского в первоначальные планы Владимира Мономаха, однако в начале 1120-х гг., получив поддержку со стороны городского населения, он уже был полон решимости не отдавать город Ярославу Святополчичу, что отразилось и в летописном рассказе под 1123 г., автор которого, учитывая отсутствие правовой основы в действиях Мономашичей, постарался сместить акцент в сторону дискредитации их противника, как бы доказывая своей позицией известную мысль А. А. Шахматова о том, что рукою летописца «управляли политические страсти и мирские интересы»²⁶⁴.

Тенденциозность летописца особо выделяется в следующем обращении к «дружине и братье»: «...Разумеите, с которым из них находится Бог, с гордым или со смиренным. Когда Владимир находился в Киеве, собирая воинов многих, и молил Бога о насилии и о гордости Ярослава, и отпустил вперед к Владимиру Мстислава с небольшим количеством воинов, а сам хотел идти вслед за ним со всем войском. И была великая помощь Божья благоверному князю Владимиру со своими сыновьями, за честную жизнь и смирение его, так как [Ярослав] был еще молод и возгордился против дяди своего и потом против тестя своего Мстислава»²⁶⁵.

Династический конфликт 1117–1123 гг. можно условно разделить на два этапа: на первом этапе в 1117–1118 гг. Ярослав мог отстаивать «отчинное» право на Киев, а на втором этапе в начале 1120-х гг. пытался вернуть себе волынский стол, который бояре после его явно вынужденного бегства передали в распоряжение Владимира Мономаха. Последнее обстоятельство способствовало тому, что на юго-западе Руси закрепилась ветвь Мономашичей, представители которой с небольшими перерывами управляли Волынской землей до 1340 г. После гибели Ярослава созданная им международная коалиция распалась, а вовлеченные в нее Ростиславичи поспешили прими-

риться с киевским князем, «с мольбою и с дарами» отправив к Владимиру послов.

В исторической литературе встречаются утверждения о том, что, «став великим князем и, очевидно, пользуясь полной поддержкой боярства, Владимир II прочно держал всю Русь в своих руках» (Б. А. Рыбаков) и что «уже первые шаги Мономаха в качестве великого князя киевского обнаруживают его стремление к неограниченной власти, т. е. к восстановлению единовластной и централизованной монархии его деда Ярослава Мудрого» (Н. Ф. Котляр)²⁶⁶.

К сожалению, с подобными утверждениями вряд ли можно согласиться, так как в источниковедческом плане они могут опираться лишь на фразу из «Сказания о чудесах» о том, что после вокняжения в Киеве «Владимир начал княжить над всей Русской землей», но и оно является преувеличением, поскольку власть Владимира распространялась лишь на два из трех «политических субъектов», составлявших «Русскую землю» в Среднем Поднепровье, — Киевскую и Переяславскую волости, где в 1113 г. он посадил на княжение своего сына Святослава, а после его смерти в 1114 г. — его младшего брата Ярополка.

Тот факт, что Черниговская волость оставалась под управлением Давыда Святославича, красноречиво свидетельствует о том, что политическое положение Владимира Мономаха не могло быть аналогично политическому положению его деда Ярослава и отца Всеволода, под властью которых находились все три главных города Южной Руси. Так что о единовластии Мономаха — даже в узких географических рамках «Русской земли» — говорить не приходится, ибо все важные политические решения он должен был принимать на основе компромисса со Святославичами, что демонстрирует хотя бы рассмотренный выше казус во время вышгородских торжеств 1115 г., тогда как если бы Владимир Мономах был главой «единовластной и централизованной монархии», подобный казус просто не имел места.

Также трудно согласиться и с тем, что он «с первых шагов» стал стремиться к единовластию. Во-первых, потому, что в это время попытки установления единовластного правления осуждались древнерусскими интеллектуалами, доказательством чего могут служить тексты Борисоглебского цикла или лето-

писное «Рассуждение о князьях» под 1015 г., по А. А. Шахматову, принадлежащее составителю «Начального свода». Так что Мономах просто не мог поставить перед собой такой задачи без риска уподобиться Святополку Окаянному, убийце Бориса и Глеба, которому инкриминировалось именно стремление к единовластию. Во-вторых, потому, что первые шаги Мономаха были направлены на стабилизацию политического положения в Киеве и «Русской земле» в целом после апрельских событий 1113 г., результатом которых стало появление «Устава».

Вообще в политике Мономаха периода киевского княжения отчетливо просматриваются два этапа: в 1113–1115 гг. он занимает осторожную позицию, но в 1116–1125 гг. его действия приобретают более жесткий характер, направленный на упрочение политического авторитета Киева, следствием чего явились устранение «нелояльных» князей и переход вакантных волостей в руки членов его семьи, но тот факт, что Мономах не сразу лишал своих политических оппонентов их стольных городов, опять-таки свидетельствует о том, что изначально он не стремился утвердить за членами своего клана «монополию» на владение волостями, которая сложилась в определенной степени случайно. В то же время нельзя не заметить, что отношение Мономаха к своим родственникам являлось двойственным, поскольку он стремился только к подчинению князей правого берега Днепра, тогда как князья левого берега были для него равноправными партнерами.

Причины этого могут заключаться как в том, что решения Любечского съезда по вопросу о «наследстве» Святослава Ярославича способствовали переориентации геополитических интересов правителей Киева на западный берег Днепра, так и в том, что Святославичи, по-видимому удовлетворившись получением в 1097 г. своей «отчины», демонстрировали лояльность Мономаху, который использовал их как своих естественных союзников, разорвав альянс с сыновьями Святополка Изяславича. Для клана Святополка этот шаг Мономаха имел самые печальные последствия, так как его потомки оказались на долгое время исключены из политической жизни Руси. Их «отчины» — Киев, Туров и Владимир-Волынский — остались за Мономашичами. Лишь во второй половине XII в. сыну Ярослава Святополчича Юрию удалось вернуть одну из этих воло-

стей — Туровское княжество, — но это не вернуло потомкам Изяслава их прежнего политического значения.

Во второй период своего княжения Мономах применял санкции не только по отношению к оппозиционным князьям, но и по отношению к мятежным представителям новгородской элиты. Как сообщается в Новгородской I летописи под 6626 (1118/19) г., «привели Владимир с Мстиславом всех бояр новгородских к Киеву и, заставив присягнуть честному кресту, отпустили домой, а иных у себя оставили; и разгневались на тех за то, что они грабили Даньслава и Ноздречю, и на сотского, на Ставра, и заточили их всех»²⁶⁷.

Этот акт также имеет различные интерпретации. По мнению С. М. Соловьёва, жесткая реакция киевского князя была вызвана злоупотреблениями новгородской администрации, представители которой устраивали грабежи за спиной князя Всеволода Мстиславича²⁶⁸. Н. И. Костомаров считал, что Мономах и Мстислав расправились с немногочисленной боярской партией, восставившей против себя большинство бояр²⁶⁹. И. Д. Беляев предположил, что новгородцы заплатились за проявление недовольства против Всеволода Мстиславича, выразившегося в ограблении его сторонников, или «мужей»²⁷⁰. С точки зрения В. Л. Янина, аресты являлись следствием противостояния боярских группировок, которому могло сопутствовать соглашение об ограничении в пользу посадника полномочий Всеволода Мстиславича, так как непосредственно перед сообщением о репрессиях Мономаха и Мстислава в Новгородской I летописи упоминается, что посадник Дмитр Завидович посадничал семь месяцев один²⁷¹. По А. В. Петрову, в ходе беспорядков Всеволод Мстиславич был изгнан из Новгорода. Для примирения с ним новгородским боярам пришлось ехать в Киев, где наиболее активные представители оппозиции были заключены под стражу²⁷². В. Я. Петрухин акцентировал внимание на том, что факт принесения присяги мог быть связан с переводом Мстислава Владимировича из Новгорода на белгородский стол²⁷³. Но вероятнее всего, в летописи речь шла о присяге для урегулирования внутригородских столкновений: если данная присяга была бы связана с переходом Мстислава с одного стола на другой, то она была бы принесена при отъезде Мстислава на юг в 1117 г. Судя по летописным известиям, мы можем предположить, что Владимир

и Мстислав выступали в роли третейских судей, вынужденных улаживать конфликт среди представителей новгородского боярства, так как князь Всеволод Мстиславич по неизвестным причинам отсутствовал в Новгороде, а посадник Дмитрий Завидович, способный выполнить функции арбитра, скончался 7 июня (или июля) 1118 г. Вероятно, отсутствие высшей администрации в конце концов заставило участников конфликта обратиться в Киев, где князья-соправители восстановили мир в рядах новгородской знати крестным целованием и задержали наиболее активных участников беспорядков. В 6628 (1120/21) г., очевидно для поддержания стабильности, посадником в Новгород был назначен некий Борис, по историографической традиции считающийся ставленником Мономаха. Таким образом, события 1118–1121 гг. позволяют говорить о временном усилении киевского контроля над Новгородом, что органично вписывается в общий контекст политики Владимира между 1116 и 1125 г., которая в этот период приобрела авторитарные черты.

1116 г. был переломным и для внешней политики Владимира Мономаха, который решил начать войну с византийским императором Алексеем I Комнином (1081–1118). По свидетельству Ипатьевского списка «Повести временных лет», «в этот же год ходил Леон царевич (в Лаврентьевской летописи — Леон Диогенович), зять Владимира, на Алексея царя, и сдалось ему несколько дунайских городов; и в Дерестре городе хитростью убили его два сарацина, подсланные царем, месяца августа 15. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича, и тот посажал посадников по Дунаю. <...> В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомою Ратиборичем и, придя к Дерестру, не успели ни в чем, вернулись обратно»²⁷⁴. Под именем «царевича Леона» летописец подразумевает претендента на византийский престол, выдававшего себя за сына императора Романа IV Диогена (1068–1071), который был низложен и ослеплен после того, как проиграл туркам-сельджукам битву при Манцикерте.

Это был не первый претендент на родство с императором Романом Диогеном, так как, по свидетельству «Повести временных лет» под 1095 г., человек, выдававший себя за его сына («Девгеневича»), сумел убедить половцев совершить вторжение на территорию Византии, но был схвачен и ослеплен

по приказу Алексея I Комнина («Ходили половцы на греков с Девгеневичем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневича и приказал его ослепить», — говорится в летописи)²⁷⁵.

Дочь и биограф Алексея I Анна Комнина в своем сочинении под названием «Алексиада» рассказывает, что «какой-то человек, не принадлежавший к знатному роду, происходивший из низов, в прошлом воин» объявил себя сыном Романа Диогена, «хотя настоящий сын Диогена был убит еще в то время, когда Исаак Комнин, брат самодержца (то есть императора Алексея. — Д. Б.), сражался с турками у Антиохии». По словам принцессы, «он явился с Востока в овчине, нищий, подлый и изворотливый» и «обходил город дом за домом, улицу за улицей, рассказывая о себе небылицы», что он «сын прежнего императора Диогена, тот самый Лев, который, как уже было сказано, был убит стрелой под Антиохией», а затем «присвоил себе его имя и стал открыто домогаться императорской власти, вовлекая в обман легковерных». Если верить утверждению Анны Комниной, император пренебрегал этими слухами, однако на них обратила внимание его сестра Феодора, которая была женой покойного сына Диогена и после его гибели удалась в монастырь. После того как самозванца не удалось образумить, Алексей I приказал выслать его в Херсон и взять под стражу. Императорский приказ, по всей видимости, исполнялся не слишком усердно, поскольку, очутившись в Херсоне, он стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами (половцами), которые обычно туда приходили торговать. Наконец, «обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз».

Некоторое время претендент на престол прожил вместе с куманами и «достиг того, что куманы уже стали называть его императором», а затем решили вторгнуться всем войском в Ромейскую землю, чтобы посадить его на трон, якобы принадлежавший его отцу. Как утверждает Анна Комнина, «такие у него были намерения, и они не остались неизвестными самодержцу», поэтому Алексей I «как можно лучше вооружил войска и приготовился к войне с варварами». После того как претендент совершил вторжение на территорию Византии, ему удалось получить поддержку у населения некоторых го-

родов. Однако под стенами крепости Анхиал он встретил ожесточенное сопротивление и направился к Адрианополю, рассчитывая на помощь Никифора Вриенния, названного брата Романа Диогена. По словам Анны Комниной, «это была всем известная правда, но самозванец дошел до такого бесстыдства, что на самом деле называл Вриенния своим дядей». Несмотря на то что бои под Адрианополем продолжались на протяжении сорока восьми дней, претенденту не удалось взять город. Не получил он также и поддержки Никифора Вриенния, который открыто заявил, что не признает в нем сына Романа Диогена, так как «подлинный сын Романа» был убит под Антиохией. Императору Алексею I, который планировал отправиться на помощь Адрианополю, в последний момент удалось разрешить ситуацию при помощи некоего Алакасея, знавшего отца самозванца. Тот вошел к нему в доверие и устроил ложную капитуляцию крепости Пуца, начальник которой пригласил претендента и сопровождавших его куманов в баню, где кочевники, заснувшие после застолья, были перебиты, а оставленный в живых претендент, по всей видимости, был арестован и вскоре ослеплен по приказу матери императора — она «немедленно послала друнгарию флота, евнуха Евстафия Киминиана, чтобы тот принял Диогена и доставил его в столицу», а этот Евстафий «имел при себе одного турка по имени Камир, которого он использовал для ослепления Диогена»²⁷⁶.

Несмотря на подробность рассказа, слова Анны о том, что настоящий Лев Диогенович погиб под Антиохией опровергаются свидетельством ее мужа, историка Никифора Вриенния, согласно которому, сына Романа Диогена, погибшего под Антиохией, звали не Лев, а Константин²⁷⁷. Так что в данном случае возможны различные варианты конструирования событий. В качестве примера можно привести точку зрения В. Г. Васильевского, который, с одной стороны, считал, что человек, чья авантюра была описана Анной Комниной, являлся самозванцем, а с другой предполагал, что Роман Диоген имел двух сыновей по имени Лев — одного от второго брака с императрицей Евдокией, другого — от первого брака с представительницей болгарского аристократического рода Алусианов, чем, по его мнению, и объяснялось притязание «Лео-на царевича» в 1116 г. на дунайские города²⁷⁸. Несмотря на то что точка зрения Васильевского, сформулированная в 1875 г.,

на рубеже XIX–XX вв. получила развитие у П. Н. Безобразова, М. Д. Присёлкова и, в несколько модифицированном виде, у Д. И. Иловайского, она имела целый ряд уязвимых мест, которые были подробно рассмотрены М. В. Левченко²⁷⁹. Взгляды позднейших исследователей разделились так, что одни продолжали считать зятя Мономаха сыном Романа Диогена — причем в некоторых случаях имела место рецепция гипотезы В. Г. Васильевского²⁸⁰; другие — самозванцем, причем в некоторых случаях имело место отождествление участника событий 1095 и 1116 гг.²⁸¹

Учитывая длительный временной интервал, во-первых, трудно допустить, что это было одно и то же лицо; во-вторых, не менее трудно понять, каким образом самозванец мог настолько войти в доверие к Владимиру Мономаху, что тот женил его на своей дочери (от этого брака родился сын, известный в летописях под именем Василия Леоновича); в-третьих, не ясно, какие именно соображения в таком случае могли подвинуть Владимира Мономаха к тому, чтобы через два десятилетия после событий 1095 г., которые, хотя бы в общих чертах, должны были быть ему известны, он мог поддержать авантюру, подобную той, что была описана Анной Комниной. Насчет последнего вопроса был высказан ряд соображений: согласно одной точке зрения, русско-византийский конфликт мог быть реакцией на захват византийцами Тмуторокани²⁸², согласно другой — был обусловлен стремлением Мономаха укрепиться в Нижнем Подунавье, а возможно, и упрочить за своим внуком Василием Леоновичем византийский трон²⁸³.

Но вряд ли Владимир Мономах мог ставить перед собой столь амбициозную и труднодостижимую задачу. Сомнительно также, чтобы он открыл военные действия из-за утраты русскими Тмуторокани, упоминания о которой исчезают из «Повести временных лет» после 1094 г., так как Тмуторокань была волостью Олега Святославича и (если предположение о ее захвате византийцами верно) отвоевывать ее у Византии следовало бы сыновьям Олега или в худшем случае Давыду Святославичу. Так что из всех гипотез наиболее реалистичным представляется предположение о том, что целью Владимира Мономаха было завоевание устья Дуная, так как гибель «Леона Диогеновича» не заставила его отказаться от этих планов. Для их реализации он снарядил еще одну экспедицию во

главе со своим сыном Вячеславом, закончившуюся безрезультатно. После этого для нормализации отношений Руси и Византии, вероятно, потребовалось несколько лет. По-видимому, мир был заключен в начале 1120-х гг., так как под 1122 г. в Ипатьевской летописи имеется сообщение о заключении брака между дочерью Мстислава Владимировича (известной в историографии под именем Добродеи Мстиславны) и византийским царевичем²⁸⁴ — как полагают исследователи, либо с племянником Алексея I²⁸⁵, либо с одним из его внуков — Алексеем²⁸⁶ или Андроником²⁸⁷.

Последний год княжения Мономаха оказался омрачен землетрясением в Переяславле и крупным пожаром в Киеве, в результате которого летом 1124 г. «погорело Подолье все в канун святого рожества Иоанна Крестителя и Предтечи, а на утро того дня погорела Гора и все монастыри, что на Горе в городе, и квартал еврейский»²⁸⁸. Мономах скончался меньше чем через год после этой катастрофы, 19 мая 1125 г., на реке Альте, возле церкви Святых Бориса и Глеба, которую он заложил в 1117 г.

В летописной традиции сохранилось два панегирических некролога умершему князю — краткий (в Ипатьевской летописи под 1126 г. по ультрамартовскому стилю) и пространный (в Лаврентьевской летописи под 1125 г. по сентябрьскому стилю)²⁸⁹. Содержание краткого некролога сводилось к следующему: «Преставился благоверный (и благородный) князь, христоролюбивый великий князь Всея Руси Владимир Мономах, который просветил Русскую землю как солнце испускающее лучи; слух о нем прошел по всем странам, более же всего он был страшен язычникам, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю. Его же преставление случилось в 19-й день мая и тело его, спрятав, положили у Святой Софии, [около] отца Всеволода, с пением обычных песней над ним. Святители же сокрушались и плакали по святом и добром князе, весь народ и все люди по нем плакали, как дети плачут по отцу или по матери, так плакались по нем все люди и сыновья его — Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Георгий, Андрей, и внуки его, — и так разошлись все люди с жалостью великою, так же и сыновья его разошлись каждый в свою волость с плачем великим, согласно тому, какую кому из них он дал волость»²⁹⁰.

Куда более подробно содержание некролога в Лаврентьевской летописи: «Преставился благоверный и великий князь Русский Владимир, сын благоверного отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославленный в победах. От имени его трепетали все страны и по всем землям прошел слух о нем, потому как он всей душой возлюбил Бога. Но также и нам мнится, что мы Бога любим, но пренебрегаем сохранением его заповедей. Тогда явился [человек], любящий Бога, любящий изреченные им заповеди хранить. Этот дивный [человек], князь Владимир, стремился Божьи заповеди хранить и Божий страх иметь в сердце, поминая слово Господне...»

Этот комментарий, содержащий отсылки к библейским идеям о милосердии, имеет книжный характер, призванный представить Владимира Мономаха в образе «идеального правителя», так что акцент прежде всего здесь делается на том, что он, «заповедь Божью храня, добро творил врагам своим, отпуская их с дарами» и «не щадя имения своего, раздавал тем, кто требовал, возводил и украшал церкви, чтил без меры чин монахов и попов, давая им подавание, если требовалось, и принимая их молитвы».

Отдельно подчеркивались заслуги Мономаха в укреплении борисоглебского культа: «...великую же веру он имел к Богу и к родичам своим, к святым мученикам Борису и Глебу, которым церковь прекрасную создал на Альте, во имя их, где святого Бориса кровь пролилась». Этот литературный портрет завершает следующая характеристика: «Был он жалостлив же сильно и этот дар от Бога принял: когда входил в церковь и слышал пение, то начинал плакать и так как мольбы к владыке Христу со слезами обращал, то Бог все его просьбы исполнял и наполнил годы его добрыми делами, и сидел он в Киеве, на столе отца, 13 лет, и в год 6633 от начала мира скончался в 19-й день месяца мая, прожив от рождения своего 73 года, на Альте, у милой церкви, которую создал многими трудами. Сыновья же его и бояре принесли тело его в Киев и положен он был в Святой Софии у отца своего»²⁹¹.

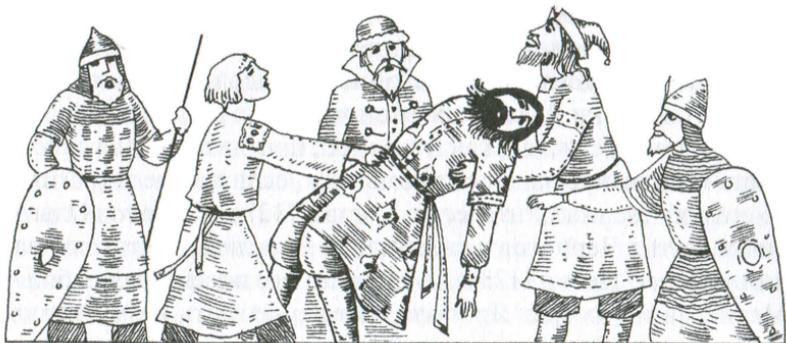
Сравнивая два летописных некролога Владимиру Мономаху, следует отметить, что некролог из Ипатьевской летописи, отражающей южнорусскую летописную традицию (Киевский свод) XII столетия, несмотря на элементы панегирического характера, передает факты, включая перечисление всех здрав-

ствовавших в то время сыновей киевского князя, тогда как некролог из Лаврентьевской летописи (присутствующий также в сходных с ней Радзивилловском и Московско-Академическом списках, отражающих северорусскую летописную традицию XII — начала XIII в.), напротив, скуден фактическим содержанием и имеет ярко выраженный литературный характер. Он как бы подводит своеобразный итог усилиям книжников XII столетия по созданию «культы личности» Мономаха, основа которого, как мы говорили выше, была заложена в «Повести временных лет».

Надо отметить, что в обоих вариантах некролога Владимир Мономах именуется «великим князем», но этот титул до конца XII в. имел лишь периодическое употребление в текстах и превратился в официальный титул некоторых русских князей позже. Интересно, что в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» великокняжеский титул употребляется в некрологах Ярославу и его сыну Всеволоду, однако в Ипатьевском списке он отсутствует. Упоминание о «великих князьях» имеется и в тексте русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., однако фактическое значение этого титулования до конца до сих пор не выяснено, поскольку в древнейших списках летописи он не является регулярным и, как полагают исследователи, превращается в таковой ближе к концу XII столетия²⁹².

Анахронизмом является и применение к титулу Мономаха определения «Всея Руси», которое появляется лишь в начале XIV в. при великом князе Владимирском Михаиле Ярославиче (1305—1318). Но в любом случае к моменту смерти Мономаха в 1125 г. его политические возможности были весьма обширны: помимо Киева он контролировал Переяславскую, Ростово-Суздальскую, Смоленскую, Владимиро-Волынскую, Новгородскую земли, где сидели на княжении представители его семьи, а также, вероятно, Минскую волость и часть Туровской волости (за исключением «дреговичских земель», которые были «отчиной» Ольговичей).

«Ряд Мономаха» и династическая борьба Мономашичей

Наиболее заметным успехом Владимира Мономаха во внутренней политике стало упрочение политического господства на правом берегу Днепра и утверждение за своей семьей монополии на киевский стол, который 20 мая 1125 г. занял его старший сын Мстислав. Новый глава клана Мономашичей являлся безусловным лидером среди русских князей, что было продемонстрировано в 1127 г. во время очередной войны в Полоцкой земле. Согласно летописям, в тот год «послал князь Мстислав братью свою на кривичей четырьмя путями: Вячеслава из Турова, Андрея из Владимира, Всеволодка [сына Давыда Игоревича] — из Городна, Вячеслава Ярославича [сына Ярослава Святополчича] — из Клецьска; этим повелел идти к Изяславлю, а Всеволоду Ольговичу повелел идти на Стрежнев, к Борисову, и Ивана Войтишича послал с торками, и сына своего Изяслава со своим полком послал из Курска на Логожеск, а другого сына своего, Ростислава, послал с жителями Смоленска на Друцк, сказав им, чтобы все устроили нападение в один день, 10 августа»²⁹³.

Следствием этой кампании, в которой должны были принять участие и новгородские отряды старшего сына киевского князя Всеволода Мстиславича, стали изменения на полоц-

ком столе, с которого был изгнан один из сыновей Всеслава Брячиславича Давыд и возведен на княжение его брат Рогволод, чья кандидатура была одобрена в Киеве. Однако через некоторое время полоцкие князья по приказу Мстислава были высланы в Византию (как говорится в летописях, за нарушение «крестного целования»), а в Полоцк направлен Изяслав Мстиславич (1129). Таким образом, Мстислав Владимирович продолжил тенденцию к расширению владений Мономашичей, зарекомендовав себя достойным продолжателем авторитарной политики Владимира Мономаха.

Впрочем, Мстислав, как и его отец, иногда проявлял склонность к политическим компромиссам, если это не затрагивало его собственных интересов. Когда в 1127 г. Всеволод Ольгович захватил Чернигов у своего дяди Ярослава Святославича, княжившего здесь с 1123 г., и «дружину его посекал и разграбил», Мстислав и его брат Ярополк хотели наказать возмутителя спокойствия. Всеволод, готовясь отразить нападение, нанял половцев, а когда соединение с половцами сорвалось, вступил в переговоры с киевским князем и попытался подкупить его бояр. Так как против вмешательства Мстислава выступило киевское духовенство, освободившее его от клятвы помогать Ярославу Святославичу, он отказался содействовать ему в возвращении черниговского стола. Ярослав был вынужден довольствоваться оставшимся за ним Муромом, где и скончался в 1129 г.

«Конфликт поколений» в клане Святослава Ярославича послужил к выгоде клана Мономаха, поскольку в ходе борьбы за черниговский стол Всеволод Ольгович утратил контроль над Курском и территориями по течению реки Семь: в Лаврентьевской летописи под 1127 г. сообщалось, что «Ярополковы посадники были по всей Семи и Мстиславича Изяслава посадил в Курске»²⁹⁴. Так как через несколько месяцев после этого Всеволод вместе с новым курским князем принимал участие в войне, начатой против полоцких князей, исследователи полагают, что его примирение с Мстиславом стало возможным благодаря признанию сложившегося положения вещей — то есть передаче Мономашичам Курска и Посемья²⁹⁵.

После смерти Мстислава 15 апреля 1132 г. власть в Киеве перешла к Ярополку, получившему киевский стол по завещанию брата, «гарантами» которого выступили киевляне.

В Ипатьевской летописи по этому поводу говорится: «Преставился благоверный князь Мстислав, Владимира сын, оставив княжение брату Ярополку, ему же и детей своих с Богом на руки передал»²⁹⁶. В Лаврентьевской же добавлено упоминание о том, что «послали люди киевские к нему». Здесь же сообщалось, что после вокняжения в Киеве Ярополк «привел из Новгорода Всеволода Мстиславича и дал ему Переяславль, по крестному целованию, которое он урядил с братом своим Мстиславом, согласно повелению отца, который дал им Переяславль вместе с Мстиславом»²⁹⁷.

Буквально этот текст можно было бы интерпретировать таким образом, что Мономах установил над Переяславлем коллективное совладение (кондоминиум) своих старших сыновей, но Мстислав княжил не в Переяславле, а в Белгороде. Поэтому в историографии это соглашение, известное под названием «ряда Мономаха», рассматривается как попытка десигнации потомства Мстислава через передачу им наследственной «отчины» Всеволодовичей.

Так, М. С. Грушевский, комментируя это летописное известие, писал, что проект, который могли разработать как старшие Мономашичи, так и сам Мономах, предусматривал, что после смерти Мстислава Киев должен был перейти к его бездетному брату Ярополку, а после вернуться к сыну Мстислава, переведенному в Переяславль из Новгорода, так как «только за этим Всеволод мог сменить новгородский стол на переяславский» (о чем прямо говорится в новгородских летописях — см. ниже). Грушевский считал, что нет причин сомневаться в достоверности рассказа о «ряде», так как «Ярополку или Мстиславичам ничего не помогло бы выдумывать эти апокрифические распоряжения Мономаха, ибо князья были люди рассудительные и знали, что добрый дружинный полк окажется лучшим документом, нежели всякие договоры и заветания», но затруднялся сказать, было ли обусловлено это решение стремлением отстранить от киевского стола следующего по старшинству брата, Вячеслава Владимировича, или необходимостью урегулировать порядок наследования между младшими дядьями и старшими племянниками²⁹⁸.

Гипотеза Грушевского получила развитие у А. Е. Преснякова, который считал, что «Владимир перед кончиной, оставляя Мстиславу золотой стол киевский, дает ему вместе с Яропол-

ком Переяславль» и это «могло иметь лишь смысл предоставления Мстиславу права распорядиться переяславским столом и утвердить на него отчинные права Мстиславичей». Мстислав после смерти отца «урядился крестным целованием с Ярополком о передаче по отню повелению Переяславля Мстиславичу Всеволоду, точнее вообще Мстиславичам, как их отчину», так что «совокупность известий дает представление о последовательно проводимой династической реформе, вполне согласной с общим характером деятельности Мономаха»²⁹⁹. В последнее время эти представления были актуализированы А. В. Назаренко, также рассматривающим «ряд Мономаха» как династическую реформу³⁰⁰. Однако реализация этого «ряда», какой бы ни была его первоначальная цель, оказалась сорвана усилиями младших сыновей Мономаха, послужив предпосылкой не для укрепления позиций Мономахичей, а, напротив, для ослабления их.

Княжение Всеволода Мстиславича в Переяславле продолжалось всего лишь несколько часов. По свидетельству летописцев, он сел в Переяславле с утра, а до обеда его выгнал дядя Юрий, явившийся в город «с полком», и «сидел по нем 8 дней, и вывел его брат Ярополк из Переяславля крестного целования ради»³⁰¹. Правда, киевский князь был тверд в своем решении передать Переяславль Мстиславичам и вызвал из Полоцка младшего брата Всеволода, Изяслава, но это решение, по сути дела, вызвало «эффект домино», разрушившее существовавшую в тот момент политическую конфигурацию.

Преемником Изяслава в Полоцке стал его брат Святополк Мстиславич, однако полочане вскоре выгнали его из города, пригласив на вакантный стол Василько Святославича, одного из внуков Всеслава Брячиславича. «Видев же то, Ярополк уладился с братией и дал Переяславль Вячеславу, а Изяслава вывел с нуждою. И той же зимой дал Изяславу Туров и Пинск к Минску, то были оставшиеся передние волости его»³⁰². Таким образом, ради консолидации клана уже к концу 1132 г. Ярополк был вынужден вернуться к передаче переяславского стола по старшинству.

Но перевод Всеволода Мстиславича в Переяславль вызвал недовольство новгородцев. По этому поводу в Новгородской I летописи сказано следующее: «В год 6640 (1132)-й преставился Мстислав Владимирович в Киеве, в 14-й [день] апреля,

а Ярополк сел на столе, брат Мстислава. В этот же год ходил Всеволод на Русь, [к] Переяславлю, по повелению Ярополка, а целовал крест новгородцам: “Хочу у вас умереть”. И сказали Юрий и Андрей: “Это Ярополк брат по смерти своей хочет дать Киев Всеволоду, племяннику своему”. И выгнали его из Переяславля, и пришел опять к Новгороду. И было восстание великое в людях, и пришли псковичи и ладожане к Новгороду, и выгнали князя Всеволода из Новгорода, и потом, подумав, возвратили назад в Устьях»³⁰³.

Новгородский летописец сообщает несколько очень важных для понимания ситуации деталей. Во-первых, он говорит, что Юрий действовал против Всеволода в союзе с младшим братом Андреем, а во-вторых, свидетельствует о том, что распря касалась не столько переяславского княжения, сколько права наследования киевского стола. Следует обратить внимание на то, что решение Ярополка, по-видимому, ущемляло права сыновей Мономаха от его второго брака, а вовсе не Вячеслава, как думал М. С. Грушевский и принявшие его гипотезу исследователи³⁰⁴. Не Вячеслав, а его младшие братья Юрий и Андрей, если верить новгородскому летописцу, выступили против новой политической конфигурации в «Русской земле», что позволяет сделать следующий вывод: «ряд Мономаха» каким-то образом ограничивал перспективы занятия киевского стола именно в отношении них. Инертность Вячеслава в этом династическом конфликте, напротив, позволяет предполагать, что решением Ярополка его интересы не были затронуты. Тот факт, что имя Вячеслава не упоминается в летописном рассказе и в качестве «душеприказчика», на которого возложено выполнение «ряда», назван лишь Ярополк, находит естественное объяснение в том, что Ярополку принадлежало «старейшинство» над Вячеславом и к тому же, будучи переяславским князем, он имел непосредственную возможность распорядиться этой волостью. После того как Полоцк вышел из сферы влияния Мономашичей, Ярополк, видимо, предпочел перестраховаться и с помощью назначения в Переяславль Вячеслава исключить предпосылки к углублению противостояния внутри клана, которому, быть может, предстояло выступление против Полоцка.

Негативная реакция новгородцев также вполне объяснима, если вспомнить, что в 1101 г. они выразили недовольство

аналогичным поступком Святополка Изяславича и воспрепятствовали переводу с севера на юг Мстислава Владимировича. Этот демарш заставил киевского князя принять экстренные меры, послав в 1133 г. в Новгород Изяслава Мстиславича, которому он «дал дани печерские и от Смоленска дар, и так крест целовали»³⁰⁵. Это известие Лаврентьевской летописи породило в исторической литературе различные интерпретации. Высказывалось предположение, что эти средства предназначались для стабилизации положения в Новгороде, а так как Ярополк не имел больших ресурсов, ему пришлось делать заем в Киево-Печерском монастыре и обращаться к княжившему в Смоленске младшему брату Всеволода Ростиславу Мстиславичу³⁰⁶. Однако из летописного рассказа трудно понять, предназначались ли средства, которые доставил в Новгород Изяслав, для умиротворения восставших новгородцев, или это была компенсация Всеволоду Мстиславичу за потерю переяславского стола³⁰⁷. Иными словами — за невозможность выполнить условия «ряда Мономаха». В результате поездки Изяслава было заключено какое-то соглашение, так как в тексте говорится о принесении присяги.

Вскоре у Мономашичей начались неприятности на юге. Под 1133 г. в Лаврентьевской летописи говорится: «...И начал лишаться Вячеслав Переяславля, и дойдя до Городца, возвратился опять». Под 1134 г. та же летопись сообщает: «...В ту же зиму вышел Вячеслав из Переяславля и пошел опять к Турову, не послушав брата своего Ярополка»³⁰⁸. Между тем в Ипатьевской летописи об этом говорится несколько иначе: «Той же зимой Вячеслав, лишившись Переяславля, пошел опять к Турову, не послушав брата своего Ярополка»³⁰⁹. В свою очередь, Изяслав Мстиславич, если верить Лаврентьевской летописи, зимой 1134/35 г. был вынужден уйти из Турова в Минск³¹⁰.

Ясно, что Вячеслав покинул переяславский стол не по своей воле, а под давлением. Поскольку мы не имеем известий о том, что это могли быть беспорядки в самом городе, остается предполагать, что это было давление извне. Очевидно, оно исходило не от Ярополка, который стремился удержать брата на княжении в Переяславле, чтобы сохранить установленное в 1132 г. равновесие, и не от Изяслава Мстиславича, который в 1133—1134 гг. находился в Новгороде, а после ухода Вячеслава из Переяславля утратил Туров и был вынужден доволь-

ствоваться Минском, из чего следует, что он не мог оказывать давление на Вячеслава, когда тот сидел на переяславском столе. Поэтому, остается предположить, что из Переяславля Вячеслава «выжил» кто-то из младших Мономашичей.

Действительно, под 1134 г. мы находим в летописях сообщение о том, что «Юрий испросил у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дал Суздаль и Ростов, и прочую волость свою, но не всю»³¹¹. Но для чего же Юрий мог добиваться изгнания Вячеслава из Переяславля? Если посмотреть на эти усилия в контексте предположения о том, что «ряд» был призван устранить от наследования киевского стола сыновей Мономаха от его второго брака, ответ становится очевиден. Компромиссное решение, предложенное Ярополком в 1132 г., отнюдь не снимало с повестки дня эту проблему, а вокняжение Юрия в Переяславле, который он на сей раз попытался добыть не оружием, а ценой территориальных уступок, гарантировало его право на наследование киевского стола, тем более что Переяславль, как мы говорили выше, в XII в. стал вторым по значению городом Южной Руси.

Из Новгородской I летописи мы знаем, что как раз в 1134 г. обострились отношения Юрия с Всеволодом Мстиславичем, так как «начали говорить о Суздальской войне новгородцы» и «в том же году ходил Всеволод с новгородцами, хотя брата своего посадить в Суздале, и возвратился на Дубне опять», а Изяслав «пошел к Киеву и раздралась вся земля Русская». По всей видимости, первая фаза военных действий, имевшая целью передачу Суздаля Изяславу Мстиславичу, являлась мессией Юрию за изгнание Всеволода из Переяславля. Однако эта фаза закончилась безрезультатно: Изяслав был вынужден вернуться назад. Вторая фаза кампании против Юрия была предпринята зимой 1134/35 г., когда «пошел Всеволод на Суздаль ратью и вся новгородская область месяца декабря в 31-й день», и 26 января «бились на Ждане горе и много зла сотворили», и потом «заклучив мир, пришли опять»³¹².

Свидетельства о надвигающейся войне с Новгородом делают понятным тот факт, почему в 1134 г. Юрий предпочел отказаться от Суздаля и Ростова в обмен на Переяславль, однако его вокняжение здесь не принесло спокойствия «Русской земле». Против выступили Ольговичи, и это на первый взгляд может вызвать недоумение, если иметь в виду, что обмен во-

лостями произошел внутри клана Мономашичей. Внести ясность в этот вопрос позволяет подробный рассказ Ипатьевской летописи: «...Пошел Ярополк с братией своей, Юрием и Андреем, на Всеволода, на Ольговича, и взял около города Чернигова села. Всеволод же не вышел биться против, потому что половцы еще не пришли к нему. Ярополк же постоял несколько дней у Чернигова и возвратился в Киев, распустив воинов своих, а с Всеволодом никак не уладился, ни мира с ним [не] сотворил. И половцы пришли к Всеволоду. Всеволод же с братией своей и с Изяславом и Святополком Мстиславичами пошел, воюя, по селам и городам Переяславской волости, и людей убивая. И даже до Киева пришел, и Городец зажег на святого Андрея день».

С помощью Ольговичей Мстиславици решили отстоять права на Переяславль, полагавшиеся им по «ряду Мономаха». Впрочем, в этом конфликте Ольговичи преследовали и собственную цель, предъявив Ярополку требование: «Что наш отец держал при вашем отце, того же и мы хотим»³¹³. По общему мнению историков, сыновья Олега Святославича требовали у киевского князя возвращения территорий, которые были утрачены ими в 1127 г., после перехода Изяслава Мстиславича на полоцкий стол, то есть Курска с Посемьем³¹⁴, по всей видимости присоединенных к Переяславскому княжеству.

«Той же зимой [Ярополк] собрал воинов киевских, а Юрий — переяславских, и стояли у Киева 8 дней, и замирился Ярополк со Всеволодом и дал Переяславль Андрею, брату своему, а Владимир — Изяславу Мстиславичу»³¹⁵. Таким образом, был достигнут очередной компромисс: Юрия убрали из Переяславля, но так как город перешел к его брату Андрею, права младших Мономашичей были соблюдены, в то время как Изяслав Мстиславич взял Вольтынь. Однако этот компромисс, по всей видимости, касался только переяславского княжения и не затрагивал проблемы возврата волостей, поставленной на повестку дня Ольговичами, которые вновь открыли военные действия против сыновей Мономаха.

В конфликт оказался втянут и Новгород: «Ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами и пришел, не успев ничего. Сильно возмутилась земля Русская: Ярополк звал новгородцев к себе, а черниговцы — к себе, и бились, и помог Бог Ольговичам с черниговцами, и многие

киевляне были иссечены, а другие схвачены, в месяце августе», — писал новгородский летописец под 1135 г.

Всеволод Ольгович, придя со своими братьями к Переяславлю, три дня пытался взять город, а затем отступил в верховья реки Супы, где дождался прихода Ярополка и его братьев. Состоявшееся 8 августа 1135 г. сражение закончилось для Мономашичей катастрофой: после того как союзные Ольговичам половцы обратились в бегство, преследуемые «лучшей дружиной Владимировичей», Ярополк с братьями покинул поле битвы, а возвратившаяся назад дружина оказалась в руках Всеволода. В плен попали многие киевские бояре, а внук Владимира Мономаха Василий (сын «Леона Диогеновича») был убит. После этого Всеволод перешел реку Десну и встал напротив Вышгорода, но, когда Ярополк стал собирать против него войско, ушел к Чернигову. Переговоры между ними ни к чему не привели, поэтому в декабре того же года Ольговичи вместе с половцами переправились через Днепр и стали опустошать города Киевской земли.

Несмотря на то что Ярополк «собрал множество воинов на них из всех земель», конфликт удалось уладить мирным путем. «...И сотворил [он] с ними мир в 12-й [день] января, и целовали крест между собой, ходил между ними митрополит Михаил с крестом, и дал Ярополк Ольговичам отчину свою, чего и хотели...» — говорится в Ипатьевской летописи³¹⁶, в то время как в Новгородской I упоминается о том, что одним из посредников в урегулировании конфликта являлся глава новгородской епархии: «...в тот же год, на зиму, пошел в Русь архиепископ новгородский Нифонт с лучшими мужами и застал киевлян с черниговцами стоявшими друг против друга со множеством воинов, и Божьей волей они замирились». По всей вероятности, выступление Всеволода Ольговича сначала против Юрия, а затем против Андрея было обусловлено тем, что при вступлении в Переяславль они отказывались уступать ему Курск и Посемье, которое в конце концов был вынужден вернуть Ярополк. Однако в том же году по гегемонии клана Мономаха был нанесен куда более серьезный удар.

На сей раз центром событий стал Новгород, где возник заговор против Всеволода Мстиславича, среди обвинений, предъявленных которому, было и то, что он хотел сесть на княжение в Переяславле. Как рассказывается в Новгородской I летописи

си, «...новгородцы призвали псковичей и ладожан и задумали изгнать князя своего Всеволода и посадили на епископском дворе с женой, с детьми и с тещей в 28-й день месяца мая; и стерегла их стража день и ночь, по 30 мужей на день. И сидел он 2 месяца, и был отпущен из города 15 июля, а Владимира, сына его, приняли»³¹⁷. Впрочем, пребывание сына Всеволода на новгородском столе продолжалось всего несколько дней.

С этого момента отсчитывается начало Новгородской республики, в которой князь из администратора, подконтрольного Киеву, превратился в администратора, подконтрольного вечу, решавшему по своему усмотрению вопрос о замещении новгородского стола, что зависело как от взаимоотношений князя с городским населением, так и от изменения политической конъюнктуры. Хотя прецедент изгнания правителя из Новгорода был создан еще в 1078 г., когда княжения здесь лишился Глеб Святославич, а в 1132 г., как мы видели выше, новгородцы в первый раз попытались выгнать самого Всеволода Мстиславича, именно после 1136 г. такой способ избавления от «неугодных» князей стал регулярной политической практикой.

В рамках краткосрочной перспективы изгнание Всеволода Мстиславича ознаменовало выход Новгорода из сферы влияния Мономашичей и усиление Ольговичей, один из которых, Святослав, младший брат черниговского князя, прибыл на княжение в Новгород 19 июля 1136 г. Однако он столкнулся с сильной оппозицией, державшей сторону его предшественника. На жизнь Святослава было даже совершено покушение — «стреляли в князя милостники (слуги. — *Д. Б.*) Всеволода, но жив остался», — писал летописец. В марте 1137 г. к Всеволоду бежал новгородский посадник Константин Микулинич и «иных добрых мужей несколько». Затем Всеволод пришел в Псков, так как «был позван тайно новгородскими мужами», в то время как псковичи — по выражению летописца, «приятели его» — дали знать князю, что его вновь хотят видеть на новгородском столе.

В действительности его появление привело лишь к обострению ситуации в Новгороде. «...Когда стало слышно, что Всеволод в Пскове с братом Святополком, был великий мятеж в Новгороде: не захотели люди Всеволода, а другие [люди] побежали к Всеволоду в Псков, и взяли на разграбление

дома их». Между тем Святослав Ольгович «собрал всю землю Новгородскую, и брата своего Глеба, жителей Курска и половцев, и они пошли на Псков прогонять Всеволода», но «не покорились псковичи им, не выгнали от себя князя»³¹⁸. Вскоре Всеволод Мстиславич скончался и его место занял младший брат Святополк. В апреле 1138 г. Святослав Ольгович был изгнан из Новгорода и по пути на юг попал в заключение в Смоленске, принадлежавшем Ростиславу Мстиславичу. Его место в Новгороде занял старший сын ростово-суздальского князя Ростислав Юрьевич, которому удалось заключить мир с псковичами.

Эхо этого конфликта отозвалось в «Русской земле», где возобновилась война Ярополка с Всеволодом Ольговичем. На сей раз киевский князь получил помощь, как от братьев, так и от племянников (подкрепления прибыли из Суздаля, Ростова, Смоленска, Турова, Полоцка и даже от венгерского короля Белы II), так что Всеволод даже собирался бежать к половцам, но под давлением черниговцев был вынужден пойти на переговоры и заключить с Ярополком мир. Следствием этого соглашения, по-видимому, стало освобождение Святослава Ольговича, содержавшегося в Борисоглебском монастыре на Смядыни, так как в следующем году он вместе с братьями действовал уже на территории Южной Руси.

Мирный договор 1138 г. стал последней политической акцией Ярополка Владимировича, скончавшегося в Киеве 17 февраля 1139 г. Его попытки проведения в жизнь «ряда Мономаха» и неудачное лавирование между младшими братьями и племянниками, привели к разобшению некогда единого клана, следствием чего стало сокращение сферы влияния Мономашичей в результате выхода из нее Полоцка, Курска и Новгорода, а также появление мощного политического конкурента на юге в лице Всеволода Ольговича, который не замедлил воспользоваться своим преимуществом сразу же после кончины киевского князя.

Сначала события развивались по традиционному сценарию: после смерти Ярополка «вошел Вячеслав, брат его, в Киев и люди с митрополитом встретили его и посадили на столе его прадеда Ярослава месяца февраля в 24-й день», — сообщается в Лаврентьевской летописи. Но Всеволод Ольгович, «узнав, что Ярополк умер, а Вячеслав сидит в Киеве, собрав

немного дружины, с братом своим Святославом и с [двоюродным братом] Владимиром Давыдовичем пришел в Вышгород и, встав тут, вошел в город». Из Вышгорода черниговский князь отправился к Киеву и, придя, «встал у города в Копыревом конце и начал сжигать дворы, которые были перед городом, в Копыревом конце, месяца марта в 4-й день», — говорится в Ипатьевской летописи.

Далее описания событий в источниках расходятся: по Лаврентьевской летописи, Всеволод сам предложил Вячеславу «уйти добром из города», а по Ипатьевской — Вячеслав, не захотев проливать кровь, послал к нему митрополита и они договорились о том, что Всеволод отведет войска в Вышгород, а Вячеслав уйдет в Туров, оставив Киев Всеволоду. На следующий день, 5 марта, после того как Вячеслав покинул город, Всеволод вступил в Киев³¹⁹. Черниговский стол, который он ранее пообещал своему родному брату Игорю, в итоге был отдан им двоюродному брату Владимиру Давыдовичу.

Соглашение 4 марта 1139 г. положило конец монополии Мономашичей на киевский стол, хотя в рамках Любечской доктрины Всеволод Ольгович не имел на Киев никаких прав и Вячеслав с юридической точки зрения находился в более выигрышном положении, так как Киев был «отчиной» для него, а не для Всеволода. Поэтому не будет преувеличением называть действия черниговского князя военным переворотом, поскольку он совершил вторжение на территорию киевского княжества и вынудил Вячеслава оставить Киев именно под угрозой применения силы.

Летописные свидетельства о действиях Всеволода Ольговича в отношении Мономашичей после вокняжения в Киеве также противоречат друг другу. В Ипатьевской летописи сообщается, что он «начал посылать к Владимировичам и к Мстиславичам, хотя мира с ними, и пригласил князя Изяслава Мстиславича из Владимира, и не захотели они устроить того Всеволоду, и начали сами пересылаться между собой, хотя пойти к Киеву». Иная версия событий приведена в Лаврентьевской летописи, где говорится о том, что «сел Ольгович в Киеве и начал замышлять на Владимировичей и на Мстиславичей, надеясь на свои силы и захотев сам всю землю держать со своей братией, искав под Ростиславом Смоленска и под Изяславом — Владимиром» (в Ипатьевской летописи эти слова

помещены после известия о том, что Всеволод с братом Святославом пошел к Переяславлю на Андрея, а других князей послал на Вячеслава и Изяслава).

Как неоднократно отмечалось в историографии³²⁰, в первом случае мы имеем дело с точкой зрения летописца, благожелательно настроенного к Ольговичам, а во втором — с тенденциозным освещением этих событий в интересах Мономашичей, которое должно было оправдать их выступление против нового киевского князя (на вторичность этого фрагмента в ипатьевском тексте указывает тот факт, что о походе Всеволода и Святослава к Переяславлю здесь говорится два раза). Летописец, лояльный Ольговичам, дает более объективную картину событий, где действия Всеволода являются реакцией на приготовления Мономашичей, которые, несмотря на уступки, сделанные новым главой их клана Вячеславом, не собирались уступать свои права на Киев без боя.

Приоритетом Всеволода было устранение переяславского князя Андрея, на место которого он пытался посадить своего брата. Осуществление этого плана позволило бы убрать Мономашичей из «Русской земли», все три составные части которой в этом случае оказались бы в руках потомков Святослава Ярославича. Впрочем, сначала Всеволод попытался решить дело мирным путем и предложил Андрею княжеский стол в Курске, оставшийся вакантным после смерти его брата Глеба Ольговича. Но Андрей оказался не таким безвольным, как Вячеслав. Посовещавшись со своими дружинниками, он заявил киевскому князю: «Лучше мне смерть с дружиной на своей отчине и дедине принять, нежели курское княжение; отец мой в Курске не сидел, но в Переяславле, хочу на своей отчине смерть принять. Если тебе, брат, не довольно волости всей земли Русской держать, а хочешь этой волости, то убей меня [и будет] тебе волость, а живым не уйду из своей волости, что не удивительно для нашего рода, также и прежде было». После этого Андрей — а скорее всего, враждебно настроенный к Всеволоду летописец — привел в пример Святополка Окаянного: «Разве не за волость Святополк убил Бориса и Глеба? А сам разве долго жил? Но и здесь жизни лишен, и там мучим вечно»³²¹.

Заявление Андрея не возымело никакого действия на Всеволода, который в ответ отправил к Переяславлю войско вме-

сте со своим братом Святославом, но так как дружинники Андрея смогли нанести ему поражение и обратить в бегство, то уже на следующее утро Всеволод был вынужден вступить в мирные переговоры. Правда, в этот момент он мог бы захватить Переяславль без всякого труда, поскольку в городе вспыхнул пожар, но не решился воспользоваться ситуацией и по заключении мира вернулся в Киев. Через некоторое время он примирился с Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем. Однако проблемы киевскому князю продолжал создавать самый беспокойный из Мономашичей — Юрий Владимирович.

Из Новгородской I летописи известно, что «в год 6647 (1139) пришел князь Юрий из Суздаля к Смоленску и позвал новгородцев на Киев, на Всеволода, и не слушали его. И тогда бежал Ростислав в Смоленск, к отцу, из Новгорода, месяца сентября в 1-й день». Попытка привлечь Новгород к борьбе против Всеволода не только провалилась, но и привела к противоположному результату: так как Новгородская республика теперь была «вольна в князьях», новгородцы «послали в Киев за Святославом Ольговичем, взять клятву, и был мятеж в Новгороде, а Святослава долго не было» (он был занят в кампании против переяславского князя и сел на столе лишь 25 декабря 1139 г.)³²².

Юрий был вынужден довольствоваться тем, что по дороге из Смоленска в Суздаль захватил Новый Торг (Торжок), через который в город на Волхове шли товары из Северо-Восточной Руси, и устроил Новгороду экономическую блокаду, что, по всей видимости, и вызвало «мятеж» в городе. После вокняжения Святослав стал разбираться с приверженцами Всеволода Мстиславича, из-за чего «начали восставать новгородцы на вече на Святослава за его злобу», а он, послав к брату, заявил, что не хочет больше княжить у этих людей. Из Киева в город на Волхове был отправлен воевода Иван Войтишич, который «просил у них мужей лучших и, поймав их, привел к Всеволоду»³²³. В Новгородской I летописи уточняется, что в 1140 г. в заточение в Киев сослали уже известного нам Константина Микулинича, затем в оковы были посажены еще шесть «мужей»³²⁴.

Как видно, методы Всеволода и его брата мало чем отличались от авторитарной политики Владимира Мономаха. Однако стремление Святослава поскорее распрощаться с титу-

лом новгородского князя сыграло с Ольговичами злую шутку. Пока посольство во главе с новгородским первоиерархом Нифонтом находилось в «Русской земле», откуда они должны были привезти на смену Святославу его племянника, сына Всеволода, князь, видимо опасаясь попасть под арест подобно своим предшественникам, бежал из Новгорода вместе со своим главным приверженцем, посадником Якуном Мирославичем³²⁵, который, однако, был пойман вместе со своим братом, избит едва ли не до смерти и возвращен в Новгород, где его, согласно принятой в то время практике, сбросили с моста в Волхов, а после того, как он выжил, сослали в заточение в Чудскую землю.

Эти события вызвали гнев Всеволода, который задержал находившегося в Киеве епископа, послов и купцов, а новгородцы, просидев семь месяцев без князя, вновь призвали Ростислава Юрьевича. Это привело к столкновению между Юрием и Всеволодом, в результате которого «взял города Юрьевы Ольгович, и коней, и скот, и овец, и обоз»³²⁶. Конфликт вокруг Новгорода удалось урегулировать лишь в 1142 г., когда туда был отправлен Святополк Мстиславич — компромиссный кандидат, устроивший Ольговичей, Мономашичей и новгородцев; он продержался на новгородском столе до 1148 г., но в конце концов тоже испортил отношения с жителями, которые убедили киевского князя «вывести» Святополка на Волынь «злости его ради»³²⁷.

Сближение Всеволода Ольговича с Мстиславичами (наestre которых он был женат) и их дядей Вячеславом, наметившееся в начале 1140-х гг., привело его к столкновению с собственными братьями. Игорь Ольгович попытался занять Переяславль, который после смерти Андрея Владимировича в январе 1142 г. Всеволод предложил Вячеславу в обмен на Туров, а после его отказа от переяславского стола — Изяславу в обмен на Волынь³²⁸. Эти мероприятия должны были упрочить власть Всеволода на правом берегу Днепра, но то обстоятельство, что князем-наместником каждый раз становился его старший сын Святослав, вызвало недовольство младших Ольговичей, которые стали добиваться расширения своих владений. Договориться с братьями Всеволоду удалось лишь после того, как он объявил преемником на киевском столе старшего из них — Игоря.

Всеволод понимал, что для упрочения своей семьи в Киеве, захваченном силой, он должен обеспечить своему преемнику не только лояльность других князей, но и поддержку киевского населения, поэтому попытался добиться и того, и другого. В 1145 г. на встрече в Киеве князь заставил Святослава Ольговича, Владимира Давыдовича и Изяслава Мстиславича принести присягу Игорю как своему будущему преемнику. При этом Всеволод прямо сослался на прецедент, созданный Мономахом и его сыновьями: «...Владимир посадил Мстислава, сына своего, по себе в Киеве, а Мстислав — Ярополка, брата своего, а я говорю: “Если меня Бог возьмет, то я по себе даю брату своему Игорю Киев”»³²⁹.

Годом позже, когда Всеволод находился при смерти в Острове под Вышгородом, он «призвал к себе киевлян и начал говорить: “Я очень болен, а вот вам брат мой Игорь, возьмите его”. Они же сказали: “Княже, ради себя возьмем”. И взяв Игоря в Киеве, пошли с ним под Угорское и созвали киевлян всех. Они же все целовали ему крест, говоря: “Ты нам князь”, и взяли его лестью. На следующий же день поехал Игорь к Вышгороду и целовали ему крест вышгородцы»³³⁰. Одновременно Всеволод послал к Изяславу Мстиславичу и Владимиру Давыдовичу, чтобы напомнить им о присяге Игорю, и, получив ее подтверждение, скончался 30 июля или 1 августа 1146 г.

Тем не менее, несмотря на все усилия князя, его преемник продержался на киевском столе всего лишь тринадцать дней, так как быстро лишился популярности у киевлян, не дав им разграбить двор княжеского управителя (тиуна) Ратши, которого горожане обвинили перед Святославом Ольговичем вместе с вышгородским тиуном Тудором в том, что «Ратша погубил Киев, а Тудор — Вышгород». В соглашение с недовольными вошли тысяцкий Улеб и воевода Иван Войтишич, которые, получив от нового князя утверждение на прежних должностях, тайно призвали Изяслава Мстиславича, отказавшегося от переговоров с Игорем и начавшего готовить вторжение на территорию Киевской земли.

Переправившись через Днепр, Изяслав, по сохранившемуся в Ипатьевской летописи свидетельству, заявил, что Всеволода «имел в качестве брата старейшего, поскольку он мне брат и зять, старше меня, как отец, а с этими как мне Бог даст и сила животворящего креста: либо голову свою положу пе-

ред вами, либо обрету престол деда своего и отца своего»³³¹. Из этого заявления ясно, что пребывание в Киеве Ольговичей Изяслав рассматривал как временное явление и не собирался отказываться от реализации своих «отчинных» прав, несмотря на то что новый киевский князь располагал по отношению к нему таким же генеалогическим приоритетом, как и его предшественник.

После того как войска Изяслава появились в окрестностях города и Игорь приготовился к сражению, киевское ополчение, во главе которого стояли Иван Войтишич, тысяцкий Улеб и другие участники заговора (среди них Ипатьевская летопись называет воевод Лазаря Саковского, Василия Полочанина и Мирослава, внука Хилича), сложило знамена перед Изяславом. Несмотря на то что Игорь, по словам летописца, «не впал в смятение и пошел против Изяслава», его дружина была разбита, а конь во время бегства увяз в болоте у Дорогожича, так что его взяли в плен и заключили сначала в Выдубицком монастыре, а затем в «порубе» монастыря Святого Иоанна в Переяславле.

Таким образом, политические последствия военного переворота 1139 г. были ликвидированы в результате военного переворота 1146 г., который при содействии киевлян был организован правящей верхушкой, выступившей за реставрацию на киевском столе Мономашичей в лице Изяслава Мстиславича. Однако новый правитель вместе с киевским столом получил не только проблемы со Святославом Ольговичем, который, бежав с поля битвы, стал искать союзников для освобождения старшего брата, но и с дядьями, Вячеславом и Юрием, которые в соответствии с представлением о приоритете «старейшинства» имели больше прав на Киев, чем он. Как можно заметить, несмотря на все усилия древнерусских книжников, это представление являлось отнюдь не политической аксиомой, а скорее личным делом каждого князя, хотя тот факт, что в середине XII столетия некоторые князья при решении вопроса о занятии столов стали апеллировать именно к своему «старейшинству», показывает, что они считали его сильным аргументом в свою пользу.

Переход Киева в руки представителя клана Мстиславичей, по сути дела, явился запоздалым осуществлением «ряда Мономаха», с той разницей, что вместо Всеволода Мстиславича

с переяславского стола на киевский пересел Изяслав Мстиславич и что легитимность этого акта, подготовленного киевскими воеводами, находилась под большим вопросом. Если принять во внимание, что одним из лидеров заговора, приведшего Изяслава к власти в Киеве, являлся Иван Войтишич, в 1116 г. по приказу Мономаха посадивший русских наместников в городах на Дунае, то можно предположить, что этот ветеран мог знать о планах передачи киевского стола Мстиславичам, который привел в исполнение, воспользовавшись соответствующими обстоятельствами. Подобное предположение, в свою очередь, позволяет объяснить, почему Изяслав Мстиславич, узнав о поддержке киевлян, открыто заявил о правах на «престол деда своего и отца своего». Вследствие этого «конфликт поколений» начался уже в клане Мономаха, а первое столкновение случилось именно между Изяславом и Вячеславом.

По утверждению летописцев, Вячеслав «надеялся на старейшинство и, послушав бояр своих, не оказал чести Изяславу, отняв у него города, что у него Всеволод отнял». Изяслав же, услышав об этом, «послал брата своего Ростислава и Святослава Всеволодовича на дядю своего Вячеслава и отнял у него Туров, и епископа Туровского Акима, и посадника его Жирослава Иванковича [захватил], и посадил сына своего Ярослава в Турове»³³². Так как реставрация Мономашичей произошла в обход Вячеслава, он, видимо, решил воспользоваться сложившейся ситуацией для решения территориальных споров в интересах своего княжества. В итоге оно оказалось оккупировано Изяславом, а Вячеслав был вынужден довольствоваться столом в Пересопнице. Столь же незначительные волости Изяслав дал сыну своей сестры от брака с Всеволодом Ольговичем — Святославу Всеволодовичу, который был выведен из Владимира-на-Волыни.

Таким образом, помимо Киева и Переяславля, где сел на княжение его старший сын Мстислав, Изяслав включил в сферу своего влияния Туровскую и Волынскую земли. Если учесть, что его младшие братья в это же время правили Смоленском и Новгородом (где в 1146 г. посадником вновь стал Константин Микулинич, который, однако, скончался в следующем году), можно сказать, что клан Мстиславичей сконцентрировал управление почти над всеми территориями, на-

ходившимися в руках Владимира Мономаха (за исключением Ростово-Суздальской и Минской земель), а задача Изяслава заключалась в том, чтобы держать под контролем этот клан своих сверстников.

Святослав Ольгович, не сумев достичь соглашения о союзе с черниговским князем, вступил в переговоры с Юрием Владимировичем, сыну которого Ивану отдал Курск и Посемье. Изяслав Мстиславич решил опереться на сыновей Давыда и Ярослава Святославичей: в то время как Владимир и Изяслав Давыдовичи организовали наступление на волости Святослава, скрывавшегося сначала в Северской земле, а затем в земле вятичей, муромский князь Ростислав Ярославич должен был отвлечь силы Юрия нападением на его владения. Но в конце концов противникам Мстиславичей удалось скоординировать свои действия: Юрий взял Торжок и земли по реке Мсте, а Святослав разорил Смоленскую волость. Весной 1147 г. состоялась встреча союзников, в связи с которой на страницах летописей была впервые упомянута Москва: «...Прислал Юрий сказать: “Приди ко мне, брат, в Москов”. Святослав же поехал к нему с сыном своим Олегом и малой дружиной, взяв с собою [племянника рязанского князя] Владимира Святославича. Олег же поехал вперед к Юрию и дал ему барса. И приехал по нем отец его Святослав, и так любезно расцеловались в пятницу, на похвалу Святой Богородицы [4 апреля], и так были веселы. На другой же день Юрий повелел устроить обед силен и сотворил честь великую им, и дал Святославу дары многие с любовью, и сыновьям его, Олегу и Владимиру»³³³. После этой встречи Святослав активизировал наступление в земле вятичей, откуда при поддержке половцев и сына Юрия Глеба, сменившего на княжении в Курске своего умершего брата Ивана, стал изгонять посадников Давыдовичей.

За несколько месяцев до этого тяжело заболевший Игорь Ольгович выразил желание постричься в монахи, что по приказу Изяслава было приведено в исполнение переяславским епископом Евфимием 5 января 1147 г., после чего бывший князь был помещен в киевский монастырь Святого Феодора, основанный Мстиславом Владимировичем. Однако это не спасло ему жизнь и не способствовало прекращению междоусобицы. Поводом к кровавой развязке, произошедшей

в сентябре того же года, стала информация о том, что Владимир и Изяслав Давыдовичи, обратившиеся к киевскому князю за помощью против Святослава Ольговича, сами вступили с ним в переговоры и составили заговор с целью убийства Изяслава Мстиславича и восстановления на престоле Игоря (по предположению С. М. Соловьёва посредником в этом деле мог стать Святослав Всеволодович³³⁴, который периодически перебегал из одного лагеря в другой, так как был внуком Олега Святославича по мужской линии и правнуком Мономаха — по женской).

Изяславу Мстиславичу, шедшему на соединение с Давыдовичами против Святослава и Юрия, известие о заговоре доставил из Чернигова тысяцкий Улеб. Вместо совместного похода между князьями началось выяснение отношений, которое привело к разрыву. По распоряжению киевского князя информация о заговоре была обнародована на вече в Киеве (19 сентября 1147 г.), но здесь ситуация неожиданно вышла из-под контроля. Горожане, не желавшие возвращения Игоря к власти, отправились в Феодоровский монастырь и вытащили князя-монаха из монастырской церкви. Младшему брату Изяслава Владимиру Мстиславичу удалось отбить его у толпы и спрятать во дворе своей матери. Однако это не остановило киевлян: они выломали ворота, подрубили сени, на которых находился Игорь, и, схватив его, притащили на княжеский двор, где и убили. Труп бывшего правителя был подвергнут поруганию на торговище на Подоле (его тело все же удалось предать погребению в церкви Святого Михаила, а позже оно было перенесено в Чернигов).

Несмотря на то что гибель Игоря должна была сплотить противников Мстиславичей, взаимодействие между Давыдовичами, Ольговичами и Юрием Владимировичем наладить не удалось. В результате военной кампании 1147—1148 гг. Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович были вынуждены заключить с Изяславом мир. После того как усилия новгородского первоиерарха Нифонта по заключению мира с суздальским князем потерпели провал, Изяслав посетил Новгород, где вокняжился (до 1154 г.) его сын Ярослав, совершив оттуда зимой 1148—1149 гг. рейд по землям Северо-Восточной Руси. «...И пошел на Юрия к Ростову с новгородцами, и много повоевал людей Юрия, и по Волге взял 6

городов, даже до Ярославля опустошил, а пленных взял 7000, и возвратился из-за распутия», — говорится в Новгородской I летописи³³⁵.

Затем военные действия были перенесены на юг, так как находившийся в то время в Киеве под видом союзника Изяслава Ростислав Юрьевич сумел склонить на сторону отца некоторых киевлян и черных клобуков (кочевников, находившихся в зависимости от Киева), после чего, по доносу бояр, был выслан Изяславом из города. Вследствие этого появились предпосылки для предъявления Юрием претензий к Изяславу, которые он выразил в словах: «Нет ли мне части в Русской земле и моим детям»³³⁶. Получив поддержку от половцев, а также от Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, отступившихся от Изяслава, Юрий двинулся на юг и подошел к Переяславлю, который прежде пытался отнять у Мстислава Изяславича его сын Глеб.

Киевский князь, хотя и признавал генеалогический приоритет Юрия (как это можно заключить из слов, сказанных его сыну Ростиславу: «Всех нас старше отец твой, но с нами не умеет жить»)³³⁷, все же отказался удовлетворить территориальные претензии дяди в «Русской земле» под тем предлогом, что «если бы он пришел только с детьми, то которая бы волость ему бы полюбилась, ту бы он и взял, но так как он на меня половцев привел и врагов моих, Ольговичей, то хочу биться»³³⁸. Отверг он и предложение об урегулировании конфликта, которое сделал ему Юрий за два дня до сражения на Трубеже, заявив через своих послов: «Ты, брат, на меня приходил, и землю повоевал, и старейшинство с меня снял. Ныне же ради братьев и сыновей Русской земли, и ради христиан, не пролей крови христианской, но дай мне Переяславль. Я посажу сына своего в Переяславле, а ты сиди, царствуй, в Киеве, а не захочешь сотворить этого — за всем Бог»³³⁹.

Заявление Юрия, во-первых, примечательно тем, что здесь он говорит не только о разорении своей волости, но и о «снятии» с него «старейшинства», что в данном контексте надо понимать как нарушение его политического приоритета, обусловленного генеалогическим старшинством³⁴⁰. Во-вторых, он выражает готовность примириться с этим положением в обмен на уступку Переяславля его сыну, которая выражала бы его «причастность» к «Русской земле»³⁴¹. На первый взгляд та-

кой компромисс являлся для суздальского князя невыгодным. Но, как мы говорили выше, Переяславль имел для потомков Мономаха значение наследственной «отчины», так что, посадив туда своего сына в качестве князя-наместника, Юрий рассчитывал восстановить до определенной степени поправное Изяславом «старейшинство» и ограничить его владения правым берегом Днепра, не говоря уже о том, какие замечательные перспективы открывались из Переяславля не только для контактов с кочевниками, но и для захвата Киева.

Возможно, именно поэтому мирные предложения Юрия, как и просьбы о мире переяславского епископа Евфимия, были отвергнуты Изяславом, но 23 августа 1149 г. в сражении на Трубеже его войска оказались обращены в бегство. Эта победа предоставила в распоряжение суздальского князя Переяславль, где он посадил своего сына Ростислава, а после того, как киевляне, неохотно поддержавшие Изяслава против Юрия, потому что он был сыном Владимира Мономаха, отказались продолжать сопротивление, хотя и понимали, что им «с Юрием не ужиться», Изяслав был вынужден уйти во Владимир-Волынский. Юрий вошел в Киев и «сел на столе отца своего». Первым делом новый князь постарался укрепиться в Киевской земле и посадил в ключевых городских центрах своих сыновей: Андрея в Вышгороде, Бориса — в Белгороде, Глеба — в Каневе. Суздаль Юрий отдал одному из своих младших сыновей Василько. Для своего союзника Святослава Ольговича он добился возвращения «отчины» — Курска с Посемьем, Сновской тысячи, Слуцка, Клецька и «всех дреговичей». Политический союз был скреплен династическим браком: Юрий выдал замуж за сына Святослава Олега одну из своих дочерей, а на другой его дочери женился Ярослав³⁴², сын галицкого князя Владимирко Володаревича, который также зарекомендовал себя деятельным сторонником нового правителя Киева.

Между тем Изяслав обратился за помощью к польским и чешским князьям, а также к венгерскому королю Гезе II, который был женат на его сестре Евфросинье³⁴³. Чтобы сделать борьбу за киевский стол легитимной, он попытался заручиться поддержкой Вячеслава Владимировича, отказавшись от выдвижения на первый план собственных «отчинных» прав и признав «отчинные» права Вячеслава. Правда, сделанное им предложение о заключении союза, в том виде, как его пере-

дал Юрию Вячеслав, призывая того поторопиться к нему на помощь, больше походило на ультиматум: «...Изяслав мне говорит: “Ты мне будешь вместо отца, пойди же, сядь в Киеве, а с Юрием не могу жить. Не захочешь принять меня в дружбу, не пойдешь сидеть в Киев, я захочу волость твою сжечь”»³⁴⁴.

Союзники Изяслава попытались склонить его к миру с дядьями, но достичь соглашения долго не удавалось из-за интриг сына Володаря Ростиславича галицкого князя Владимирко Володаревича и сына Ярослава Святополчича Юрия. В конце концов мир был заключен на следующих условиях: Киев оставался Юрию или Вячеславу, Изяслав сохранил за собою Волынь, а Юрий должен был вернуть ему дань, захваченную во время военной кампании против новгородцев. Показательно то, каким образом Мономашичи сумели решить вопрос о Киеве. Как рассказывается в Ипатьевской летописи под 1150 г., «князь Юрий захотел посадить Вячеслава на стол в Киеве, бояре же разубедили Юрия, говоря: “Брату твоему не удержать Киева, да не будет его ни тебе, ни ему”. Юрий же послушал бояр и вывел из Вышгорода сына своего Андрея и дал Вышгород Вячеславу»³⁴⁵.

Ранее Вышгород на некоторое время становился резиденцией «младших» князей, которые тем самым получали возможность быть фактическими соправителями Киевской земли. В данном случае новация заключалась в том, что Вышгород сделался резиденцией «старшего» князя. Таким образом, в Киевской земле сложился «дуумвират». Впрочем, подобное положение вещей сохранялось недолго. После того как Юрий, вопреки условиям мирного договора, отказал представителям Изяслава в возвращении имущества, захваченного после битвы на Трубеже, Изяслав выступил против него и вынудил оставить Киев, который тут же занял Вячеслав, прибывший из Вышгорода и севший на «Ярославовом дворе».

Старший из Мономашичей, по-видимому, так же как и его брат, не пользовался популярностью в городе, так как киевляне, выйдя навстречу Изяславу, сказали: «Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сидит в Киеве, а мы его не хотим». Услышав это, Изяслав послал к Вячеславу с такими словами: «Я звал тебя в Киев сидеть, а ты не захотел. А ныне для этого дозрел, потому что брат твой выехал, а ты сидишь в Киеве. Теперь же поезжай в Вышгород свой». Из этих слов видно, что Изяслав был

готов признать политическую конфигурацию, которая сложилась в Киевской земле при Юрии. Но Вячеслав на сей раз проявил несвойственное ему упрямство и, послав своих мужей к Изяславу, сказал ему: «Сын, если ты хочешь меня убить на этом месте, то убивай, а я не уеду». Столь бурная реакция Вячеслава может быть объяснена тем, что предложение Изяслава было оскорбительно для него как для «старшего» князя, ибо при новом политическом раскладе глава клана Мономашичей из соправителя младшего брата превратился бы в подручного племянника.

Ситуация накалялась. Изяслав, войдя в Киев, «въехал на Ярославов двор со своим полком, и киевлян с ним пришло великое множество». Вячеслав же сидел на сених, и многие начали говорить Изяславу, чтобы он схватил его дружинников, в то время как некоторые даже предлагали подсечь под ним сени. Но Изяслав отказался от этого предложения и, «взяв с собой мало дружины, полез на сени к Вячеславу, дяде своему, и поклонился ему. Вячеслав же, встав напротив Изяслава, поцеловал его, и сели оба на место. Изяслав же сказал Вячеславу: “Отец, кланяюсь тебе, нельзя мне договариваться с тобою, видишь ли народа силу, полк людей стоит, много на тебя лиха замышляют, поезжай же в свой Вышгород, оттуда хочу рядиться с тобою”. Вячеслав же ответил: “Ты же сам, сын, меня позвал в Киев, я же целовал крест к брату своему Юрию, а раз так случилось, сын, то тебе Киев, а я поеду в свой Вышгород”».

Утвердившись в Киеве, Изяслав поручил своему сыну Мстиславу захватить Переяславль, но княживший там Ростислав Юрьевич сумел вовремя получить подкрепление от брата Андрея и отбить нападение, в то время как находившийся в Городце Остерском Юрий призвал на помощь своих союзников Ольговичей и Давыдовичей. Когда же против Изяслава двинулся и Владимирко Володаревич, то киевский князь приехал в Вышгород со своими боярами и заявил Вячеславу: «Ты мне отец, а вот тебе Киев, если эта волость тебе нужна, то возьми, а иную мне дай». Это заявление спровоцировало скандал между дядей и племянником. По утверждению летописца, Вячеслав сказал «с гневом» Изяславу: «”Почему в тот день мне Киев не дал, но с великим позором я поехал из Киева, а когда одна рать идет из Галича, а другая из Чернигова, то ты мне Киев даешь”. Изяслав же ответил Вячеславу: “Когда посылат

к тебе, и Киев тебе давал, то показывал тебе, что с тобою могу быть, а с братом твоим Юрием не управиться мне. Но тебя люблю, как отца, и ныне говорю тебе, что ты мне отец, а Киев твой, поезжай в него»³⁴⁶. После того как они договорились и принесли клятву у гроба Бориса и Глеба в том, что Изяслав будет держать Вячеслава за отца, а Вячеслав Изяслава — за сына, племянник взял у дяди его дружину и выступил против галицкого князя.

Вышгородское соглашение 1150 г. интересно тем, что оно раскрывает отношение Изяслава Мстиславича к каждому из своих дядей. Обратим внимание на то, что он говорил Вячеславу: «Когда посылал к тебе, и Киев тебе давал, то показывал тебе, что с тобою могу быть, а с братом твоим Юрием не управиться мне», — хотя Юрий сам предлагал Изяславу компромисс, при котором он мог бы отказаться от претензий на Киев. Можно, конечно, думать, что проблема заключалась в различном характере князей, но если мы вернемся к тому, что «каменем преткновения» являлся «ряд Мономаха», исключавший из числа наследников киевского стола не Вячеслава, а Юрия, то все встает на свои места.

В этом случае становится понятно, что достижение компромисса с Вячеславом позволяло не только узаконить положение Изяслава, который, видя непостоянство киевлян, уже не мог, как в 1146 г., отстаивать свои права, опираясь лишь на поддержку городского населения, но и нейтрализовать претензии на «старейшинство» Юрия в рамках политической конфигурации, предусмотренной «рядом Мономаха». Учитывая политическую пассивность Вячеслава, этот вариант сотрудничества не требовал от Изяслава каких-то территориальных уступок. Сотрудничество с Юрием, напротив, подорвало бы его гегемонию в Южной Руси, поскольку предполагало уступку Переяславля, что, в свою очередь, поставило бы под сомнение одно из положений «ряда Мономаха».

В исторической литературе политический режим, созданный Вячеславом и Изяславом, также известен как «дуумвират»³⁴⁷, что терминологически не вполне корректно, поскольку это понятие предполагает соправительство двух равноправных носителей власти, тогда как со слов летописца следует, что в данном случае племянник признал генеалогический приоритет дяди. В отличие от соправительства Юрия

и Вячеслава, эту форму правления правильнее было бы называть «тандемом», поскольку формально она основывалась на приоритете «старшего» соправителя по отношению к «младшему».

Впрочем, оформление этого режима завершилось лишь в следующем году, ибо, несмотря на поддержку, которую Изяславу оказал не только Вячеслав, но и киевляне, собранное им войско потерпело поражение от Владимирко Володаревича у реки Ольшаницы, а когда Изяслав прибыл в Киев, то узнал о переправе Юрия и черниговцев через Днепр. Вследствие этого соправители, едва успев встретиться и отобедать, решили разъехаться по своим волостям — Вячеслав отправился в Вышгород, а Изяслав — во Владимир-Волынский. На следующий день в Киев вошли Юрий и Владимирко. Чтобы выиграть время, Изяслав попытался вступить в переговоры с Юрием через его сына Андрея, получившего княжение в бывших волостях Вячеслава — Турове, Пинске и Пересопнице, — и попросил у дяди земли по реке Горыни. Когда стало очевидно, что киевский князь не дает ему волости, так как не хочет видеть его в «Русской земле», Изяслав начал переговоры с венгерским королем и добился сначала его выступления против галицкого князя, а когда это предприятие расстроилось в результате интриг Владимирко — отправки экспедиционного корпуса в 10 000 человек, с помощью которого он захватил Киевскую землю и вынудил Юрия вторично бежать из Киева.

Вскоре после того, как Изяслав в третий раз вокняжился в Киеве, он пригласил Вячеслава «сесть на столе отца и деда своего». Вячеслав, прибыв в Киев весной 1151 г., как рассказывает летописец, послал к Изяславу со словами о том, что он уже стар и не может «рядить всех рядов», поэтому предложил «быть обоим в Киеве» и передал в его распоряжение свою «дружину» и «полк», для того чтобы дела «рядил» Изяслав, а при необходимости они могли участвовать в походах вместе³⁴⁸. Таким образом, компромисс, достигнутый в Вышгороде, получил свое завершение (по свидетельству летописца, Вячеслав устроил свою резиденцию на Великом (Ярославовом) дворе, а Изяслав — под урочищем Угорским)³⁴⁹.

Выгода от такой политической конфигурации стала очевидна, когда Юрий в том же году попытался вновь захватить Киев вместе со своими союзниками Владимиром Давыдовичем

и Святославом Ольговичем. В разгар конфликта Вячеслав настоял на переговорах с Юрием, в ходе которых и была сказана уже известная нам фраза, указывающая на генеалогический приоритет Вячеслава, — «Я тебя старше не малым, но многим [возрастом], я был уже бородат, когда ты родился»; она подчеркивала легитимность пребывания Вячеслава в Киеве. Однако с другими аргументами, которые приводит в речи Вячеслава летописец, не все так просто. От имени князя утверждается, что «когда Изяслав поехал биться с Игорем, то говорил так: “Я Киева не себе ищу, но отец мой Вячеслав, брат старейший, ему его и ищу”»³⁵⁰, в то время как из летописной статьи 1146 г. мы знаем, что накануне сражения с Игорем Ольговичем Изяслав всего лишь говорил, что либо «сложит свою голову», либо «добудет престол отца и деда своего».

Поэтому нельзя исключать, что это утверждение в статье 1151 г., сделанное задним числом, имело целью противопоставить Изяслава Юрию, который, согласно той же статье, накануне битвы под Переяславлем в 1149 г. утверждал, что борется за Киев для Вячеслава, но затем дал Вячеславу Вышгород, отобрав Пересопницу и Дорогобуж в пользу своего сына Андрея. А Изяслав, хотя и отнял у дяди в 1146 г. Туров и Пинск, все же исполнил обещанное позже, посадив его в Киеве. Таким образом, как бы создавалась иллюзия того, что политический «тандем» Изяслава и Вячеслава задумывался еще в 1146 г. По всей видимости, делалось это ради того, чтобы оправдать действия Изяслава, которые, как мы говорили выше, с правовой точки зрения представлялись весьма сомнительными.

Как бы то ни было, аргументы Вячеслава не способствовали нормализации отношений: под Киевом началось сражение, в котором войска Юрия были разбиты. Позднее он потерпел еще одно поражение от Вячеслава, Изяслава и Ростислава на реке Большая Рута, где погиб его союзник Владимир Давыдович, и вынужден был уйти в Переяславль. Здесь его осадили киевские правители, которые предложили сохранить Переяславскую волость за одним из его сыновей, при условии, что сам он вернется в Суздаль. Иначе говоря, это были те условия, на которых Юрий предлагал Изяславу заключить мир в 1149 г. После недолгого противостояния он согласился принять их и поклялся «не искать Киева под Вячеславом и Изяславом»³⁵¹.

Оставив в Переяславле своего сына Глеба, Юрий ушел в Городец Остерский, однако задержался там дольше определенного в мирном договоре срока, что заставило Изяслава Мстиславича блокировать его в городе, вынудив наконец уйти в Северо-Восточную Русь. В Городец из Переяславля, вернувшегося под власть Мстислава Изяславича, был переведен Глеб Юрьевич, однако княжил он здесь недолго, так как в 1152 г. город был сожжен Изяславом Мстиславичем. Это послужило поводом для возобновления его войны с Юрием, которая с перерывами продолжалась до самой смерти Изяслава (13 ноября 1154 г.). На киевском столе его сменил на тех же условиях — признания «старейшинства» Вячеслава — младший брат Ростислав (правил в 1154—1155, 1158—1167 гг. с перерывом в 1161 г.). Он должен был вступить в борьбу с Глебом Юрьевичем, по-прежнему претендовавшим на Переяславль, и с Изяславом Давыдовичем, унаследовавшим в 1151 г. черниговский стол от своего брата Владимира, который также представлял потенциальную опасность для нового киевского князя.

Положение Ростислава Мстиславича усугубилось тем, что в декабре 1154 г. внезапно скончался Вячеслав, обеспечивавший легитимность его пребывания в Киеве. Как сообщается в Ипатьевской летописи, старый князь «был весел с дружиною и ушел спать здоровым, а как лег, так более и не встал»³⁵². Из-за этого Ростиславу, отправившемуся в поход на Чернигов, пришлось ненадолго возвращаться в Киев, а затем вновь ехать на театр военных действий, где он вступил в переговоры с черниговским князем, пообещав ему не только Киев, но и Переяславль, что привело к его разрыву с племянником, Мстиславом Изяславичем, который покинул дядю, заявив: «Пусть не будет ни мне Переяславля, ни тебе Киева»³⁵³. Оставшись без поддержки, Ростислав был разбит Изяславом, Глебом и половцами, после чего бежал в Смоленск и заключил соглашение с Юрием о признании его «старейшинства». По утверждению Ипатьевской летописи, Юрий заявил: «С Изяславом я не мог быть, а ты мне есть свой, брат и сын» — и попросил племянника не поминать «злости брата своего»³⁵⁴.

Между тем Изяслав Давыдович сумел договориться с киевлянами и прибыл на княжение в Киев (он правил здесь в 1155, 1157—1158 и 1161 гг.). Глеб Юрьевич получил Переяславль (который сохранялся за потомками Юрия до 1206 г.), одна-

ко такое положение вещей отнюдь не устраивало ростово-суздальского князя, шедшего на юг с войском. Под его давлением Изяслав Давыдович, уже хотевший отказаться от черниговского стола в пользу Святослава Ольговича, был вынужден оставить Киев после того, как сын Мономаха заявил: «Мне отчина Киев, а не тебе»³⁵⁵.

Договор с Ростиславом Мстиславичем и последующее вокняжение Юрия в Киеве (20 марта 1155 г.) ознаменовали конец борьбы за «Русскую землю» между сыновьями и внуками Владимира Всеволодовича, которая, как мы показали, велла истоки от «ряда Мономаха». Правда, Юрию так и не удалось выбить бывшего переяславского князя Мстислава Изяславича с Волыни, куда он хотел посадить на княжение своего племянника Владимира Андреевича (это же пытался сделать в 1146 г. и Вячеслав Владимирович), что привело к формированию против него новой междукняжеской коалиции, в которой помимо волынского князя приняли участие его двоюродный брат Роман Ростиславич и Изяслав Давыдович. Тем не менее эта коалиция не успела начать военные действия, так как Юрий скончался в Киеве 15 мая 1157 г. после непродолжительной болезни, которой заболел, выпив на пиру некоего Петрилы. Свидетельством того, что Юрий (вошедший в историю под прозвищем «Долгорукого») был очень ненавистен жителям Киева, стали беспорядки, возникшие в городе 16 мая, когда князь был погребен в монастыре Святого Спаса: «...И много зла свершилось в тот день, разграбили двор его Красный, и другой двор, за Днепром, разграбили, который он сам называл Раем, и двор Василька, сына его, разграбили в городе. Избивали суздальцев по городам и селам, а имущество их грабили», — говорится в Ипатьевской летописи³⁵⁶.

В 1155 г. Юрий посадил своих сыновей в разных городах Киевской земли, а также в Турове и Новгороде. Впрочем, один из них, Андрей, вновь получивший княжение в Вышгороде, предпочел земли Северо-Восточной Руси, куда отправился в том же году вопреки воле отца. Таким образом, был дан импульс культурному и политическому развитию Владимира-Залесского, также называемому Владимиром-на-Клязьме, а ныне известному как Владимир, который, по сохранившимся летописным свидетельствам, был основан Владимиром Мономахом в 1108 г.³⁵⁷ — как предполагают исследователи, в ка-

честве форпоста против волжских булгар³⁵⁸. Благодаря деятельности Андрея, княжившего здесь с 1157 по 1174 г., и его младшего брата Всеволода (1176—1212), «Владимир Залесский» стал одним из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси, где начался новый этап формирования русской государственности.

Нельзя сказать, что Андрей, поглощенный стремлением к тому, чтобы, по выражению Ипатьевской летописи, стать «самовластцем Суздальской земли», полностью утратил интерес к южнорусским делам, однако он выражался у него своеобразно. Когда в 1169 г. войска Андрея изгнали правившего с 1167 по 1169 г. в Киеве Мстислава Изяславича, он отдал город своему брату, переяславскому князю Глебу, который правил здесь с 1169 по 1171 г. (с небольшим перерывом в 1170 г., когда, в свою очередь, был ненадолго изгнан Мстиславом Изяславичем). После того как в 1173 г. сыновьями Ростислава Мстиславича в Киеве был захвачен в плен младший из Юрьевичей, Всеволод, что привело к конфликту Андрея с Ростиславичами и отправке новой военной экспедиции в «Русскую землю», представители клана Юрия не занимали киевский стол до середины 1230-х гг. Правобережье Днепра оказалось в центре внимания клана Изяслава Мстиславича и в большей степени — клана Ростислава Мстиславича, которые вплоть до татаро-монгольского нашествия продолжали борьбу с Ольговичами, упорно пытавшимися реализовать права на киевский стол, унаследованные от Всеволода Ольговича.

Владимир Мономах и его «Поучение»

Мы проследили развитие политической деятельности Владимира Мономаха и ближайших его преемников. Теперь обратим внимание на идеи, с которыми князь обращался к своим читателям в «Поучении», но прежде скажем несколько слов о существующих в исторической литературе датировках «Поучения», сохранившегося в единственном списке — в Лаврентьевской летописи под 6604 (1096/97) г.³⁵⁹ Наиболее распространенные гипотезы о времени создания этого произведения таковы.

Граф А. И. Мусин-Пушкин, впервые опубликовавший «Поучение» в 1793 г., предположил, что текст написан Мономахом между 1119 и 1125 г.³⁶⁰ По мнению Н. М. Карамзина, оно было написано не ранее 1117 г.³⁶¹ И. М. Ивакин датировал его 1117–1125 г.³⁶² Согласно альтернативной концепции, первоначальный текст «Поучения» был создан в 1099-м (М. П. Погодин) или 1100 г. (С. М. Соловьёв)³⁶³ и дополнен Мономахом в 1117 г. В последнее время А. А. Гиппиус высказал предположение о том, что «Поучение» складывалось в три этапа, два из которых имели место на рубеже XI–XII вв., а третий — в 1117 г.³⁶⁴

От решения вопроса о том, во сколько этапов складывался текст «Поучения», напрямую зависит интерпретация некото-

рых его фрагментов. Например, имеющаяся в начале «Поучения» фраза: «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил» — может иметь два разных значения. В рамках датировки Соловьёва — Погодина ее надо понимать в том смысле, что замысел «Поучения» возник у Мономаха во время зимней поездки, однако в рамках датировок Мусина-Пушкина — Карамзина (и сходных с ними) эта фраза может иметь другое значение, предполагающее, что престарелый Мономах задумался о создании «Поучения» в предчувствии скорой кончины; в этом случае словосочетание «сидя на санях» приобретает фигуральное значение, указывающее на одну из деталей древнерусского погребального обряда (тело покойника обычно перевозилось к месту погребения на санях).

Учитывая то, что буквально тут же находится уже известное нам заявление Мономаха — «встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: “Поспешите к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе”. И ответил я: “Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить”», — приоритет надо отдать первой датировке, предполагающей, что замысел «Поучения» возник у Мономаха около 1100 г. (или, если выразиться точнее, зимой 1100/01 г., после того как остальные князья попытались привлечь его к экспедиции против Ростиславичей, которую предполагалось организовать во исполнение решения Уветического съезда о передаче Тербовольской волости Святополку Изяславичу). Из перечня «путей» Мономаха известно, что в это время он совершал поездку в Ростов, что помогает прояснить то обстоятельство, почему послы братьев встретили его на Волге.

Вслед за этим рассказом в «Поучении» помещено описание действия, известного как «гадание Мономаха»³⁶⁵. Князь пишет, что, отпустив послов, «взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: “О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?” — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите».

«Гадание Мономаха» представляет собой несколько блоков библейских цитат. Первый блок является достаточно крат-

ким: «Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него» (Пс. 41: 6, 12 или Пс. 42: 5). «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей» (Пс. 36: 8). Передача Мономахом содержания псалмов не всегда является дословной, но общий смысл указанных фрагментов представляет вполне исчерпывающий «ответ» на вопрос, занимавший князя в тот момент. Как полагают исследователи, собственно, «гадание» Мономаха и ограничивается этими цитатами³⁶⁶, а следующая за ними более крупная компиляция является уже сознательной подборкой библейских цитат по смыслу.

Ключевой для этой подборки является идея противостояния «праведника» и «грешника»: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежетет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущиеся же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

После этого в тексте следует фрагмент Псалма 123 («Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас»), а дальше помещена еще одна подборка цитат, развивающая идею противостояния «праведников» и «грешников»: «Помилуй меня, Боже, ибо пограл меня человек; всякий день, нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда

увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее³⁶⁷.

Если принять во внимание, что вся эта достаточно громоздкая «мозаика» возникла под влиянием предложения о нападении на Ростиславичей, становится понятным то обстоятельство, почему Мономах делает столь сильный акцент на противопоставлении «праведников» и «грешников», «притеснителей» и «притесняемых». По сути дела, в этих компиляциях была заключена идея осуждения агрессивных намерений князей, которые подготавливались после Уветического съезда, но так и не были приведены в исполнение.

За этой композицией помещен уже известный нам фрагмент из Василия Великого³⁶⁸, призванный проиллюстрировать идею послушания: «Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: “Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуместь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится”...» и т. д.

Это наставление, по существу, является пространной «прелюдией» к собственно поучению, которое по тематическому принципу можно разделить на две части. В первой части содержатся идеи «христианского гуманизма», выраженные в со-

ответствующем контексте («Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь» и т. д.).

Вторую часть поучения Мономаха, по его словам, составляет «собственного слабого ума наставление», в котором он обращается непосредственно к своему опыту: «Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: “Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй”. И в церкви то делайте, и ложась. Не пропусайте ни одной ночи, если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то “Господи, помилуй” взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, езда.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды». Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов (читите), и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых читите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходя-

щие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: “Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный”. И еще: “Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою”; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди...»

Далее тема наставлений перебивается перечнем «путей и трудов» князя, служащим в данном контексте своеобразной иллюстрацией той активной деятельности, придерживаться

которой Мономах советует своим сыновьям; продолжением этой темы является и перечисление побед над половцами, и перечень «трудов», совершенных князем в Чернигове и Переяславле, который, по-видимому, восходит к первоначальному тексту «Поучения», составленному в 1101 г.: «...А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пушах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал»³⁶⁹.

Таким образом, ключевая мысль «Поучения» Мономаха своим детям — это призыв к деятельной жизни, построенной в соответствии с христианскими канонами. Под его пером возникает своеобразный «идеальный тип» князя³⁷⁰, конкретное содержание которого составляют примеры из личного опыта Мономаха. Однако исследователями уже давно было замечено, что теоретические установки, сформулированные Мономахом (например, призывы к проявлению милосердия), расходятся с конкретными его действиями, описанными в перечне «путей и трудов».

Так, итальянский исследователь древнерусской литературы Риккардо Пиккио, отмечая, что эта часть «Поучения» пред-

ставляет собой «первый в древнерусской литературе пример автобиографии», добавлял, что «идеализированный образ благочестивого князя тут уступает место изображению человека, измученного тяжкими трудами и отнюдь не всегда доброго и смиренного»³⁷¹. Сходные суждения высказывал и Д. С. Лихачёв, писавший, что «Мономах, вопреки собственным наставлениям, был втянут в усобицы князей, нарушал клятвы и обязательства, действуя порой под влиянием реальной необходимости. <...> В его деятельности были и случаи коварства, и нарушения обещаний, и жестокого обращения с населением захваченных городов...»³⁷².

Таким образом, сам Владимир Мономах оказывается фигурой, достаточно далекой от того «идеального типа» личности, который сам же пропагандирует в своем труде, хотя надо признать, что некоторые ключевые моменты деятельности в его перечне «путей и трудов» представлены более объективно, чем в летописи. Присутствие в «Поучении» противоречий между теоретическими установками и действительными поступками наводит на мысль, что Мономах, видимо, не воспринимал их в качестве таковых, раз он не постарался скорректировать свой перечень «путей и трудов» таким образом, чтобы придать более согласованный вид той антропологической концепции, образцом которой он представил самого себя.

Быть может, утверждения о том, что князь «и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным», и соответствующую истине, но из «Поучения» не видно, чтобы «христианский гуманизм» князя распространялся на подданных враждебных ему князей (ср. известие «Поучения» о походе к Минску) или половецких ханов, изъявивших желание заключить с ним мир (ср. известие об убийстве «Итларевой чади»). Правда, в летописи Владимир Мономах представлен противником этой расправы, но в «Поучении» он никак не определяет свою позицию по этому вопросу, и это молчание очень красноречиво, так как дает понять, что и князь и летописцы при случае выдавали желаемое за действительное, благодаря чему Мономах стал воплощением «идеального типа» правителя, а в начале XVI в. были сделаны попытки представить его и первым русским венценосцем.

Легенда о «Мономаховых дарах»: трансформация исторических представлений

Неудачная русско-византийская война 1116 г. послужила отправной точкой для одной из наиболее известных мистификаций в русском средневековом историописании. В «Слове о погибели Русской земли» — литературном памятнике, относимом к XIII в., но известном в двух поздних списках (XV и XVI вв.), — где воспевались военные достижения домонгольской Руси, говорилось, что «император царьградский Мануил» — то есть византийский император Мануил Комнин (правил в 1143—1180 гг.) — от страха «великие дары» посылал к Владимиру, чтобы тот «Царьград у него не взял»³⁷³. Искусственность подобного построения, являющегося скорее риторическим приемом, в данном случае очевидна, поскольку во времена Владимира Мономаха византийским императором был дед Мануила Алексей Комнин, а затем его отец Иоанн Комнин.

В начале XVI в. представления об отношениях Мономаха с Византией претерпели еще более серьезную трансформацию в ряде памятников московской литературы, где исторические события, связанные с именем Владимира Мономаха, модифицированы в контексте формировавшихся тогда представлений

о месте Руси во всемирно-историческом процессе. Среди этих памятников наиболее известны «Послание о дарах Мономаха» некоего Спиридона-Саввы (именовавшего себя «Спиридон зовомый, Савва глаголемый») и «Сказание о князьях Владимирских».

Проблема соотношения и датировки этих текстов остается дискуссионной, однако между ними есть определенное сходство. Для иллюстрации этого соотношения приведем два фрагмента из «Послания» Спиридона-Саввы (в переводе А. Ю. Карпова), начиная со слов о том, что Владимир «советовался с князьями своими, и с вельможами, и с боярами, говоря: “Разве я хуже прежде меня владычествовавших и правивших хоругвями скипетра великой России? Так вот князь великий Олег ходил и взял с Константинополя — нового Рима — дань по головам и во здравии возвратился восвояси; и потом князь великий Святослав Игоревич, по прозвищу Легкий, пошел в галеех, числом две тысячи семьсот, и взял с Константинова града еще более тяжелую дань, и возвратился в свое отечество, Киевскую землю, и окончил здесь свою жизнь. А мы наследники престола прародителей своих и отца моего Всеволода Ярославича и наследники той же чести от Бога. И совета ишу от вас, моей палаты князей, и бояр, и воевод, и от всего подвластного вам христолюбивого воинства. Да вознесется имя Живоначальной Троицы силою вашей храбрости Божией волей и нашим повелением; какой же совет дадите мне?” Отвечали же великому князю Владимиру Всеволодовичу князья, и бояре, и воеводы его, так говоря: “Сердце царево в руке Божьей, как написано; а мы в твоей, государя нашего, воле от Бога”. Великий же князь Владимир собирает воевод искусных и разумных и ставит начальников над различными воинскими отрядами — тысячников, и сотников, и пятидесятников; и собрал многие тысячи воинов, и послал их на Фракию, область Царьграда; и те успешно повоевали ее и возвратились восвояси со многим богатством в полном здравии. И об этом довольно. <...>

Боголюбивый же царь Константин Мономах собирает совет и снаряжает послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу — Неофита, митрополита эфесского, от Азии, и с ним двух епископов: милитинского и митилинского, и стратега антиохийского, и августалия александрийского, и игемона

иерусалимского Евстафия. И с шеи своей берет животворящий крест от самого Животворящего древа, на котором распят был владыка Христос. Снимает же с головы своей и венец царский и ставит его на блюдо золотое. Повелевает же принести и чашу сердоликовую, из которой Август, кесарь римский, пил с веселием, и ожерелье, которое на плечах своих носил, и кадильницу, искованную из аравийского золота, и смирну со многими благовониями, собранными в Индийской земле, и ливан от золота аравийского, трижды смешанный, и многие иные дары. И передает их митрополиту Неофиту с епископами и своим благородным военачальникам, и посылает их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, [говоря]: “Прими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сии честные дары от начала веков твоего рода во славу и честь и для венчания твоего вольного и самодержавного царства. Прими и то, о чем начнут молить тебя наши послы, и мы от твоего благолюбия просим мира [и] любви; да пребудут церкви Божии безмятежа, и все православие пребудет в покое под властью нашего царства и твоего вольного самодержавства Великой России. Да будешь с этого времени называться боговенчанным царем, увенчанный сим царским венцом рукою святейшего митрополита Неофита с епископами”. И с того времени великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом и царем Великой России. И с того часа тем царским венцом, который прислал великий царь греческий Константин Мономах, венчаются все великие князья владимирские, когда поставляются на великое княжение русское, как и этот вольный самодержец и царь Великой России Василий Иванович, двенадцатое колено от великого князя Владимира Мономаха, а от великого князя Рюрика 20-е колено, и братья его Ивановичи и Андреевичи»³⁷⁴.

Теперь обратимся к соответствующим фрагментам «Сказания о князьях Владимирских» (в переводе Л. А. Дмитриева), в которых говорится, что когда Владимир Мономах сел на великое княжение в Киеве, «то начал советоваться с князьями своими, и с боярами, и с вельможами, так говоря: “Неужели я ничтожнее прежде меня царствовавших и управлявших знаменами царства великой Руси, таких как князь великий Олег, который ходил и взял с Царьграда большую дань для всех воинов своих и благополучно домой возвратился, или как Все-

слав Игоревич, князь великий, который тоже ходил на Константиноград и еще более тяжелой данью его обложил. А мы, Божьей милостью, наследовали престол своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича, и наследники той же чести от Бога. Ныне жду совета от Вас, моего двора князей, бояр, и воевод, и от всего христоролюбивого воинства; да прославится имя святой живоначальной Троицы силой вашей храбрости с Божьей помощью и нашим повелением; какой же вы мне совет дадите?” Так отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу его князья, и бояре, и воеводы: “Сердце цареве в руке Божьей, а мы все в твоей власти”. Тогда великий князь Владимир собирает воевод умелых и мудрых и ставит начальников над воинскими отрядами — тысячников, сотников, пятидесятников; и, собрав многие тысячи воинов, отправляет их во Фракию, область Царьграда; и завоевали большую часть ее, и возвратились с богатой добычей.

В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах и воевал он тогда с персами и латинянами. И принял он мудрое царское решение — отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов, милитинского и митилинского, и антиохийского стратига Антипа, иерусалимского наместника Евстафия и других своих знатных вельмож. С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И передал он их митрополиту Неофиту с епископами и своим знатным посланником, и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: “Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства. Прими и то, о чем будут тебя молить наши посланцы — мы от твоего величия просим мира и любви: тогда церковь Божия утвердится, и все православие в покое пребудет под властью нашего цар-

ства и твоего свободного самодержавства великой Руси, так что теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанный этим царским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами”. И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царем великой Руси. И пребывал после того во все время с царем Константином в мире и любви. С тех пор и доньше тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское»³⁷⁵.

Помимо вышеуказанных есть еще целый ряд вариантов этого предания (которое можно условно назвать легендой о «Мономаховых дарах»). Они получили широкое распространение и были повторены составителями или редакторами Воскресенской и Никоновской летописей³⁷⁶, «Государева родословца», «Степенной книги», «Сказания о Вавилонском царстве» и других памятников XVI в. С разной степенью вероятности восприняли его и русские историки.

Так, В. Н. Татищев связал рассказ о передаче регалий с событиями, изложенными в «Повести временных лет», вследствие чего эти события были поставлены в зависимость от убийства «Леона Диогеновича»: «Владимир, желая отмстить грекам за смерть зятя своего Леона и удел его удержать оставшемуся младенцу, сыну его Василию, велел всем своим войскам готовиться, а также звал всех прочих князей в помощь. Наперед же к Дунаю послал воеводу Яна Вышатича, а сам хотел со всеми князьями весною идти. Алексей же император, уздав о том, прислал ко Владимиру великое посольство, митрополита, епископов и вельмож знатных со многими дарами, среди них же знатнейшее: венец царский, хламида, пояс драгоценный, скипетр, чаша сердоликовая (яшмовая) с драгоценными камнями, и назвал его себе братом и царем, а при том просил о мире...»³⁷⁷.

М. М. Щербатов, отметив фактические и хронологические недоразумения в рассказе о «мономаховых регалиях», равно как и тот факт, что упоминания о них присутствуют только в поздних памятниках и не находят подтверждения у древнерусских и византийских авторов, все же счел возможным утверждать, что эти регалии «суть действительные присланные из Греции, и во время Владимира Мономаха»³⁷⁸.

Сходным образом поступил и Н. М. Карамзин, который, с одной стороны, отмечал: «Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над Греками, со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что уstraшенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, золотую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимировича; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским». Однако, с другой стороны, автор «Истории государства Российского» проявлял признаки скептицизма, отмечая: «В Оружейной Московской Палате хранятся так называемая Мономахова золотая шапка, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы, коими украшаются Самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром Императора Алексея. Мы знаем, что и в X веке Государь Российский часто требовали Царской утвари от Византийских Императоров; знаем также, что Великие Князья Московские XIV столетия отказывали в завещаниях наследнику трона некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа). Но завоевание Фракии кажется сомнительным...»³⁷⁹.

С. М. Соловьёв, приведя версию «Повести временных лет» и версию позднейших летописей, осторожно заметил, что «царственное происхождение Мономаха по матери давало ему большое значение, особенно в глазах духовенства; в памятниках письменности XII века его называют царем, какую связь имело это название с вышеприведенным известием — было ли его причиною или следствием, решить трудно; заметим одно, что известие это не заключает в себе ничего невероятного; очень вероятно также, что в Киеве воспользовались этим случаем, чтоб дать любимому князю и детям его еще более права на то значение, которое они приобрели в ущерб старшим линиям»³⁸⁰.

Более конкретную точку зрения сформулировал В. О. Ключевский, писавший, что «Сказание было вызвано венчанием

Ивана IV на царство в 1547 г., когда были торжественно приняты и введены как во внешние сношения, так и во внутреннее управление титулы царя и самодержца, появлявшиеся при Иване III как бы в виде пробы лишь в некоторых, преимущественно дипломатических, актах. Основная мысль сказания: значение московских государей как церковно-политических преемников византийских царей основано на установленном при Владимире Мономахе совместном владительстве греческих и русских царей-самодержцев над всем православным миром»³⁸¹.

Формирование подобного представления стало возможным потому, что в конце XIX в. было начато научное изучение легенды о «Мономаховых дарах». И. Н. Жданов установил фактическое сходство «Сказания о князьях Владимирских» с целым рядом литературных произведений XVI в., в том числе — с «Посланием» Спиридона-Саввы, которого отождествил со Спиридоном, митрополитом Киевским и Галицким, получившим посвящение от константинопольского патриарха в 1476 г., но не признанного Московской митрополией и окончившего свои дни в заточении в Белозерском Ферапонтовом монастыре. Проанализировав противоречия между текстом «Сказания» и рассказа «Повести временных лет» о войне 1116 г., И. Н. Жданов обосновал представление о «Сказании» как о публицистическом памятнике последних десятилетий XV в., авторство которого он приписал одному из крупнейших агиографов той эпохи Пахомию Логофету³⁸².

В середине 1950-х гг. Р. П. Дмитриева пересмотрела взгляды Жданова на проблему соотношения «Сказания» и «Послания», продемонстрировав приоритет «Послания» Спиридона-Саввы по отношению к «Сказанию», а также предложив новые их датировки (1511—1523 гг. для «Послания» и 1523—1533 гг. — для «Сказания») ³⁸³.

Позднее А. А. Зимин попытался возвести «Послание» и «Сказание» к одной из редакций памятника, сохранившейся в так называемом Чудовском сборнике 1540-х гг., и высказал предположение, что появление легенды о «Мономаховых дарах» было приурочено к коронации в 1498 г. Дмитрия Ивановича, внука великого князя Московского Ивана III (1462—1505), чьим соправителем он числился на протяжении некоторого времени³⁸⁴.

А. Л. Гольдберг вернулся к датировке первоначального варианта легенды концом 1510-х — началом 1520-х гг. и атрибутировал его известному русскому дипломату первой трети XVI столетия Дмитрию Герасимову, предположив, что затем эти сюжеты были повторены в «Послании» Спиридона-Саввы и «Сказаниях о князьях Владимирских»³⁸⁵.

А. Ю. Карпов высказался в пользу соотношения текстов, установленного Р. П. Дмитриевой, однако отметил вторичность дошедшего до нас текста «Послания», датировав его 1533—1534 гг. и отнеся появление его протографа к самому началу XVI в. (до 1503)³⁸⁶.

Вопрос о генезисе понятия «Шапка Мономаха», впервые появляющегося в поздних редакциях описания коронации («чина венчания») Дмитрия Ивановича в 1498 г., был рассмотрен Н. В. Сеницыной, которая отметила, что данное определение впервые появляется в летописных текстах, восходящих к гипотетическому «Своду 1518 г.», тогда как в ранних редакциях «чина венчания» «Шапка Мономаха» именовалась просто «Шапкой», но оплечья уже именовались «Мономаховыми бармами»³⁸⁷.

Таким образом, в результате исследований, проводившихся с конца XIX в., стало очевидно, что легенда о «Мономаховых дарах» в своей основе является мистификацией первой трети XVI в., отвечавшей политическим интересам московских великих князей. Здесь присутствовала тенденция к усилению в действиях Владимира Мономаха экспансионистских мотивов, стремление поставить его в один ряд с русскими князьями, которые осмеливались поднять меч на Византию, — князем Олегом, по свидетельству «Повести временных лет», совершившим поход на Царьград в 907 г., и Святославом Игоревичем, воевавшим с византийцами в Болгарии в конце 60-х — начале 70-х гг. X в. Иначе говоря, Владимир Мономах представлен здесь как поборник и продолжатель «имперской идеи», истоки которой возводятся к X в.

Автор легенды, перед которым стояла задача дать достойное объяснение появлению на Руси регалий, употреблявшихся потомками Мономаха, московскими великими князьями, связал их появление с русско-византийской войной 1116 г., обросшей под его пером вымышленными подробностями типа вторжения во Фракию.

Рассказ о посольстве, направленном на Русь императором Константином Мономахом, призван не только объяснить появление на Руси самих регалий, но и проиллюстрировать идею о «перенесении» империи на Русь, которая нашла свое выражение в концепции «Москва — третий Рим»³⁸⁸, сформировавшейся в первых десятилетиях XVI в. в послании псковского монаха Филофея к сыну Ивана III великому князю Василию III (1505—1533).

Филофей представлял Московское государство правопреемником Рима и Константинополя, после того как они утратили чистоту веры, «ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова-града, церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли»³⁸⁹. Надо сказать, что идеи об уклонении в «латинство» «первого Рима» присутствуют и в «Послании» Спиридона Саввы, и в «Сказании о князьях Владимирских», которые, таким образом, также примыкают к этой концепции.

Идеологическими импульсами для ее формирования стали события предшествующих десятилетий: Ферраро-Флорентийский собор 1437—1439 гг., где была предпринята попытка заключения унии между католической и православной церквями, принятой тогдашним московским митрополитом Исидором (ставленником Византии) и отвергнутой великим князем Московским Василием II и русским духовенством; захват Константинополя («второго Рима») турками, положивший конец существованию Византийской империи в 1453 г., в результате чего роль крупнейшего центра православия перешла к Москве; заключение брака сына Василия, великого князя Ивана III, с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей (Зоей) Палеолог в 1472 г., которое способствовало постепенному восприятию Москвой византийской «имперской идеи», получившей законченное выражение в правление старшего сына Ивана и Софьи Василия III в послании Филофея.

По всей видимости, именно под влиянием этой идеи в первой трети XVI в. были переосмыслены династические отношения киевских князей с византийскими императорами. Например, составитель «Ростовского свода 1534 г.», положенного в основу «Тверского сборника», который, как мы говорили выше, впервые назвал матерью Владимира Мономаха

дочь Константина IX, заявил и о том, что наиболее почитаемые представители династии Рюриковичей — святые Борис и Глеб — также являлись сыновьями византийской царевны Анны, что органично вписалось в новую концепцию русско-византийских отношений, примерно в это же время получившую свое развитие в «Послании» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях Владимирских», где факт родственной связи Владимира Мономаха с одним из византийских императоров, имевший документальные подтверждения в его собственном «Поучении» и в Послании митрополита Никифора, получил, однако, несколько иную интерпретацию вследствие того, что информация первоисточников составителями этих текстов была значительно модернизирована.

Помимо известий «Повести временных лет» о русско-византийской войне 1116 г. московским книжникам, несомненно, был известен апокрифический рассказ о дарах, присланных Владимиру Мономаху Мануилом Комнином, который мог дать импульс к развитию идеи о передаче из Византии на Русь «царских» регалий. В легенде о «Мономаховых дарах» имя Мануила Комнина было заменено именем Константина Мономаха, и, таким образом, место одного анахронизма занял другой, поскольку назвать Владимира Мономаха современником Константина Мономаха или Мануила Комнина можно лишь с большой натяжкой, так как Константин Мономах умер примерно через полтора года после рождения Владимира (11 января 1055 г.), а Мануил Комнин к моменту смерти Владимира Мономаха в 1125 г. был ребенком. Однако этот факт, по всей видимости, не смущал ни создателя легенды, ни лиц, модифицировавших его произведение, поскольку, как заметил еще В. О. Ключевский, «тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами» и к прошлому «обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний»³⁹⁰.

В результате произошла серьезная трансформация представлений о русско-византийской войне 1116 г., а само появление прозвища «Мономах» стало связываться не с тем обстоятельством, что оно было родовым именем матери Владимира, а с преданием о передаче киевскому князю царских

регалий, под которыми подразумевались регалии московских князей, имеющие достаточно позднее происхождение.

Первые документальные свидетельства о «шапке золотой» и о бармах появляются лишь в 1339 г. в «духовной грамоте» (завещании) московского князя Ивана Калиты (1325—1340)³⁹¹. О «шляпе» и о бармах Мономаха написал в своих записках и немецкий посол Сигизмунд фон Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг.: «Шляпа на их языке называется scharka; ее носил Владимир Мономах и оставил ее, украшенную драгоценными камнями и нарядно убранную золотыми бляшками, которые колыхались, извиваясь змейками».

Герберштейн воспроизвел официальную московскую версию происхождения шапки (хотя исследователи высказывают сомнения в аутентичности существующей «шапки Мономаха» и «шапки», описанной Герберштейном). О бармах немецкий дипломат написал следующее: «Бармы (Barmai) представляют собой своего рода широкое ошейное украшение (torques, Stollin) из грубого шелка; сверху оно нарядно отделано золотом и драгоценными камнями».

Также Герберштейн привел в своих записках версию их появления на Руси: «Владимир отнял их у некоего побежденного им генуэзца, начальника Каффы»³⁹². Эту версию появления барм в XVI в. повторил польский хронист Матей Стрыйковский, а в начале XVII в. шведский историк Пер Перссон (Петр Петрей).

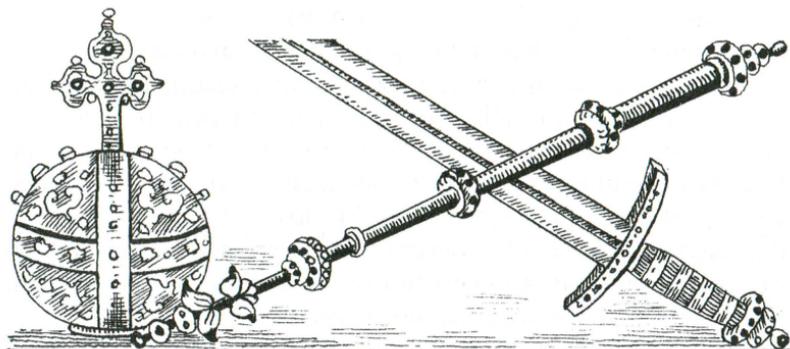
Показательно и то, какую эволюцию в представлениях исследователей претерпела трактовка «шапки Мономаха»: если до конца XIX в. под влиянием легенды о «Мономаховых дарах» «шапку» рассматривали как памятник византийского искусства, то на рубеже XIX—XX вв. сложились предположения о том, что она является памятником культурного влияния Ближнего Востока или Средней Азии. В результате «шапка» стала рассматриваться как артефакт эпохи золотоордынского господства на Руси. Примечательно, что для согласования этой гипотезы с легендой о «Мономаховых дарах» на первых порах было выдвинуто предположение о том, что «оригинальная шапка», присланная Владимиру Мономаху из Константинополя, была утрачена и ее место заняла шапка, подаренная московским князьям одним из ханов Золотой орды.

Существуют комбинации этих подходов, которые позволяют подходить к рассмотрению шапки как продукту мультикультурного симбиоза. Но даже в том случае, если шапка рассматривается как артефакт византийской культуры, подобная точка зрения, как правило, сопровождается серьезными оговорками. Так, одна из современных точек зрения предполагает, что «происхождение ряда регалий, включая и золотую Шапку, имеет отношение к Кафе, где мог быть приобретен византийский “раритет”»³⁹³, но в то же время подчеркивается, что никакие реалии облика шапки «нельзя связать с эпохой X–XII веков и свойственными ей головными уборами»³⁹⁴.

Сложная техническая конструкция шапки говорит в пользу поэтапного формирования ее внешнего вида. Основа ее была сработана не раньше XIII в., а отдельные элементы (например, появление опушки) являются еще более поздними дополнениями. Так что главная регалия русских великих князей и царей — до появления в XVIII в. императорской короны — не может быть связана с древнерусским периодом.

Наконец, так называемый трон Мономаха в Успенском соборе Московского Кремля, украшенный сценами из «Сказания о князьях Владимирских», как показал известный историк московского быта И. Е. Забелин, был изготовлен в середине XVI в. при Иване Грозном³⁹⁵.

Таким образом, соотнесение всех этих артефактов с именем Владимира Мономаха являлось лишь данью традиции, господствовавшей в Московском государстве, в которой киевский князь стал одним из действующих лиц политического мифа, имевшего мало общего с реалиями XII столетия.

Итак, какую же характеристику мы можем дать Владимиру Мономаху на основании всех рассмотренных фактов?

Итоговая характеристика князя получается несколько двойственной. Эта двойственность отчетливо видна даже в «Поучении» Мономаха, где первая часть, представляющая «идеальный тип» князя в духе «христианского гуманизма», вступает в определенное противоречие со второй его частью, где описываются походы и подвиги. Двойственный характер деятельности Мономаха просматривается и в созданном им «Уставе». Быть может, не так заметна двойственность образа Мономаха на страницах «Повести временных лет», но объективность ее свидетельств, как мы заметили выше, в ряде случаев вызывает серьезные сомнения, и эти сомнения, еще более возрастают, когда мы знакомимся с теми пассажами о Мономахе, которые находятся за пределами «Повести...» в текстах, сложившихся на протяжении XII в. и отраженных в Ипатьевской, Лаврентьевской и сходных с ними летописях.

Эту двойственность деятельности Мономаха можно объяснить двумя способами: либо как результат отклонения «реальной политики» князя от идеального образа правителя, созданного в первой части «Поучения», либо как результат

политической эволюции Мономаха. В том, что такая политическая эволюция имела место, нет никаких сомнений: достаточно обратить внимание на факты его взаимоотношений с другими князьями, чтобы понять, что характер действий Мономаха менялся в зависимости от требований «реальной политики», в соответствии с которыми он мог пойти на те или иные уступки. Однако с того момента, как в 1113 г. он стал киевским князем, таких уступок становилось все меньше, а место декларируемых прежде политических принципов занимали династические интересы, для оправдания которых княжеским летописцам достаточно было подобрать подходящее обоснование, как правило относившееся уже не к правовой, а к моральной сфере. И сам Мономах, и близкие к нему интеллектуалы (типа Сильвестра) были в значительной степени мифотворцами, поэтому нет ничего удивительного в том, что мифотворцы более позднего времени, являвшиеся специалистами по «плетению словес», под влиянием того колоритного образа князя, который сложился в древнерусской традиции, сделали Владимира Мономаха главным героем разрабатываемого ими мифа «перенесения империи» на Русь.

Мифический образ князя, который сегодня мы можем наблюдать в дошедших до нас источниках, таит в себе некоторые противоречивые черты, хотя эти противоречия не столь очевидны, как противоречия в образах его европейских современников. Этим мы обязаны тому обстоятельству, что до наших дней сохранилась лишь ветвь древнерусской летописной традиции, отражающая тенденцию, выгодную Мономаху, тогда как памятников историописания, которое было бы оппозиционно настроено к Мономаху, не сохранилось. Но и того, что мы продемонстрировали в этой книге, вполне достаточно, чтобы понять, что Мономах был далеко не таким идеальным правителем, каким он пытался себя представить.

Краткая хронология

- 1053 — Рождение Владимира Мономаха в семье Всеволода Ярославича, сына киевского князя Ярослава I, и «царицы грекини», родственницы византийского императора Константина XI Мономаха.
- 1054–1076 — Княжение Всеволода Ярославича в Переяславле.
- 1068 — Разгром половцами русских князей на Альте. Восстание в Киеве. Первые походы Мономаха — к Ростову и Смоленску.
- 1068–1069* — Княжение Мономаха в Берестье.
- 1069–1075* — Княжение Мономаха во Владимире-на-Волыни.
- 1075–1076* — Поход Владимира Мономаха и Олега Святославича в Центральную Европу.
- 1076–1077* — Княжение Мономаха в Турове.
- 1077 — Первое княжение Всеволода Ярославича в Киеве.
- 1077–1078 — Княжение Всеволода Ярославича в Чернигове.
- 1077–1078 — Княжение Мономаха в Смоленске. Походы Мономаха на Полоцк.
- 1078–1093 — Второе княжение Всеволода Ярославича в Киеве.
- 1078–1094 — Княжение Мономаха в Чернигове.
- 1078–1079* — Походы Мономаха на половцев.
- 1080 — Поход Мономаха на торков.
- 1081–1082* — Походы Мономаха на вятичей.
- 1083* — Поход на Ростиславичей за Микулин.
- 1084* — Поход к Минску.
- 1085* — Первое княжение Мономаха в Переяславле. Война с половцами. Мятеж Ярополка Изяславича. Поход Мономаха на Воынь.
- 1086 — Примирение Мономаха с Ярополком Изяславичем.

* Гипотетические даты.

- 1093–1113 — Княжение в Киеве Святополка Изяславича.
- 1093 — Разгром половцами русских князей на Стугне под Треполем. Гибель младшего брата Мономаха Ростислава Всеволодовича.
- 1094 — Отказ Мономаха от Чернигова в пользу Олега Святославича.
- 1094–1113 — Второе княжение Мономаха в Переяславле.
- 1096–1097 — Война Мономаха с Олегом Святославичем.
- 1097 — Съезд князей в Любече. Провозглашение Любечской доктрины — владения волостями по «отчине». Ослепление Василько Ростиславича.
- 1097–1098 — Выступление Мономаха, Давыда и Олега Святославичей против Святополка Изяславича в связи ослеплением Василько.
- 1098–1099 — Война на Волыни.
- 1100 — Съезд князей в Уветичах. Волынь остается за Святополком Изяславичем. Первая редакция «Поучения» Мономаха.
- 1101 — Съезд князей в Золотче. Заключение мира с половцами.
- 1103 — Съезд князей на Долобском озере. Возобновление наступательных действий против половцев по инициативе Мономаха.
- 1108 — Мономах основывает «Владимир Залесский» (Владимир-на-Клязьме).
- 1111 — Мономах инициирует поход на половцев, завершившийся их разгромом на реке Салнице.
- 1113 — Смерть Святополка Изяславича. Приглашение на киевский стол Мономаха. Беспорядки в Киеве.
- 1113–1115* — «Устав» Владимира Всеволодовича.
- 1115 — Перезахоронение мощей Бориса и Глеба в Вышгороде в результате компромисса между Олегом и Давыдом Святославичами и Мономахом. Смерть Олега Святославича.
- 1116 — Первый поход Мономаха против минского князя Глеба Всеславича. Война с Византией. Игумен Выдубицкого монастыря Святого Михаила Сильвестр завершает работу над «Повестью временных лет».
- 1117 — Старший сын Мономаха Мстислав получает княжение в Белгороде и становится фактическим соправителем отца в Киевской земле. Война Мономаха с волынским князем Ярославом Святополчицем. Вторая редакция «Поучения» Мономаха.

- 1118 — Второй поход Мономаха против минского князя Глеба Всеславича. Арест части новгородских бояр в Киеве по приказу Мономаха и его сына Мстислава. Бегство Ярослава Святополчича из Владимира-на-Волыни. Волынь переходит под власть Мономаха.
- 1123 — Ярослав Святополчич приводит большую иностранную армию на Волынь, но погибает под стенами Владимира.
- 1125 — Смерть Владимира Мономаха у церкви Бориса и Глеба на Альте.

Библиография

- Алексеев 1935 — Алексеев М. П. Англосаксонская параллель к Почению Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 2. М., Л.
- Алексеев 1980 — Алексеев Л. В. Смоленская земля IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.
- Алексеев 2006 — Алексеев Л. В. Западные земли Домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1—2. М.
- Анна Комнина 2010 — Анна Комнина. Алексиада [3-е изд.]. СПб.
- Беляев 1866 — Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. М.
- Безобразов 1889 — Безобразов П. Н. Материалы для истории Византийской империи // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 265 (сентябрь).
- Бруно 2012 — Бруно. О саксонской войне // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М.
- Брюсова 1968 — Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28. М.
- Будовниц 1960 — Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М.
- Васильевский 2010 — Васильевский В. Г. Избранные труды. Кн. 1. М.
- Вернадский 2004 — Вернадский Г. В. История России. Киевская Русь. М., Тверь.
- Вилкул 2009 — Вилкул Т. Л. Известие «Повести временных лет» о Любечском съезде 1097 г.: интерпретации и ошибочные чтения // Славяноведение, № 2.
- Герберштейн 1988 — Герберштейн С. Записки о Московии. М.
- Гиппиус 2003 — Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции I // Русский язык в научном освещении. № 2 (6).

- Гиппиус 2004 — Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции II // Русский язык в научном освещении. № 2 (8).
- Гиппиус 2008 — Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести Временных лет II // Славяноведение, № 2.
- Головко 1988 — Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев.
- Голубовский 1881 — Голубовский П. Очерк истории Северной земли до половины XIV столетия. Киев.
- Голубовский 1895 — Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев.
- Гольдберг 1976 — Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.
- Горский 1987 — Горский А. А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. Т. 115. М.
- Горский 2009 — Горский А. А. Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник. Восприятие, отношение, интерпретация. XXI чтения памяти В. Т. Пашуто. М.
- Греков 1953 — Греков Б. Д. Киевская Русь. М.
- Грушевский 1891 — Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев.
- Грушевский 1891a — Грушевский М. Волынский вопрос 1097–1102 гг. // Киевская старина. Т. 32, № 4.
- Грушевский 1905 — Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2, 3. Львів.
- ДДГ 1949 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., Л.
- Джаксон 2012 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий [2-е изд., исправленное и дополненное]. М.
- Дмитриева 1955 — Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М., Л.
- Добрушкин 1970 — Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л.
- ДРСЗИ 2003 — Древняя Русь в свете зарубежных источников [2-е изд.]. М.
- ДРСЗИ 4 — Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники (составление, перевод и комментарий А. В. Назаренко). М., 2010.

- Жданов 1891 — Жданов И. Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех Владимирских» [Часть II] // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 277 (сентябрь).
- Жилина 2001 — Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.
- Забелин 2002 — Забелин И. Археологическая находка (решение вопроса о царском месте или так называемом Мономаховом троне в Успенском соборе) // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.
- Зайцев 2009 — Зайцев А. К. Черниговское княжество в X—XIII веках. М.
- Зимин 1972 — Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л. В. Черепнину. М.
- Зимин 1982 — Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (чертики социально-политической истории). М.
- Зимин 1999 — Зимин А. А. Правда Русская. М.
- Ивакин 1901 — Ивакин И. М. Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М.
- Иванов 1895 — Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса.
- Иловайский 2005 — Иловайский Д. Становление Руси. М.
- Карамзин 1988 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 1—4 [Репринтное воспроизведение издания И. Эйнерлинга (СПб. 1842) в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева]. М.
- Каштанов 1996 — Каштанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII чтения памяти В. Т. Пашуто. М.
- Клеванов 1849 — Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М.
- Ключевский 1987 — Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 1—2. Курс русской истории. Ч. 1—2. М.
- Коринный 1992 — Коринный Н. Н. Переяславская земля в конце X — первой трети XIII столетия. Киев.
- Костомаров 2004 — Костомаров Н. И. История Руси Великой. Сочинения в 12 томах. Т. 1. Русская история в биографиях ее главных деятелей. М.
- Костомаров 2005 — Костомаров Н. И. История Руси Великой. Сочинения в 12 томах. Т. 10. Северные республики Руси. М.
- Котляр 1998 — Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб.

- Котляр 2003 — Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб.
- Котышев 2001 — Котышев Д. М. К вопросу о датировке одного фрагмента «Поучения» Владимира Мономаха // Вестник Челябинского университета. Серия 1, История, № 1 (12).
- Куза 1989 — Куза А. В. Малые города Древней Руси X–XIII вв. М.
- Кучкин 1971 — Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI века // Советское славяноведение, № 2.
- Кучкин 1984 — Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М.
- Кучкин 1999 — Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время (Сборник к 70-летию Л. В. Милова).
- Кузьмин 1977 — Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.
- Лашнюков 1874 — Лашнюков И. В. Владимир Мономах и его время // Киевские университетские известия, 1873, № 11 (историко-филологический отдел).
- Левченко 1956 — Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.
- Линниченко 1881 — Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев.
- Литаврин 2000 — Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII века). СПб.
- Литаврин 2001 — Литаврин Г. Г. Византия и славяне. [2-е изд.]. СПб.
- Лимонов 1987 — Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- Лихачёв 1947 — Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.
- Лихачёв 1987 — Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.
- Лопарев 1902 — Лопарев Х. Брак Мстиславны (1122) // Византийский временник. Т. 9.
- Любавский 2000 — Любавский М. Лекции по русской истории до конца XVI века. СПб.
- Ляскоронский 1897 — Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев.
- Мавродин 1956 — Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.
- Мавродин 2002 — Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) [2-е изд.]. СПб.
- Мильков, Милькова 2007 — Мильков В. В., Милькова С. В. Нравственная программа Владимира Мономаха и ее идейно-философ-

- ские основания // Митрополит Никифор (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. V). СПб.
- Милютенко 2006 — Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб.
- Михаил Пселл 1978 — Михаил Пселл. Хронография. М.
- Назаренко 1993 — Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история, № 2.
- Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М.
- Назаренко 2009 — Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки). М.
- Насонов 1969 — Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.
- Насонов 2006 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь [2-е изд.]. СПб.
- Никифор 2007 — Митрополит Никифор (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. V). СПб.
- Никифор Вриенний 2006 — Никифор Вриенний. Исторические записки (976—1087). Епископ Себеос. История императора Иракла (Византийская историческая библиотека). Рязань.
- Оболенский 1998 — Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.
- Орлов 1946 — Орлов А. С. Владимир Мономах. М., Л.
- Пападимитриу 1904 — Пападимитриу С. Брак Мстиславны с Алексеем Комнином // Византийский временник. Т. 11.
- Пашуто 1968 — Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.
- Петров 2003 — Петров А. В. От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы. СПб.
- Петрухин 2000 — Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.
- Петрухин 2013 — Петрухин В. Я. Киевское восстание 1113 года и еврейский погром (в интерпретации В. Н. Татищева) // Славяноведение, № 2.
- Пиккио 2002 — Пиккио Р. Древнерусская литература. М.
- ПлДР 1978 — Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М.
- ПлДР 1980 — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.
- ПлДР 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.
- ПлДР 1984 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.
- Погодин 1850 — Погодин М. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М.

- Погодин 1855 — Погодин М. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 6. М.
- Погодин 1862 — Погодин М. П. О поучении Мономаховом // Известия Отделения русского языка и литературы императорской Академии Наук. Т. X [Вып. 3]. СПб.
- Покровский 1966 — Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 книгах. Кн. 1. М.
- Послание о Мономаховых дарах (Послание Спиридона-Саввы). Вступительная статья, перевод, комментарии и примечания А. Ю. Карпова. Электронная версия: <http://www.portal-slovo.ru/history/35623.php>
- Правда Русская. Т. 1. Текст; Т. 2. Комментарии. М., Л., 1940, 1947.
- Пресняков 1993 — Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.
- Прищёлков 2003 — Прищёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. [2-е изд.] СПб.
- ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись [2-е изд.]. М., 2001.
- ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ 2 [1843] — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.
- ПСРЛ 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ 3. Вып. 2 [1879] — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородские летописи. СПб.
- ПСРЛ 4 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Часть 1. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000.
- ПСРЛ 7 — Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ 9 — Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ 15 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- ПСРЛ 20 — Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М., 2005.
- ПСРЛ 25 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
- Пузанов 2007 — Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск.

- Рапов 1977 — Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в конце X — первой трети XIII века. М.
- Рыбаков 1963 — Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.
- Рыбаков 1982 — Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М.
- Рыбаков 1991 — Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.
- Саксон Анналист 2012 — Саксон Анналист. Хроника. М.
- Самоковасов 1870 — Самоковасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб.
- Свердлов 2003 — Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.
- Сергеевич 1867 — Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.
- Сергеевич 2006 — Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. М.
- Синицына 2002 — Синицына Н. В. О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях русско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв.) // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.
- Скабаланович 2010 — Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI столетии. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея Комнина. СПб.
- Смирнов 1963 — Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М., Л.
- Соловьёв 1988 — Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. 1—2. История России с древнейших времен. Т. 1—4. М.
- Соловьёв 2010 — Соловьёв С. М. Древнерусские князья. СПб.
- Стремоухов 2002 — Стремоухов Д. Москва — Третий Рим: источники доктрины // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.
- Татищев 1773 — Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 2. М.
- Тихомиров 1941 — Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). М.
- Тихомиров 1953 — Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской правды. М.
- Тихомиров 1969 — Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.
- Тихомиров 1975 — Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.

- Тихомиров 2008 — Тихомиров М. Н. Древнерусские города [3-е изд.]. СПб.
- Толочко 1987 — Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев.
- Толочко 1992 — Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, ответственность, идеология. Киев.
- Толочко 2003 — Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.
- Толочко 2003а — Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.
- Толочко 2005 — Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., Киев.
- Тюрин 1849 — [Тюрин А. Ф.] Смерть Ярополка Изяславича (в 1086 г.) // Современник. Т. 16. Ч. 1. Отд. II.
- Успенский 1998 — Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.
- Филюшкин 2006 — Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М., СПб.
- Фроянов 1995 — Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М., СПб.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.
- Хлебников 1872 — Хлебников Н. Государство и общество в домонгольский период русской истории. СПб.
- Цыб 2011 — Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» [2-е изд., испр.]. СПб.
- Черепнин 1948 — Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25.
- Черепнин 1965 — Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Шахматов 2002 — Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть Временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
- Шахматов 2003 — Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть Временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб.
- Щавелева 2004 — Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. Текст. Перевод. Комментарий (Книги I–VI). М.
- Щербатов 1771 — Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб.

- Янин 1960 — Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М., Л.
- Янин 1970 — Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.
- Янин 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. [2-е изд.]. М.
- Янин, Гайдуков 1998 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.
- Янин, Литаврин 1962 — Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М.
- Lampertus Hersfeldensis 1894 — Lamperti Hersfeldensis. Opera / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover, Leipzig.
- Saxo Grammaticus 1886 — Saxonis Grammatici. Gesta Danorum. Strassburg.

- ¹ Соловьёв 2010. С. 155–156.
- ² Костомаров 2004. Т. 1. С. 39, 66–67.
- ³ Грушевский 1891. С. 134.
- ⁴ Рыбаков 1982. С. 468.
- ⁵ Лихачёв 1987. С. 140.
- ⁶ ПСРЛ 1. Стб. 240.
- ⁷ Пселл 1978. С. 95.
- ⁸ Литаврин 2000. С. 237.
- ⁹ Там же. С. 244.
- ¹⁰ Никифор 2007. С. 264.
- ¹¹ ПСРЛ 15. Стб. 151; ПСРЛ 2 [1843]. Стб. 267.
- ¹² Янин, Литаврин 1962. С. 216.
- ¹³ Брюсова 1968. С. 129.
- ¹⁴ Янин, Литаврин 1962. С. 221.
- ¹⁵ Скабаланович 2010. С. 129–130.
- ¹⁶ Янин, Литаврин 1962. С. 205.
- ¹⁷ ПСРЛ 1. Стб. 161–162; ПЛДР 1978. С. 175, 177.
- ¹⁸ Соловьёв 2010. С. 142–143.
- ¹⁹ Грушевский 1905. Т. 2. С. 48.
- ²⁰ Шахматов 2002. С. 273–274, 297, 303–304, 308.
- ²¹ Черепнин 1948. С. 324–325.
- ²² Насонов 1969. С. 50.
- ²³ Милютенко 2006. С. 389.
- ²⁴ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 210, 669–670 (Прим. 227).
- ²⁵ Погодин 1850. Т. 4. С. 427, 428.
- ²⁶ Ключевский 1987. Т. 1. С. 185; Пресняков 1993. С. 23–26.
- ²⁷ Насонов 2006. С. 30.
- ²⁸ ПСРЛ 1. Стб. 122–124; ПЛДР 1978. С. 137, 139.
- ²⁹ Куза 1989. С. 154; Горский 2009.

- ³⁰ ПСРЛ 4. Ч. 1. С. 122.
- ³¹ ПСРЛ 3. С. 161, 470.
- ³² ПСРЛ 4. Ч. 1. С. 123.
- ³³ Покровский 1966. Кн. 1. С. 159; Мавродин 1956. С. 197.
- ³⁴ Толочко 1987. С. 88; Тихомиров 2008. С. 148.
- ³⁵ ПСРЛ 1. Стб. 170–171; ПЛДР 1978. С. 185.
- ³⁶ Рыбаков 1991. С. 44.
- ³⁷ Толочко 1992. С. 142–143.
- ³⁸ Фроянов 1995. С. 185–186.
- ³⁹ Хлебников 1872. С. 266; Грушевский 1905. Т. 3. С. 209; Покровский 1966. Кн. 1. С. 159.
- ⁴⁰ Фроянов 1995. С. 195.
- ⁴¹ ПСРЛ 1. С. 172; ПЛДР 1978. С. 187.
- ⁴² ПСРЛ 1. Стб. 247.
- ⁴³ Погодин 1855. Т. 6. С. 45 (Прим. 22); Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 672–673 (Прим. 50).
- ⁴⁴ Ивакин 1901. С. 143; Шахматов 2003. С. 532; Рыбаков 1963. С. 269; Толочко 2003. С. 81, 91–93.
- ⁴⁵ Орлов 1946. С. 10; Кучкин 1971. С. 31–33; Гиппиус 2004. С. 160, 161, 164.
- ⁴⁶ Цыб 2011. С. 85–87.
- ⁴⁷ Оболенский 1998. С. 465, 466.
- ⁴⁸ Ивакин 1901. С. 149.
- ⁴⁹ Существует предположение, что имя Ставко Гордытича могло быть в тексте «Почужения» позднейшей вставкой (Гиппиус 2004. С. 161–163).
- ⁵⁰ ПСРЛ 1. Стб. 247.
- ⁵¹ Ивакин 1901. С. 151.
- ⁵² Гиппиус 2004. С. 163.
- ⁵³ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 670–671 (Прим. 50).
- ⁵⁴ Грушевский 1891. С. 64–65; Иванов 1895. С. 116; Насонов 2006. С. 121; Янин 1960. С. 115–116; Алексеев 2006. Кн. 2. С. 34, и др.
- ⁵⁵ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 673 (Прим. 55); Грушевский 1891. С. 78.
- ⁵⁶ Назаренко 2001. С. 520–522, 528–529.
- ⁵⁷ Бруно 2012. С. 458; Саксон Анналист 2012. С. 367.
- ⁵⁸ Пашуто 1968. С. 124; Котляр 2003. С. 59.
- ⁵⁹ Сахо Grammaticus 1886. S. 370. Подробнее о возможных обстоятельствах заключения брака Гиды и Мономаха см.: Алексеев 1935. С. 50–52.
- ⁶⁰ Джаксон 2012. С. 506.
- ⁶¹ ПСРЛ 1. Стб. 182–183; ПЛДР 1978. С. 325, 327.
- ⁶² Пресняков 1993. С. 44; Мавродин 2002. С. 213.
- ⁶³ ПСРЛ 2. Стб. 492; Алексеев 2006. Кн. 2. С. 9.

- ⁶⁴ Ср.: Греков 1953. С. 495.
- ⁶⁵ Котышев 2001. С. 6–8, 11 (Прим. 29); Свердлов 2003. С. 459.
- ⁶⁶ Грушевский 1891а. С. 37; Ляскоронский 1897. С. 297.
- ⁶⁷ ПЛДР 1978. С. 377.
- ⁶⁸ Татишев 1773. Кн. 2. С. 127.
- ⁶⁹ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 346; Костомаров 2004. Т. 1. С. 42; Ляскоронский 1897. С. 297; Ключевский 1987. Т. 1. С. 183; Мавродин 2002. С. 213; Кучкин 1971. С. 30; Рапов 1977. С. 46, 95; Коринный 1992. С. 61, и др.
- ⁷⁰ Карамзин 1988. Примечания к II тому. Стб. 51–52 (№ 128); Голубовский 1881. С. 71; Грушевский 1891. С. 80; Греков 1953. С. 495; Толочко 1987. С. 91; Котляр 1998. С. 178–179; Назаренко 2009. С. 114–123.
- ⁷¹ ПЛДР 1980. С. 426.
- ⁷² ПСРЛ 1. Стб. 217.
- ⁷³ ПСРЛ 3. С. 161, 470.
- ⁷⁴ Назаренко 2009. С. 122, 123.
- ⁷⁵ ПСРЛ 1. Стб. 247.
- ⁷⁶ Рапов 1977. С. 137.
- ⁷⁷ Кучкин 1971. С. 30; Коринный 1992. С. 61.
- ⁷⁸ ПСРЛ 1. Стб. 199; ПЛДР 1978. С. 211.
- ⁷⁹ Кучкин 1971. С. 23–25.
- ⁸⁰ Головки 1988. С. 54.
- ⁸¹ Lampertus Hersfeldensis 1894. S. 232.
- ⁸² Единственным исключением является рассказ В. Н. Татищева, помещенный в «Истории Российской» под 1076 г. (Татишев 1773. Кн. 2. С. 130–131), но вопрос о степени его достоверности является весьма спорным (ср.: Назаренко 2001. С. 531–533; Толочко 2005. С. 477–487).
- ⁸³ ДРСЗИ 4. С. 119–120.
- ⁸⁴ ПСРЛ 1. Стб. 198–199; ПЛДР 1978. С. 211.
- ⁸⁵ ДРСЗИ 4. С. 121.
- ⁸⁶ Там же. С. 157.
- ⁸⁷ Там же. С. 112–113.
- ⁸⁸ ДРСЗИ 4. С. 112.
- ⁸⁹ ДРСЗИ 2003. С. 363.
- ⁹⁰ ПСРЛ 1. Стб. 247.
- ⁹¹ Сергеевич 1867. С. 163; Грушевский 1891. С. 87–88; Пашуто 1968. С. 43; Свердлов 2003. С. 463.
- ⁹² ПСРЛ 3. С. 161, 470.
- ⁹³ Там же. С. 18, 201; ПСРЛ 3. Вып. 2 [1879]. С. 130.
- ⁹⁴ ПСРЛ 1. Стб. 247.
- ⁹⁵ Оболенский 1998. С. 467.

- ⁹⁶ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 349; Голубовский 1881. С. 81; Грушевский 1891. С. 80; Ивакин 1901. С. 150, 159; Пресняков 1993. С. 44, и др.
- ⁹⁷ Грушевский 1905. Т. 2. С. 67–68.
- ⁹⁸ Погодин 1850. Т. 4. С. 370–371.
- ⁹⁹ ПСРЛ 1. Стб. 247–248.
- ¹⁰⁰ Ивакин 1901. С. 162; Алексеев 2006. Кн. 1. С. 87.
- ¹⁰¹ Ляскоронский 1897. С. 297–298 (Прим. 6).
- ¹⁰² Ивакин 1901. С. 159.
- ¹⁰³ ПСРЛ 1. Стб. 199; ПЛДР 1978. С. 213.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ 1. Стб. 248.
- ¹⁰⁵ Толочко 2003а. С. 66.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ 1. Стб. 202–203; ПЛДР 1978. С. 215.
- ¹⁰⁷ ПСРЛ 1. Стб. 248.
- ¹⁰⁸ Там же. Стб. 248–249.
- ¹⁰⁹ Ср.: Ивакин 1901. С. 157, 158.
- ¹¹⁰ Татишев 1773. Кн. 2. С. 137; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 354.
- ¹¹¹ Грушевский 1905. Т. 2. С. 72.
- ¹¹² ПСРЛ 1. Стб. 205, 206; ПЛДР 1978. С. 217.
- ¹¹³ Шавелева 2004. С. 275–276.
- ¹¹⁴ Линниченко 1881. С. 23; Сергеевич 2006. Т. 2. С. 230.
- ¹¹⁵ Карамзин 1988. Примечания к II тому. Стб. 60 (№ 148); Клеванов 1849. С. 51; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 675. Прим. 78.
- ¹¹⁶ ПСРЛ 1. Стб. 248–249.
- ¹¹⁷ ПСРЛ 2. Стб. 197.
- ¹¹⁸ Рыбаков 1963. С. 269–270; Назаренко 2001. С. 554–555.
- ¹¹⁹ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 355; Грушевский 1891. С. 93; Пресняков 1993. С. 49.
- ¹²⁰ Рапов 1977. С. 84.
- ¹²¹ Лашнюков 1874. С. 8–9; Иванов 1895. С. 123–124; Котляр 1998. С. 213.
- ¹²² ПСРЛ 2. Стб. 199.
- ¹²³ ПСРЛ 1. Стб. 216–217; ПЛДР 1978. С. 227, 229.
- ¹²⁴ Янин, Гайдуков 1998. С. 20–21; Успенский 1998. С. 332.
- ¹²⁵ Петрухин 2000. С. 191.
- ¹²⁶ ПСРЛ 1. Стб. 217; ПЛДР 1978. С. 229.
- ¹²⁷ Сергеевич 2006. С. 231.
- ¹²⁸ ПСРЛ 1. Стб. 286; ПЛДР 1978. С. 277.
- ¹²⁹ Пресняков 1993. С. 51.
- ¹³⁰ Татишев 1773. Кн. 2. С. 146.
- ¹³¹ Соловьёв 2010. С. 156; Иловайский 2005. С. 127; Любавский 2000. С. 169.
- ¹³² Рыбаков 1963. С. 255, 256; Толочко 1987. С. 94.

- ¹³³ Толочко 1992. С. 36; Котляр 1998. С. 223–224; Петрухин 2000. С. 193.
- ¹³⁴ ПСРЛ 1. Стб. 218–220; ПЛДР 1978. С. 229, 231.
- ¹³⁵ ПЛДР 1980. С. 537.
- ¹³⁶ ПСРЛ 1. Стб. 219–220; ПЛДР 1978. С. 231.
- ¹³⁷ ПСРЛ 1. Стб. 249.
- ¹³⁸ Пресняков 1993. С. 52.
- ¹³⁹ ПСРЛ 1. Стб. 226; ПЛДР 1978. С. 235, 237.
- ¹⁴⁰ ПСРЛ 1. Стб. 249.
- ¹⁴¹ Вернадский 2004. С. 98.
- ¹⁴² ПСРЛ 3. С. 19, 202.
- ¹⁴³ ПСРЛ 1. Стб. 227–228; ПЛДР 1978. С. 237.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ 1. Стб. 249.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 228; ПЛДР 1978. С. 239.
- ¹⁴⁶ ПСРЛ 1. Стб. 230–233; ПЛДР 1978. С. 239, 241, 243.
- ¹⁴⁷ ПСРЛ 1. Стб. 249.
- ¹⁴⁸ ПСРЛ 1. Стб. 231; ПЛДР 1978. С. 241.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ 1. Стб. 236; ПЛДР 1978. С. 245.
- ¹⁵⁰ Шахматов 2003. С. 402–404, 530–531, 545; Насонов 1969. С. 62–63; Гиппиус 2009. С. 12.
- ¹⁵¹ ПСРЛ 1. Стб. 229; ПЛДР 1978. С. 239.
- ¹⁵² ПСРЛ 1. Стб. 249.
- ¹⁵³ Грушевский 1905. Т. 2. С. 90.
- ¹⁵⁴ ПСРЛ 1. Стб. 254.
- ¹⁵⁵ Там же. Стб. 252–254; ПЛДР 1978. С. 411, 413.
- ¹⁵⁶ ПСРЛ 1. Стб. 256–257; ПЛДР 1978. С. 249.
- ¹⁵⁷ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 389.
- ¹⁵⁸ Голубовский 1881. С. 101.
- ¹⁵⁹ Назаренко 2009. С. 93–94, 97–98.
- ¹⁶⁰ Погодин 1850. Т. 4. С. 441–444; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 266–267 (Прим. 11).
- ¹⁶¹ Зайцев 2009. С. 66, 73–76.
- ¹⁶² Вилкул 2009.
- ¹⁶³ Шахматов 2003. С. 530–533, 552–554; Гиппиус 2008. С. 6–12.
- ¹⁶⁴ ПСРЛ 1. Стб. 257–262; ПЛДР 1978. С. 249–255.
- ¹⁶⁵ Левченко 1956. С. 428; Тихомиров 1969. С. 127.
- ¹⁶⁶ ПСРЛ 1. Стб. 262–264; ПЛДР 1978. С. 255, 257.
- ¹⁶⁷ Шахматов 2003. С. 548–549.
- ¹⁶⁸ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 372.
- ¹⁶⁹ ПСРЛ 1. Стб. 271–274; ПЛДР 1978. С. 261–267.
- ¹⁷⁰ ПСРЛ 1. Стб. 241.
- ¹⁷¹ Соловьёв 1988. Кн. 2. С. 84–85.
- ¹⁷² Цыб 2011 С. 60–61.

- ¹⁷³ Там же. С. 57.
- ¹⁷⁴ Шахматов 2003. С. 899–900.
- ¹⁷⁵ ПСРЛ 1. Стб. 275–276; ПЛДР 1978. С. 267, 269.
- ¹⁷⁶ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 381–382.
- ¹⁷⁷ Голубовский 1895. С. 263.
- ¹⁷⁸ Янин 1960. С. 121–129; Янин 1970. С. 22–23.
- ¹⁷⁹ Алексеев 2006. Кн. 2. С. 32–34.
- ¹⁸⁰ ПСРЛ 1. Стб. 250.
- ¹⁸¹ Там же. Стб. 281; ПЛДР 1978. С. 273. После смерти второй супруги Мономах вступил в брак еще раз — его третья жена, имя которой также неизвестно, скончалась 11 июня 1126 г. (ПСРЛ 1. Стб. 296).
- ¹⁸² По мнению исследователя, это могло произойти в самом конце 1090-х гг. (Назаренко 1993), в то время как в рамках альтернативной гипотезы это событие относится к рубежу 1080-х и 1090-х гг. (Кучкин 1999).
- ¹⁸³ ПСРЛ 2. Стб. 430.
- ¹⁸⁴ ПСРЛ 1. Стб. 277–279; ПЛДР 1978. С. 269, 271.
- ¹⁸⁵ ПСРЛ 1. Стб. 250.
- ¹⁸⁶ Там же. Стб. 281–283; ПЛДР 1978. С. 273, 275.
- ¹⁸⁷ ПСРЛ 1. Стб. 250; ср. ПЛДР 1978. С. 407.
- ¹⁸⁸ ПСРЛ 2. Стб. 264–268; ПВЛ 1999. С. 260–271.
- ¹⁸⁹ ПСРЛ 2. Стб. 268; ПВЛ 1999. С. 262.
- ¹⁹⁰ ПСРЛ 1. Стб. 250.
- ¹⁹¹ Янин 1960.
- ¹⁹² Каштанов 1996. С. 42.
- ¹⁹³ Ср.: Рыбаков 1963. С. 285.
- ¹⁹⁴ ПЛДР 1980. С. 555, 561.
- ¹⁹⁵ ПСРЛ 2. Стб. 275–276; ПВЛ 1999. С. 264.
- ¹⁹⁶ Милютенко 2006. С. 339.
- ¹⁹⁷ Грушевский 1891. С. 121–122; Грушевский 1905. Т. 2. С. 109–110.
- ¹⁹⁸ Фроянов, Дворниченко 1988. С. 59; Фроянов 1995. С. 219.
- ¹⁹⁹ Прищёлков 2002. С. 178; Смирнов 1963. С. 240, 241; Рыбаков 1963. С. 282; Рыбаков 1982. С. 450; Толочко 1987. С. 101.
- ²⁰⁰ Карамзин 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 87; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 389; Сергеевич 2006. Т. 2. С. 58, 202; Костомаров 2005. Т. 10. С. 34; Линниченко 1881. С. 29.
- ²⁰¹ Пресняков 1993. С. 209; Греков 1953. С. 501–502; Черепнин 1965. С. 235.
- ²⁰² Грушевский 1905. Т. 3. С. 210, 321; Покровский 1966. Кн. 1. С. 163.
- ²⁰³ Вернадский 2004. С. 103–104.
- ²⁰⁴ Высказывалось предположение, что Мономах мог находиться и в непосредственной близости от места событий (Тихоми-

- ров 1975. С. 139–140), но эта гипотеза выдвинута для объяснения экстренного издания Владимиром «Устава» в Берестове (подробнее — далее в тексте) и в отрыве от него представляется сомнительной, так как переяславский князь вряд ли мог праздно пребывать на территории киевского княжества, даже в том случае, если он просто пытался выиграть время.
- ²⁰⁵ Татишев 1773. Кн. 2. С. 212; Карамзин 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 87–88; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 389–390; Любавский 2000. С. 170; Смирнов 1963. С. 262; Рыбаков 1963. С. 282; Толочко 1987. С. 101.
- ²⁰⁶ Щербатов 1771. Т. 2. С. 87; Сергеевич 2006. Т. 2. С. 232; Грушевский 1891. С. 122–123; Будовниц 1960. С. 141; Толочко 1992. С. 40.
- ²⁰⁷ ПСРЛ 2. Стб. 276; ПВЛ 1999. С. 264–265.
- ²⁰⁸ Татишев 1773. Кн. 2. С. 211–212.
- ²⁰⁹ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 389; Голубовский 1881. С. 106.
- ²¹⁰ Смирнов 1963. С. 262–263; Фроянов 1995. С. 216–219.
- ²¹¹ Самоквасов 1870. С. 43; Иловайский 2005. С. 142.
- ²¹² Назаренко 2009. С. 93–96.
- ²¹³ ПСРЛ 2. Стб. 273; ПВЛ 1999. С. 263.
- ²¹⁴ Этот брак закончился разводом: Евфимия Владимировна была вынуждена вернуться на Русь, где родила сына Бориса Коломановича, который впоследствии неоднократно предьявлял претензии на венгерский престол (см.: Пашуто 1968. С. 167–169).
- ²¹⁵ Щавелева 2004. С. 299.
- ²¹⁶ Соловьёв 2010. С. 165.
- ²¹⁷ Пресняков 1993. С. 69.
- ²¹⁸ ПСРЛ 1. Стб. 243; ПЛДР 1978. С. 395.
- ²¹⁹ Карамзин 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 87; Сергеевич 2006. Т. 2. С. 6; Грушевский 1891. С. 123; Смирнов 1963. С. 261–262; Тихомиров 1975. С. 133; Толочко 1987. С. 100; Свердлов 2003. С. 490; Вернадский 2004. С. 103, 104, и др.
- ²²⁰ Погодин 1850. Т. 4. С. 372 (Прим. 105).
- ²²¹ Ср.: Соловьёв 2010. С. 163; Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 389.
- ²²² Фроянов 1995. С. 214.
- ²²³ ПСРЛ 1. Стб. 290.
- ²²⁴ ПСРЛ 3. С. 493.
- ²²⁵ Тихомиров 1953. С. 97; Фроянов 1995. С. 233.
- ²²⁶ Ключевский 1987. Т. 1. С. 253–254; Смирнов 1963. С. 272–273; Рыбаков 1982. С. 450; Свердлов 1988. С. 134; Фроянов 1995. С. 235; Зимин 1999. С. 230.
- ²²⁷ ПСРЛ 3. С. 492.
- ²²⁸ Зимин 1999. С. 229.
- ²²⁹ Там же. С. 228; Смирнов 1963. С. 270; Черепнин 1965. С. 229, 230.
- ²³⁰ Никифор 2007. С. 370–371.

- ²³¹ Тихомиров 1941. С. 205, 206, 208; Греков 1953. С. 503; Свердлов 1988. С. 132, 134–135.
- ²³² Зимин 1999. С. 232, 234.
- ²³³ Черепнин 1965. С. 238–239; Фроянов 1995. С. 238, 239; Зимин 1999. С. 230.
- ²³⁴ Правда Русская 1940. Т. 1 (текст). С. 109–112; Правда Русская 1947. Т. 2 (комментарии). С. 417–438, 483–543.
- ²³⁵ Греков 1953. С. 503; Рыбаков 1982. С. 450; Фроянов 1995. С. 227; Зимин 1999. С. 227; Свердлов 2003. С. 493.
- ²³⁶ Черепнин 1965. С. 236, 237; Тихомиров 1975. С. 140.
- ²³⁷ Татищев 1773. Кн. 2. С. 212–213. О различиях в интерпретации событий 1113 г. в I и II редакции «Истории Российской» см.: Добрушкин 1970; Петрухин 2013.
- ²³⁸ Карамзин 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 87; Примечания к II тому. Стб. 89 (№ 214).
- ²³⁹ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 390; Костомаров 2004. Т. 1. С. 60; Иловайский 2005. С. 143.
- ²⁴⁰ Тихомиров 1975. С. 137.
- ²⁴¹ ПСРЛ 2. Стб. 284; ПВЛ 1999. С. 267, 268.
- ²⁴² ПСРЛ 1. Стб. 250–251; ПЛДР 1978. С. 407, 409.
- ²⁴³ Милютенко 2006. С. 339, 341.
- ²⁴⁴ Свердлов 2003. С. 497–499.
- ²⁴⁵ Милютенко 2006. С. 337.
- ²⁴⁶ ПСРЛ 2. Стб. 282.
- ²⁴⁷ ПСРЛ 1. Стб. 250.
- ²⁴⁸ Там же. Стб. 290–291.
- ²⁴⁹ Там же. Стб. 280; ПЛДР 1978. С. 273.
- ²⁵⁰ ПСРЛ 2. Стб. 283; ПВЛ 1999. С. 267.
- ²⁵¹ ПСРЛ 2. Стб. 285.
- ²⁵² Щавелева 2004. С. 300–301.
- ²⁵³ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 391–392.
- ²⁵⁴ Пресняков 1993. С. 66.
- ²⁵⁵ ПСРЛ 25. С. 28. Ср.: ПСРЛ 7. С. 24; ПСРЛ 9. С. 150.
- ²⁵⁶ Грушевский 1891. С. 127.
- ²⁵⁷ ПСРЛ 1. Стб. 250.
- ²⁵⁸ ПСРЛ 2. Стб. 286.
- ²⁵⁹ ДРСЗИ 4. С. 256–257.
- ²⁶⁰ Там же. С. 304–306.
- ²⁶¹ Щавелева 2004. С. 301–302.
- ²⁶² ПСРЛ 1. Стб. 292; ПСРЛ 2. Стб. 286.
- ²⁶³ ПСРЛ 2. Стб. 287.
- ²⁶⁴ Шахматов 2003. С. 538.
- ²⁶⁵ ПСРЛ 2. Стб. 288.

- ²⁶⁶ Рыбаков 1982. С. 462; Котляр 1998. С. 240.
²⁶⁷ ПСРЛ 3. С. 21, 204–205.
²⁶⁸ Соловьёв 2010. С. 47.
²⁶⁹ Костомаров 2005. Т. 10. С. 47.
²⁷⁰ Беляев 1866. Кн. 2. С. 220–221.
²⁷¹ Янин 2003. С. 90–91, 100, 102.
²⁷² Петров 2003. С. 112–115.
²⁷³ Петрухин 2000. С. 207.
²⁷⁴ ПСРЛ 2. Стб. 283–284; ПВЛ 1999. С. 267, 268.
²⁷⁵ ПСРЛ 1. Стб. 226–227; ПВЛ 1999. С. 237.
²⁷⁶ Анна Комнина 2010. С. 216–223, 518–519 (Прим. 959).
²⁷⁷ Никифор Вриенний 2006. С. 276.
²⁷⁸ Васильевский 2010. Кн. 1. С. 419–465.
²⁷⁹ Безобразов 1889. С. 30; Присёлков 2002. С. 93–95; Иловайский 2005. С. 790–791. Ср.: Левченко 1956. С. 407–418.
²⁸⁰ Толочко 1987. С. 105; Ср.: Тихомиров 1969. С. 127–128; Литаврин 2001. С. 490.
²⁸¹ Горский 1987; Литаврин 2000. С. 292; Котляр 2003. С. 66. Ср: Пашуто 1968. С. 186; Свердлов 2003. С. 502.
²⁸² Пашуто 1968. С. 87–88; Литаврин 2000. С. 292; Котляр 2003. С. 65–66.
²⁸³ Горский 1987.
²⁸⁴ ПСРЛ 2. Стб. 286.
²⁸⁵ Пападимитриу 1904. С. 83–84.
²⁸⁶ Лопарев 1902. С. 424–426; Левченко 1956. С. 477.
²⁸⁷ Пашуто 1968. С. 187; Котляр 2003. С. 66.
²⁸⁸ ПСРЛ 2. Стб. 288. По данным Суздальской летописи, в результате этого пожара сгорело 600 церквей (ПСРЛ 1. Стб. 293).
²⁸⁹ См.: Кузьмин 1977. С. 244–246.
²⁹⁰ ПСРЛ 2. Стб. 289.
²⁹¹ ПСРЛ 1. Стб. 293–295.
²⁹² Филюшкин 2006. С. 24–38.
²⁹³ ПСРЛ 1. Стб. 297–298; ПСРЛ 2. Стб. 292.
²⁹⁴ ПСРЛ 1. Стб. 296.
²⁹⁵ Грушевский 1905. Т. 2. С. 123 (Прим. 2); Пресняков 1993. С. 68 (Прим. 155); Зайцев 2009. С. 75; Назаренко 2009. С. 98 (Прим. 131).
²⁹⁶ ПСРЛ 2. Стб. 294.
²⁹⁷ ПСРЛ 1. Стб. 301.
²⁹⁸ Грушевский 1905. Т. 2. С. 131–132.
²⁹⁹ Пресняков 1993. С. 71, 72.
³⁰⁰ Назаренко 2009. С. 96–97.
³⁰¹ ПСРЛ 1. Стб. 301. Ср. ПСРЛ 2. Стб. 294–295.
³⁰² ПСРЛ 1. Стб. 301–302.

- 303 ПСРЛ 3. С. 22–23, 207.
- 304 Толочко 1992. С. 41; Назаренко 2009. С. 97.
- 305 ПСРЛ 1. Стб. 302.
- 306 Алексеев 1980. С. 198–199; Алексеев 2006. Кн. 2. С. 34–35.
- 307 Грушевский 1891. С. 146 (Прим. 1).
- 308 ПСРЛ 1. Стб. 302.
- 309 ПСРЛ 2. Стб. 295.
- 310 ПСРЛ 1. Стб. 302.
- 311 Там же. Ср.: ПСРЛ 2. Стб. 295.
- 312 ПСРЛ 3. С. 23, 207–208.
- 313 ПСРЛ 2. Стб. 296.
- 314 Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 406; Грушевский 1891. С. 147–148; Мавродин 2002. С. 269; Толочко 1987. С. 114; Зайцев 2009. С. 76; Назаренко 2009. С. 98–99, и др.
- 315 ПСРЛ 1. Стб. 303; ПСРЛ 2. Стб. 297.
- 316 ПСРЛ 2. Стб. 299.
- 317 ПСРЛ 3. С. 23–24, 208–209.
- 318 ПСРЛ 3. С. 24–25, 209–210.
- 319 ПСРЛ 1. Стб. 306–307; ПСРЛ 2. Стб. 302–303.
- 320 Лихачёв 1947. С. 187; Насонов 1969. С. 89–90. Ср.: Рыбаков 1963. С. 306–307.
- 321 ПСРЛ 2. Стб. 307.
- 322 ПСРЛ 3. С. 25, 26, 211.
- 323 ПСРЛ 2. Стб. 307.
- 324 ПСРЛ 3. С. 25, 26, 211.
- 325 Янин 2003. С. 136, 138.
- 326 ПСРЛ 1. Стб. 309.
- 327 ПСРЛ 3. С. 28, 214.
- 328 По свидетельству Ипатьевской летописи, вскоре после вторичного вокняжения в Переяславле «пошел Изяслав к дяде своему Юрию в Суздаль и не уладился с ним» (ПСРЛ 2. Стб. 313). Возможно, путем переговоров он хотел обезопасить свое пребывание в этом городе, принимая во внимание то, какой интерес проявлял к нему старший родственник.
- 329 Там же. Стб. 317–318.
- 330 Там же. Стб. 320–321.
- 331 Там же. Стб. 323.
- 332 Там же. Стб. 330; ПСРЛ 1. Стб. 314.
- 333 ПСРЛ 2. Стб. 339–340.
- 334 Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 434.
- 335 ПСРЛ 3. С. 28, 214.
- 336 ПСРЛ 2. Стб. 374.
- 337 Там же. Стб. 367.

- ³³⁸ Там же. Стб. 378.
- ³³⁹ Там же. Стб. 380.
- ³⁴⁰ Ср.: Котляр 2003. С. 184.
- ³⁴¹ Ср.: Петрухин 2000. С. 211.
- ³⁴² ПСРЛ 2. Стб. 394.
- ³⁴³ Пашуто 1968. С. 168; Котляр 2003. С. 111.
- ³⁴⁴ ПСРЛ 2. Стб. 386.
- ³⁴⁵ Там же. Стб. 394.
- ³⁴⁶ Там же. Стб. 396–399.
- ³⁴⁷ Ср.: Рыбаков 1982. С. 492; Толочко 1992. С. 47; Котляр 2003. С. 195, и др.
- ³⁴⁸ ПСРЛ 2. Стб. 419.
- ³⁴⁹ Там же. Стб. 445.
- ³⁵⁰ Там же. Стб. 429.
- ³⁵¹ Там же. Стб. 443.
- ³⁵² Там же. Стб. 473.
- ³⁵³ Там же. Стб. 475.
- ³⁵⁴ Там же. Стб. 477.
- ³⁵⁵ Там же. Стб. 478.
- ³⁵⁶ Там же. Стб. 489.
- ³⁵⁷ ПСРЛ 3. С. 467. Ср. ПСРЛ 20. С. 103.
- ³⁵⁸ Насонов 2006. С. 165; Кучкин 1984. С. 72; Лимонов 1987. С. 20.
- ³⁵⁹ Относительно того, каким образом «Поучение» Мономаха попало в протограф Лаврентьевской летописи, предлагались различные гипотезы. Так, А. А. Шахматов полагал, что оно могло быть включено в летопись уже в 1117 г., при переработке «Повести временных лет» (Шахматов 2003. С. 532–533, 552–553). Согласно альтернативному мнению, это могло произойти на любом этапе формирования Лаврентьевской летописи, так как в Ипатьевской летописи, первая часть которой отражает так называемую редакцию 1117/18 г., тексты Мономаха отсутствуют (см., например: Толочко 2003. С. 82–83).
- ³⁶⁰ Орлов 1946. С. 103.
- ³⁶¹ Карамзин 1988. Кн. 1. Примечания ко II тому. Стб. 97 (№ 230).
- ³⁶² Ивакин 1901. С. 6–8.
- ³⁶³ Соловьёв 1988. Кн. 2. С. 84–85; Погодин 1862. Стб. 235–237, 240–241.
- ³⁶⁴ Гиппиус 2003. С. 91–93.
- ³⁶⁵ Подробнее: Пузанов 2007. С. 410–449.
- ³⁶⁶ Мильков, Милькова 2007. С. 190–191. Ср.: Пузанов 2007. С. 430, 432.
- ³⁶⁷ ПСРЛ 1. Стб. 241–242; ПЛДР 1978. С. 393, 395.
- ³⁶⁸ Об источниках этого фрагмента см.: Гиппиус 2003. С. 61.

- ³⁶⁹ ПСРЛ 1. Стб. 243–247, 251; ПЛДР 1978. С. 397–401, 409.
- ³⁷⁰ Как отмечал Д. С. Лихачёв, ряд идей, развиваемых Мономахом, заимствован из «Шестоднева» Иоанна, экзарха Болгарского (Лихачёв 1987. С. 146–149).
- ³⁷¹ Пиккио 2002. С. 75.
- ³⁷² Лихачёв 1987. С. 150.
- ³⁷³ ПЛДР 1981. С. 131.
- ³⁷⁴ Послание о Мономаховых дарах (Послание Спиридона-Саввы): электронная версия перевода: <http://www.portal-slovo.ru/history/35623.php>; оригинальный текст в кн.: Дмитриева 1955. С. 162–165.
- ³⁷⁵ ПЛДР 1984. С. 427–431.
- ³⁷⁶ ПСРЛ 7. С. 23; ПСРЛ 9. С. 144.
- ³⁷⁷ Татищев 1773. Кн. 2. С. 221.
- ³⁷⁸ Щербатов 1771. Т. 2. С. 98–112.
- ³⁷⁹ Карамзин 1988. Кн. 1. Т. II. Стб. 90–91.
- ³⁸⁰ Соловьёв 1988. Кн. 1. С. 391.
- ³⁸¹ Ключевский 1987. Т. 2. С. 117.
- ³⁸² Жданов 1891. С. 53–56, 62–95.
- ³⁸³ Дмитриева 1955.
- ³⁸⁴ Зимин 1972. С. 129–137; Зимин 1982. С. 148–159.
- ³⁸⁵ Гольдберг 1976. С. 207–212.
- ³⁸⁶ Послание о Мономаховых дарах (Послание Спиридона-Саввы). Вступительная статья, перевод, комментарии и примечания А. Ю. Карпова: http://www.portal-slovo.ru/history/35623.php?ELEMENT_ID=35623&PAGEN_1=2 (дата обращения: 14. 11. 2014).
- ³⁸⁷ Сеницына 2002. С. 642–648.
- ³⁸⁸ Стремоухов 2002. С. 428–439.
- ³⁸⁹ ПЛДР 1984. С. 437.
- ³⁹⁰ Ключевский 1987. Т. 2. С. 116.
- ³⁹¹ ДДГ 1949. С. 8.
- ³⁹² Герберштейн 1988. С. 82–83.
- ³⁹³ Жилина 2001. С. 172.
- ³⁹⁴ Там же. С. 170.
- ³⁹⁵ Забелин 2002. С. 649–650.

Содержание

Введение	5
Пролог	9
Первые «пути»	24
Княжение в Чернигове	49
Трудный путь к «триумvirату»	71
Княжение в Киеве	116
«Ряд Мономаха» и династическая борьба Мономашичей	157
Владимир Мономах и его «Поучение»	187
Легенда о «Мономаховых дарах»: трансформация исторических представлений	195
Эпилог	207
<i>Краткая хронология</i>	<i>209</i>
<i>Библиография</i>	<i>213</i>
<i>Примечания</i>	<i>221</i>

- Боровков Д.
Б83 Владимир Мономах, князь-мифотворец / Дмитрий Боровков. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 240 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-276-9

В этой книге собрано практически все, что известно о великом князе киевском Владимире Всеволодовиче Мономахе, — о том, каким его представляли современники и как оценивали ближайшие потомки. Государственный деятель, военачальник, талантливый писатель, он прекратил княжеские междоусобицы и, собрав в руках своей семьи значительную часть русских земель, выступил объединителем Руси. Отчасти именно это послужило причиной того, что имя Владимира Мономаха стало краеугольным камнем идеи «перенесения империи» на Русь, а сам он — частью политического мифа, формирование которого началось еще при его жизни на страницах древнейшей русской летописи — «Повести временных лет», составленной в 1116 году, — и продолжилось в XIII—XVI веках. Историк Дмитрий Боровков, критично подходя к сведениям, которые содержатся в летописях, сделал попытку выявить мотивы, которые влияли на создание летописного образа Владимира Мономаха, и тем самым воссоздать его подлинный облик.

УДК 94(47).027

ББК 63.3(2)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Дмитрий Боровков

Владимир Мономах,
князь-мифотворец

Редактор П. Лесик
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 19.06.2015. Заказ 2535.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД С ВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИВЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иностранцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ: СХВАТКА ЗА ЛИВОНИЮ
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Дмитрий
Боровков**
Владимир
Мономах,
князь-
мифотворец

В этой книге собрано практически все, что известно о великом князе киевском Владимире Всеволодовиче Мономахе, — о том, каким его представляли современники и как оценивали ближайшие потомки. Государственный деятель, военачальник, талантливый писатель, он прекратил княжеские междоусобицы и, собрав в руках своей семьи значительную часть русских земель, выступил объединителем Руси. Отчасти именно это послужило причиной того, что имя Владимира Мономаха стало краеугольным камнем идеи «перенесения империи» на Русь, а сам он — частью политического мифа, формирование которого началось еще при его жизни на страницах древнейшей русской летописи — «Повести временных лет», составленной в 1116 году, — и продолжилось в XIII–XVI веках. Историк Дмитрий Боровков, критично подходя к сведениям, которые содержатся в летописях, сделал попытку выявить мотивы, которые влияли на создание летописного образа Владимира Мономаха, и тем самым воссоздать его подлинный облик.

ISBN 978-5-91678-276-9

9 785916 782769